

№ 4 (68). 2025

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Сентябрь 2025 № 4 (68)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России (**В памяти навечно**)
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Александр Сидоров – Президент Международной Академии русской словесности в Австралии (МАРС), Председатель Австралийского отделения СПР
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,

адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 22 сентября 2025 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 1652.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ, ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Берега Великой Победы

Специальный выпуск

Виктор Цымбал

Виктор Иванович Цымбал – капитан 1 ранга в отставке. В 1994 году завершил военную службу в должности заместителя главного штурмана ВМФ и перешёл на государственную службу в должности главного государственного инспектора мореплавания Госморинспекции, вошедшего в состав Минтранса России Министерства морского флота с функциями упразднённой должности главного штурмана морского флота.

На заключительном этапе государственной службы работал ведущим советником Аппарата комиссии Совета Федерации по национальной морской политике и помощником депутата Государственной Думы. Зани-

мался вопросами совершенствования законодательства морской сферы деятельности. За период работы в Федеральном Собрании подготовил к внесению членами Совета Федерации и депутатами Государственной Думы более 20 законопроектов, из которых более 10 уже подписаны президентом России.

Общий трудовой стаж 60 лет. Более 30 лет оказывает помощь на общественных началах членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы и общественным организациям в урегулировании законодательных и нормативно-правовых требований в морской сфере деятельности. В настоящее время вице-президент Ассоциации организаций, осуществляющих подготовку экипажей морских и речных судов.

О СЕМЬЕ, ВОЙНЕ И РОДИНЕ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Окончание. Начало в № 3-2025

О войне

Рассказ Ивана Елисеевича Цымбала, ветерана Великой Отечественной войны

В день начала войны, 22 июня, я находился на руднике «Джумба» по служебным делам. Когда шёл домой, на мосту через речку Буконь встретил Ивана Муратова, который первым мне сообщил, что началась война с Германией. От этих слов ноги подкосились, кое-как подошёл к перилам моста, склонился на них. Мы с Муратовым долго стояли молча. Потом я выдал из себя: «Всё же фашисты напали на нашу Родину, и всему народу её придётся защищать!»

На второй день войны в селе возле здания сельского совета стал слышен плач матерей, жён и детей, провожавших на фронт сыновей, мужей, отцов, братьев и сестёр. Каждый провожавший наказывал: «Береги себя, бей гадов-фашистов и вернись домой с победой».

На руднике «Чудское» я рассчитался и приехал домой. В ожидании призыва на фронт нужно было как-то обеспечить семью и создать, по возможности, хотя бы небольшой запас на период моей службы по мобилизации. Я набрал артель, получил участок, и мы начали работать. Золото было среднее,

*Иван Елисеевич Цымбал,
ветеран
Великой Отечественной войны*

но на жизнь хватало. Семья была небольшая – я, жена, мама и сын Коля, ему исполнился один год и три месяца.

Девятнадцатого июля 1941 года я проводил на фронт родного брата Степана. Артель наша сократилась до трёх человек. Участок ещё не был освоен даже наполовину, и мы условились, что после моей мобилизации, в целях обеспечения прав членов артели, работы на участке будут прекращены. Решение на дальнейшие работы должны будут принять вернувшиеся с фронта члены артели после нашей победы.

НА ФРОНТ

В начале ноября я получил повестку и ушёл защищать Родину. Это было 9 ноября 1941 года. Провожали из нашего села меня и моих товарищей: Степана Евтифовича Корчика, И. Т. Шабалина, – всего восемь человек – в пять часов утра. Ночью прошёл снег, и дул холодный северный пронизывающий ветер.

Трое саней, запряжённых лошадьми, двигались по дороге на выезд из села. На передних санях лежали наши мешки с продуктами – хлебом, салом, чесноком и домашнего приготовления колбасой. За санями медленным шагом по двое в ряд шли наши жёны, матери, родные и знакомые.

На пересечении реки Кумаи извозчики остановили лошадей и дали немного времени на прощание. Настала минута, которая и сейчас скребёт сердце, когда ты это всё вспоминаешь. Жалобное завывание жён, которые схватили своих мужей за шею и обливали их слезами. Плакали матери, наказывая сыновьям беречь себя в бою. Я обнял маму и жену, крепко их поцеловал и сказал сквозь льющиеся слёзы: «Берегите себя, а я вернусь, не волнуйтесь». Жена Надя повисла на моей шее, обливалась слезами. Я прижался к её мокрому от слёз лицу, ещё раз поцеловал и попросил беречь сына Колю: «Береги сына Колю, а я вернусь!» Эти слова были моими прощальными, и я их помнил до своего возвращения.

С большим волнением в груди я упал на сани. Извозчик Порфирий Фомич Герасименко погнал лошадь рысью, дабы быстрее уехать от плачущих позади родных и знакомых. Мы всё дальше удалялись от провожающих, и всё тише и тише доносились рыдания, пока не затихли совсем. Родные рыдали, но расстояние уже поглотило все звуки. Мы начали свой путь навстречу неизвестности, и каждый – навстречу своей судьбе.

Все уезжающие в то утро восемь солдат обещали вернуться с победой домой, но, увы! Подавляющее большинство сложили головы в боях за освобождение нашей Родины от фашистских захватчиков. По послевоенным данным, из Малороссии и Джумбы было призвано около 700 человек, а вернулось, по моему мнению, не более 40–50 бойцов, в большинстве своём получивших ранения, впоследствии признанных ветеранами Великой Отечественной войны!

В районный центр – село Самарское – мы прибыли поздно вечером этого же дня. Около 60 километров мы преодолели примерно за 15 часов. Переночевали в местном клубе. Утром 10 ноября нас, уже солдат – защитников Родины, более 100 человек, построили в две шеренги. Перед нами выступил военком майор Покотиллов. Он говорил коротко и резко: «Фашистская Германия внезапно напала на нашу Родину и хочет поработить нас. Вы воины, защитники первого в мире социалистического государства, должны разбить их и изгнать с нашей священной земли». После этой речи нас повели в столовую, накормили вкусными щами, гуляшом и сладким ароматным чаем. К окончанию завтрака на улице нас уже ожидали сани, запряжённые добротными лошадьми. Сани были оборудованы задками, на них было уложено душистое сено.

В каждые сани сели по три человека. После окончания погрузки духовой оркестр начал играть походный марш, а лошади с места тронулись рысью. Звук медных труб постепенно затих в морозной дали.

Мы ехали по известному Восточному кольцу около 250 километров – через Казнаковку, Белое, Преображенку, Большую Буконь, Кокпекты, Николаевку, Георгиевку до железнодорожной станции Жангиз-Тобе. В пути мы были четыре дня. На подъезде к станции нас встретил сильный восточный ветер, сбивавший с ног. Снежная крупа, смешанная с песком, больно хлестала по лицу, а холод обжигал щеки. Последние километры пути до станции нам дались с большим трудом. На станции нас посадили в вагоны и повезли в сторону Семипалатинска. Это было 15 ноября 1941 года.

На второй день мы прибыли в Семипалатинск. С остановкой состава нам была дана команда: взять свои вещи, выйти из вагонов и построиться в две шеренги. Под руководством сопровождавших нас военных мы пешком прибыли в большое помещение, где располагался учебно-маршевый полк.

Здесь нас сводили в столовую, досыта накормили и по возвращении в расположение полка начали оформлять документы. Записывали фамилии, имена, отчества, образование и занимаемую до призыва должность. Тогда у меня образование было семь классов, профессия – горный мастер, должность – председатель старательской артели «Заря» по добыче россыпного золота.

На следующий день нас выстроили возле казармы с вещами (котомками) за плечами и стали вызывать по фамилиям. Вызвали более 60 человек, включая и меня, и увели на станцию. Из знакомых мне ребят только я один попал в эту команду.

На станции нас посадили в вагоны по 38 человек. Вагон был оборудован двухэтажными нарами с обеих сторон, а посередине была чугунная печка-буржуйка, которая топилась углём.

Паровоз подал гудок, и поезд медленно пошёл, постукивая колёсами вагонов на стыках рельсов. Многие солдаты улеглись на нарах и стали засыпать. Несколько человек растопили печь докрасна и грелись у неё. Один из солдат (его называли Андреем) обхватил колени руками и задумчиво вглядывался в огонёк приоткрытой дверцы печи, о чём-то размышляя, сказал вслух:

– А я бы войны не хотел, как было бы хорошо, если бы люди вечно жили в мире и братстве. Жили и никогда друг на друга не поднимали руку, не применяли оружие.

– Эко хватил! – засмеялся, блестя зубами, сидевший рядом с ним чернявый парень. – Пока будут капиталистические страны, войны будут, ведь буржуи хотят поработить свободно живущие страны, дабы можно было кого эксплуатировать и наживать свои капиталы на эксплуатации человека человеком.

Новоиспечённые солдаты долго спорили и незаметно подъехали к станции Рубцовка. Я выглянул из вагона и говорю ребятам:

– Мы едем всё дальше и дальше от фронта на восток, поближе к японским самураям.

На этой станции простояли около получаса и двинулись дальше. Солдаты утомонились, легли спать. Я поднялся на второй ярус и тоже заснул.

Проснулся я от сильного толчка вагона где-то на разъезде при резком торможении поезда. Сон улетучился, и я уже уснуть не мог. Взошло солнце, и его яркие лучи проникали в небольшое окошечко вагона. В него было видно, как мимо пробегают и остаются позади стройные алтайские вечнозелёные сосны. От их спокойной красоты кажется, что всё прекрасно на этой алтайской земле. Лес сменяется на ровные поля алтайской плодородной равнины, часто были видны полевые защитные полосы небольшого в пять рядов леса, виднелись красивые с широкими улицами сёла. Дома утопали в деревьях.

– Красота-то какая? – говорю другу Огурцову. – Сколько везде красоты этой милой, и всё наше, народное! И вот на всё это напал проклятый фашистский гад, он хотел завладеть нашей необъятной родиной, но он, я верю, подавится. На защиту своей родины поднялся весь наш народ, и он победит, выгонит врага с нашей священной родины, её ещё никто не побеждал.

– Да, – ответил Огурцов, – что верно, то верно. Недавно японские самураи получили по рылу и были с позором выдворены с нашей земли. Получит то же самое и этот гад.

Незаметно доехали до города Барнаула. Эшелон наш загнали в тупик, всем приказали выйти из вагонов, вещи оставить. Выстроили нас в две шеренги и по команде «Шагом марш!» повели к бане, где мы в помещении сняли всю свою одежду, повесили её на вешалки, сделанные специально на железных колёсах. При этом нас предупредили, что вещи будут пропариваться для уничтожения возможных паразитов, поэтому вещи из кожи (полушубки, меховые варежки и т. п.) нужно оставить на лавках. Но я не заметил, чтобы такие вещи у кого-либо были. Мобилизованные были одеты достаточно бедно. Эти вешалки с нашей одеждой по рельсам закатывались в камеру для пропарки, а мы за это время хорошо вымылись в бане.

После бани нас накормили в столовой и опять повели на станцию. Без суеты расселись по своим вагонам, и опять стук колёс, покачивания вагонов. «Под такое убаюкивание хорошо спать», – сказал я товарищам. Мы разместились по местам на шершавых досках. Я шапку на голову, фуфайку под бок и уснул после бани быстро. Спали часа три-четыре, проснулся от небольшого толчка вагона. Было тепло, ребята раскалили буржуйку докрасна, и уже было видно в окошечко, что настало утро. Я сел возле окошечка, сложил на коленях свои мозолистые руки и стал смотреть. За окном вагона мелькали незнакомые мне полустанки, недалеко виднелся какой-то завод с высокими трубами, неторопливо пускающий в небо чёрный дымок. Смотрел я на этот завод, пока он не остался позади, а перед глазами опять степь с полезающими полосами небольшого леса.

Солдаты стали просыпаться один за другим, сползали с досок, кто делал разминку, а многие окружили печь и стали обогреваться. Печь была красная, потому что её не переставая топили. Умываться начали дружно, поливали один другому на руки, обмывая на лице и руках коготь от паровоза и буржуйки.

Закончив утренний туалет, стали доставать мешки с продуктами и вынимали из них домашнее снадобье. Мы с другом тоже достали свои мешки, развязали их, вынули завернутые в чистые изо льна тряпицы хлеб, сало и колбасу. Покушали хорошо, вспомнили о родном доме, который уже далеко-далеко остался где-то на востоке Казахстана.

После завтрака расселись на нижних, а кто и на верхних нарах. Стали петь песни. Сначала пели весёлые и постепенно перешли на грустные, от которых на глазах показались капельки слёз. «Ведь едем не до тещи на блины, а на войну жестокую, на которой без жертв не бывает», – сказал рядом сидящий товарищ Быковский. Дабы быстрее перевести разговор на другую тему, я, перебивая всех, громко спросил товарища Быковского: «Откуда родом? Где работал?» А тот отвечает: «Быковский, житель села Жангиз-Тобе, работал грузчиком, в общем – чернорабочим, а в 1937–1938 годах работал в Старательской артели по добыче россыпного золота на участке “Диковское”». – «О, тогда ты земляк, вы сдавали золото в кассу рудника “Джумба”?» – «Да», – отвечает Быковский. «Ну вот, и я в эти годы работал горным мастером на шахте “Параллельная”. Слышал про такую?» – «О, как же! Это самая богатая была шахта по добыче рудного золота. Её открыл Лебедев в 1935 году». – «Точно, – подтверждаю я, – осенью, в сентябре 1935 года».

В это время поезд замедлил ход, скрипнул тормозами и остановился. Раскрыли двери, перед нами большой красивый вокзал, с крупной вывеской – Новосибирск. Не успели оглядеться, как прозвучала команда забирать вещи, строиться вдоль вагона в две шеренги. Командир эшелона прошёл, просчитал, дал команду: «Направо, шагом марш», и повёл нас в городскую баню, где опять процедура та же, что и в городе Барнауле. Только здесь мы после бани отдыхали в какой-то большой казарме до утра. Спали просто на полу, в верхней одежде, прижавшись друг к другу.

Утром сводили в столовую, накормили досыта. Потом увели на станцию и разместили в вагоны, но уже в другие, и поезд тронулся. Когда проехали часа два, то узнали, что едем на восток, и все были одного мнения – едем на японскую границу. Но наши мнения рассеялись, когда мы доехали до города Красноярск, где нас высадили и повели строем в расположение военных казарм и сразу же скомандовали идти в баню, которая была расположена рядом через улицу. В бане, в узком длинном коридоре, разделись догола, зашли в душевую, где под дождевальными кранами отмылись добела. Выходили в другую сторону – в обширное, светлое и чистое помещение, здесь нам выдали чистое бельё, солдатское обмундирование, бушлаты и серые шапки. Одели нас всех в единую солдатскую форму. По команде, взяв личные вещи, вышли из помещения, построились в колонну по четыре человека и снова – шагом марш. Только вышли на улицу, прозвучала команда: «Запевай!» Долго никто не осмеливался, а командир, старший сержант, терпеливо ждал, но не дождался и сам запел. Его подхватили дружно и так с песней дошли до места расположения. По одному завели в просторное светлое помещение с двухэтажными деревянными нарами, командир показал, где чьё место, его номер. «Кто не надеется на память, запишите, а теперь раздеться и спать, время уже позднее».

Наутро подъём сделали поздно, наверное, потому, что после бани, да и только был первый день, как мы надели красноармейское обмундирование и стали солдатами. Сводили в столовую, накормили хорошо, привели в казарму, и командир сказал нам, что сегодня до часу дня нам всем даётся увольнение, сходите, получите верхнее обмундирование, домашнюю одежду отправьте почтой домой, пусть дома её расходуют на свои нужды. Я пошёл, получил валенки, полушубок и фуфайку, правда, свою

гражданскую одежду сдавать не пошёл, так как дома носить её было некому, а забежал на барахолку и продал за 250 рублей. Многие ребята поступили так же, не стали посылать домой, потому что дома одежды хватало.

На следующий день нас построили (всего было 150 человек), перед строем выступил старший лейтенант. Он сказал, что мы зачислены в 125-й запасной полк, а наша особая пулемётная 252-я рота с сегодняшнего дня начинает боевую учёбу. На коротких занятиях нам объяснили требования уставов и законов военного времени. Устройство и правила применения винтовки и пулемёта «Максим», а также принципы ведения прицельной стрельбы по противнику мы изучали более подробно. Но занятия в помещениях продолжались всего два дня. После них мы приступили к практическому освоению задач солдата Красной армии СССР. Мастерство ведения стрельбы солдаты осваивали быстро, так как многие с детских лет занимались охотой на дичь и зверя. Десять дней с утра и до вечера мы выходили за город, неся на себе пулемёты «Максим», и там, в степи в снегу, копали траншеи, устанавливали пулемёты так, чтобы можно было вести обстрел противника, осваивали тактику ведения боя. В казарму приходили усталые, притом часто по очереди приходилось нести на плечах тележку или ствол пулемёта.

В один прекрасный день, в конце декабря 1941 года, нам с утра объявили, что будем принимать военную присягу. Мы остались в казарме, однако не прошло и часа, как нас подняли по тревоге, при себе иметь все личные вещи, сказали нам. За 10 минут мы уже все стояли на улице в строю. К нам подошёл полковник, поздоровался и чётко сказал: «Товарищи, вас направляем на станцию Злобино в распоряжение директора завода, подчиняться будете только командирам взводов, которые уже назначены». И нас построили по взводам, всего было три взвода, в каждом по 50 человек. Строем увели на станцию, посадили в вагоны, и через час уже были на станции Злобино, где нас расположили в землянках, только недавно сделанных. Доски на нарах ещё были мёрзлые, посреди землянки горела большая железная печь. В каждой такой землянке разместился один взвод. Наш был «Первым». И началась срочная работа по строительству эвакуированного военного завода. Работали с утра и до поздней ночи, несмотря на то что на улице были морозы 40–50 градусов. Приходилось с использованием катков перетаскивать генераторы, станки разной марки, их устанавливать. Рыли глубокие траншеи, часто по ночам грузили вагоны с разными ящиками и вели охрану строительства объектов, где пробыли до 6 февраля 1942 года.

В расположение своей части, в город Красноярск, мы прибыли в тот же день 6 февраля, разместились в той же казарме, а 14 февраля 1942 года приняли присягу. И опять напряжённая учёба в заснеженных полях и на опушках леса. Мне особо запомнился один из учебных боёв. Мы по глубокому снегу прибыли на опушку леса. Нашему взводу была поставлена задача выбить противника из его окопов, расположенных напротив у небольшого лесочка. Для выполнения задачи предстояло преодолеть большое заснеженное поле со следами вспашки. Командир предупредил, что противник «настоящий» и нам нужно атаковать, несмотря на его сопротивление и стрельбу. Стрельба по нам будет вестись по правилам настоящего боя. Взвод рассредоточился в шеренгу и по команде должен пойти в атаку. В распоряжении взвода было три пулемёта. На каждый пулемёт расчёт из трёх солдат, остальные были вооружены колями-винтовками. Такая «винтовка» досталась и мне.

Комвзвода что есть силы прокричал: «За Родину! Вперёд! На врага!» И мы цепью бросились в атаку. Как только мы, согнувшись, выдвинулись из лесочка, мы услышали стрельбу и инстинктивно упали в снег. Комвзвода командует: «К врагу по-пластунски!» Солдаты ползком начали продвигаться к окопам «противника». И вдруг, несмотря на приказ ползти, некоторые солдаты начали подниматься в рост. Комвзвода выматерился и добавил, что вставшие могут быть наказаны по законам военного времени или вражеской пулей. Взвод снова весь залёг, стрельба по наступающим усилилась. Но приказ есть приказ, и мы продолжали атаку ползком. Через несколько минут заработали по «врагу» наши взводные пулемёты. Стрельба «врага» затихла, мы снова, пригнувшись, бросились в атаку. Не успели пробежать и 10 метров, как «враг» возобновил обстрел атакующих. Нам вновь пришлось атаковать по-пластунски. Солдаты чертыхались, но двигались вперёд на позиции «врага». Наша атака продолжалась то ползком, то в рост и завершилась рукопашным боем с соломенными чучелами противника в его окопах.

При разборе действий бойцов на учении командир взвода объяснил, что это поле для учебной атаки выбрано не случайно. Оно было «удобрено» отходами из скотоферм и общественных туалетов.

Солдаты должны быть готовы преодолевать любые тяготы службы, тем более в ходе боя, а стрельба по нашей шеренге в этот раз велась специально направленными для этого солдатами холостыми патронами для сохранения жизни солдат в мирное время, но, добавил, не исключается применение в следующих учениях и боевых патронов.

Часто нас тренировали на учебных стрельбах из пулемётов боевыми патронами по мишеням. У меня получались попадания хорошие, и мне присвоили звание пулемётчик первого номера.

Наша подготовка подходила к завершению. В конце февраля нам выдали запасное бельё и две пары тёплого белья, обули в новые сапоги, выдали каждому новый вещевой мешок, продпаёк, котелок и ложку. Мы сдали бушлаты и шапки. Одели нас в новые серые шинели и выдали новые шапки. 28 февраля 1942 года мы уже были на станции, где кроме нашей роты ещё прибыли пять рот. Всех построили на посадочной платформе. Подошёл состав с вагонами-теплушками, заиграла духовая музыка. Её приостановил поднятием руки полковник, который сказал: «Товарищи бойцы, вы уезжаете на фронт, будьте достойными сыновьями нашей Родины, бейте фашистов так, как их побили под Москвой, и гоните сволочей до их логова. Смерть фашистам-оккупантам!» Опять заиграла музыка, а нам, солдатам, скомандовали на посадку по вагонам. Посадка длилась недолго. Поезд дал пронзительный, как будто прощальный, гудок, и вагоны стали медленно удаляться от станции, а музыка продолжала нас бодрить, по удалению она затихала, а потом совсем не стало слышно.

Солдаты, кто стоял, а кто ушёл, лёг на дощатые нары, у многих блестели под глазами следы слёз, а у многих даже капля за каплей из глаз лились горячие солдатские слёзы.

Опять расставание, хотя провожали нас люди не родные, но они от всего сердца желали нам разбить врага и живыми вернуться домой. Каждый из нас, солдат, благодарил за такое пожелание, но в мыслях появлялось разное, ведь ехали прямо на фронт, на войну, которая без убитых не бывает. В нашем вагоне были и такие, кто уже был легко ранен в первые дни войны, и они говорили, что враг силен, у фашистов много танков, самолётов, а особенно автоматов. Большинство были солдаты, которые ещё не представляли, что такое настоящий бой, и каждый стремился быстрее доехать на передовую и вступить в схватку с врагом, который напал на нашу Родину и топтал нашу священную землю.

Поезд всё ближе и ближе продвигался к войне, проехали город Новосибирск, станцию Барабинск, Татарскую. Уже наступала вторая ночь, как мы едем в поезде. Улеглись все спать. Я уснул быстро, спал крепким сном всю ночь. Проснулся утром, когда в окошко уже было видно солнце. Товарищи по вагону уже позавтракали. Я соскочил с верхней полки. Старший по вагону приказал быстро умываться и завтракать. Чай ещё остался, достал сухой паёк – колбасу, сухари – и приступил жевать холодную сухую колбасу, запивая горячим чаем. Только закончил трапезу, как старший вагона сказал: «Наша Красная армия успешно сражается с жестоким врагом. Советские войска отогнали гитлеровцев от Москвы на запад на 100–350 километров, очистили от войск полностью Московскую, Тульскую и Рязанскую волости». Врагу дали первый ужасный урок. Много вражеских солдат и офицеров остались вечно лежать на подмосковной земле.

Проехали Свердловск, осталась позади Казань. Чем дальше уезжали на запад, тем ближе приближался фронт. Навстречу шли санитарные поезда, в окна было видно, что на передовой идут ожесточённые бои, где кровь льётся рекой, дерутся не на жизнь, а на смерть. У окошек санитарных вагонов сидели раненые солдаты, перемотанные белыми марлевыми бинтами: у кого голова, у кого грудь. Через бинты была видна просачивавшаяся алая солдатская кровь. Только на восьмой день поздно ночью наш эшелон подошёл на Казанский вокзал города Москвы. Нам приказали из вагонов не выходить. Город был тёмный, светомаскировка была введена строгая.

В небольшое окошко вагона можно было увидеть только светящие вверх стрелы прожекторов, которые бороздили тёмное небо в поисках вражеских самолётов. Ночью часто были слышны сирены воздушной тревоги. Плохо спалось в ту тревожную на Казанском вокзале ночь.

На рассвете заснул, но ненадолго – сильные встревоженные голоса солдат разбудили меня, они открыли двери вагона и ужасающе говорили: «Смотрите, что наделали немецкие самолёты». Да, натворили уже много, стоило посмотреть, на улице множество разрушенных домов, с правой стороны на небольшом косогоре зияли глубокие воронки от взорвавшихся немецких бомб, немного дальше небольшое низкое с высокой кирпичной трубой здание было разрушено прямым попаданием бомбы, сброшенной с самолёта.

Немецкая авиация часто налетала на Москву, но мало ей приходилось сбрасывать бомб на центральные улицы, большинство бомб сбрасывали на окраины города. Наша воздушная оборона города была оснащена хорошо. На всё это мы смотрели с большой болью в душе, как безжалостно уничтожали фашистские стервятники всё то, что с таким трудом строилось советскими людьми. У каждого из нас, стоящих в вагоне солдат, нарастала ненависть к немецким захватчикам, которые вероломно напали на нашу святую землю. Чем больше смертей, тем сильнее закипало зло в душе, и она рвалась в бой, чтобы уничтожить гитлеровцев, которые так варварски разрушают города и сёла и убивают наших невинных мирных жителей.

После обеда я с товарищем Огурцовым попросили у командира увольнение на один час сходить в город, чтобы сдать письма, написанные домой. Командир нас отпустил. По улицам ходило много патрулей, мы спросили у одного из них, где находится почтовый ящик. Нам указали, и когда мы подошли, то увидели кучу от земли выше почтового ящика писем-угольничков, которые в почтовый ящик не поместились. Мы положили свои угольнички сверху и ушли на станцию. Зашли в вагон, покушали и легли отдохнуть. Не слышали даже, когда тронулся поезд. На одном из полустанков от сильного стука вагона проснулся – было темно. Солдаты говорили, что поезд движется в сторону Ленинграда. Не доехав до станции Вишера, наш поезд остановился на небольшой станции Малая Вишера, прозвучал приказ быстро разгрузиться, с собой взять все личные вещи и уходить влево, где стоял густой лес. Зашли мы в тот лес, стало темнеть, вечерняя мгла медленно растекалась по всей поверхности земли, сумерки становились всё гуще, в лесу стемнело, наступила тёмная ночь.

Мы прошли около километра, остановились. Было приказано сделать небольшие шалаши из веток, не курить, огня не разводить, соблюдать полную маскировку. Солдаты наломали сосновых веток, соорудили небольшие шалаши, как у нас называли, – балаганы, настелили веток. Пять человек из нашего взвода влезли в построенный шалаш, легли спать, прижавшись друг к другу. Уснули быстро, это было в начале марта 1942 года. Так у нас началась служба в прифронтовой зоне – служба безоружных солдат.

Чуть забрезжил рассвет, нас подняли по тревоге, и наша маршевая рота, без единой винтовки, в колонну по одному пошла вглубь леса по неширокой тропе. Не прошли мы и 500 метров, как лес стал редеть, впереди была неширокая лужайка, по которой протекала небольшая речушка. Со стороны, откуда мы подошли, было видно, что здесь недавно прошёл жестокий бой.

Наши войска сломали укреплённую линию обороны противника и заставили его отступить. Мы шагали между припорошенных утренним инеем воронок. Вокруг виднелись трупы убитых солдат, часто лежавших в самых невероятных позах. Я обратил внимание на торчавшую из кучи земли, перемешанной со снегом, разбитую, очевидно осколком снаряда, голову солдата с запёкшейся на лице кровью.

Когда мы перешли через речушку, всю изрытую взрывами снарядов, открылась картина ещё ужасней. Всюду валялись неприятельские трупы в шинелях мышиного цвета. Командир сказал, что это фашисты, враги нашего народа, они пришли в нашу страну, чтобы нас сделать своими рабами, и уже получили от наших солдат такой удар по зубам, что навечно остались лежать в нашей земле. И такая же участь ожидает и остальных. Кто пришёл к нам с ружьём, от него и погибнет. Дальше мы пересекли поле сражения. Всюду были развороченные нашими снарядами блиндажи, зияли воронка на воронке, а по их краям везде валялись окровавленные и застывшие на морозе трупы вражеских солдат. Пахло толом, порохом, кровью и ещё бог знает чем. Такой запах может иметь только война и смерть.

Небольшой лес, в который мы начали заходить, был так срезан пулями и снарядами, будто какой-то гигантский косарь на адской косилке его срезал на высоте около полуметра от земли, а толстые сосны были порваны осколками снарядов, ветки на них до самых вершин были сбиты. Впервые в жизни я увидел поле боя, и оно на меня дохнуло ужасом. Это было первое и очень сильное впечатление большого и безжалостного хода битвы. Было такое ощущение, что от вида такой картины обрывается сердце. Стало так жаль тех, кто, защищая нашу священную землю, погиб и уже не сможет встретить маму, жену, сына или дочь и своих близких.

Выйдя из леса, мы пошагали по неширокой просёлочной дороге. По сторонам стали попадаться подбитые немецкие машины и повозки с убитыми лошадьми. Ближе к обеду мы зашли в густой лес, была дана команда отдыхать, костры не разводить. Обедали сухим пайком – колбасой и сухарями.

Вокруг нас стояли высокие лиственные деревья вперемешку с соснами и елями. Солдаты стали спрашивать у командира, куда мы идём без оружия? Он ответил: «На передовую, ближе к реке Волхов. Скоро услышите вой снарядов и их громовые, часто смертельные взрывы, увидите пожары бушующей безжалостной войны».

На этот раз мы отдыхали почти до вечера, кое-кто, склонившись к стволу дерева, начал дремать, но уснуть не пришлось. Послышалась команда строиться, и снова в путь в колонне по два. Курение было категорически запрещено. За ночь прошли два небольших села. Дома в сёлах почти все были разрушены, многие спалены. К утру подошли близко к передовой артиллерийского дивизиона. Но вплотную к линии огня нас не подвели. Мы расположились в лесу на небольшом расстоянии от передовой. Было приказано сделать из веток шалаши, огонь не разводить, курить только в шалашах. Солдаты быстро соорудили шалаши на 8–10 человек, влезли в них, легли на ветки и, плотно прижавшись друг к другу, заснули. Через некоторое время нас, расталкивая, подняли на ноги. Выползая из шалашей, мы ощутили вкусный запах горячей, зажаренной луком горячей пищи. На каждый взвод нашей маршевой роты принесли горячий и, как всем показалось, до неимоверности вкусный суп. Горячий ужин согрел наши души и поднял настроение.

Время было за полночь, впереди нас беспрерывно вели огонь по противнику наши батареи на передовой. До нас доносились глухие взрывы снарядов в расположении противника, а небо озарялось красным заревом пылающей войны. Весь следующий день мы провели в шалашах, слушая смертельную музыку боя, который проходил в нескольких от нас километрах.

По неширокой просёлочной дороге, которая проходила через густой лес, проезжали на повозках, а в большинстве шли пешком забинтованные в разных местах раненые солдаты. Мы подошли к одной из идущих групп и стали расспрашивать, далеко ли идут бои. Один из раненных в плечо посмотрел на нас усталыми глазами и проговорил: «Бои идут жаркие недалеко от реки Волхов. А, между прочим, сами скоро увидите и испытаете, наверное, ещё не были в боях?» – «Да», – ответил я. «Тогда желаем вам удачи, бейте врага не на жизнь, а на смерть». Раненый ушёл, мы вернулись в шалаш, а как только стало светать, нам дали горячий завтрак с горячим чаем. Мы разогрелись, закурили. Тут же подошёл взводный командир, курящим сделал внушение и сказал, что наш маршрут изменили, поэтому пойдём в северо-западном направлении, всем взять вещи и строиться.

Через пару минут мы уже шагали неширокой просёлочной дорогой, было ещё темно. Шли мы колонной по три человека. Справа стоял густой высокий лес. С левой стороны, насколько позволяла видимость, местность была чистая, кое-где уже были проталины и чернела земля. Уже стало по-настоящему светать. На исходе был март 1942 года, настала его последняя декада. Мы подошли к небольшому селу, его можно было определить по развалинам и торчащим печным трубам да чёрным зевам русских печек. Поравнявшись с одной из полуразваленных изб, во дворе увидели седого старика, на лице было безмолвное недоумение, руки, посиневшие от мороза, были сложены на груди, голова опущена и взгляд, ищущий хотя бы след того, что здесь было до прихода немцев. Небольшая девочка, закутанная в старую потёртую шаль, стояла рядом с дедушкой и детским скорбным понимающим взглядом смотрела на лежащие у разрушенной стены сарая трупы трёх мужчин, очевидно, расстрелянных отступающими фашистами. Этих мужчин жители ещё не успели похоронить, так как они только начали возвращаться в своё село после изгнания немцев нашими советскими солдатами. На окраине села за каждым толстым стволом дерева лежали кучи стреляных гильз винтовочных патронов.

Село осталось позади, километра два шли дорогой. Между деревьев небольшого леса появились лучи красного от утренней дымки солнца. Взводный передал команду свернуть вправо в густую опушку леса и продолжить движение скрытно вдоль этой опушки. Мы шли где по снегу, а где по проталинам молча. В полдень был объявлен привал на один час для отдыха и обеда. Сухой паёк прожевали всухомятку.

Час пролетел, как пять минут, и уже нужно шагать дальше. Снова шли по опушке густого высокого леса. Шли без остановок всю вторую половину дня и ночь. На рассвете подошли к небольшой по ширине речке, скрытой густым лесом. Вода в речке была уже по-весеннему мутная, её течение было быстрым, так что перейти её вброд или переплыть практически было невозможно. Метров 200 по течению виднелся хороший мост, по которому проходила узкоколейная железная дорога. Взводный скомандовал: группами по 5–6 человек бежать к мосту с небольшими интервалами вдоль берега и, не

останавливаясь ни на секунду, преодолеть мост и бежать дальше по узкоколейке вглубь леса. Эта местность простреливалась противником из миномётов и орудий.

С ходу от колонны убегали к мосту по 5–6 человек вдоль берега. По мосту бежали что было сил и, как было приказано, дальше вглубь леса по указанной дороге. Бежавшие впереди моей группы бойцы как бы замешкались, и в это время послышался жуткий вой летящих снарядов. Первый угодил в речку, раздался сильный взрыв, и поднялся вверх фонтан воды и грязи. За ним снаряды стали рваться ближе к мосту по ту и другую стороны речки, солдаты было заметались. Кое-кто присел или залёг, но по цепи последовал приказ: несмотря на обстрел как можно быстрее преодолеть зону обстрела, бежать к мосту и через мост. Солдаты были подняты в рост и во весь опор, уже как бы не замечая, что творится вокруг. От разрывов звенело в ушах. Как во сне мы перебежали мост, слева от нас врезался в землю и взорвался снаряд. Взрывной волной меня и Огурцова швырнуло вправо, обдало грязью. При падении я сильно ударился плечом об дерево. Все звуки уже слились в один протяжный гул. Гудела и содрогалась от взрывов земля, и лишь изредка среди этого смертельного гула были слышны раздирающие душу крики и стоны раненых бойцов. Огурцов подполз ко мне, спрашивает: «Живой?» – «Да, будто боли не чувствую, только свистит в ушах». – «Тогда не отставай». И мы побежали по узкоколейке, протирая глаза от залепившей их грязи. Я бежал что было сил, а мины рвались уже позади, впереди и сзади нас также бежали бойцы, от свалившегося ужаса не чувствуя под собой земли.

Пробежали мы более двух километров, взрывов уже не было слышно. Солдаты продолжали прибывать. Мы свернули в лес, сели, прислонившись спиной к стволам деревьев, и стали очищать от грязи сапоги, галифе и шинели. И тут я заметил на левой поле шинели две дырки, пробитые осколками. Огурцов подошёл ко мне, сел рядом, отдышался и говорит: «Хорошо, что почва мягкая и мины входили глубоко в землю, взрыв получался глухой, а осколки вырывались из земли вместе с грязью и имели уже меньшую силу». – «Да, на моей шинели, смотри, две дырки». Он осмотрел свою шинель, она с боков была целой, но я обнаружил у него на спине порез шинели, как будто от ножа. «Мы с тобой счастливчики, в первом миномётном обстреле отделались только дырками в шинелях да ушибом». Последним подошёл командир. К сожалению, есть убитые и раненые, а сколько, не сказал.

День был ясный, солнце припекало по-весеннему. Мы продолжили путь по узкоколейке. Дорога вводила нас на северо-запад, была пустынна и нема. За небольшим поворотом мы увидели покрашенные в белый цвет подбитые наших два танка, один лежал вверх гусеницами, а второй с разбитой башней. Мы шагали, усталые и грязные, по узкоколейке, которая практически петляла, огибая заболоченные участки. С обеих сторон стоял непроходимый дремучий лес. Шли молча, лишь изредка перебрасывались односложными фразами. «Как думаешь, Огурцов, есть в этом дремучем лесу сёла?» – спросил я его. Он отрицательно покачал головой: «Едва ли». Через некоторое время, после очередного поворота узкоколейки, впереди лес стал редеть, стало просвечиваться чистое от леса пространство. Поляна была шириной около полукилометра, слева на небольшом увальчике стояло маленькое село. Время было около полудня. Поступил приказ войти в опушку леса, передохнуть и перекусить, из леса не выходить, костры не разжигать, соблюдать абсолютную маскировку.

Солдаты разбрелись по опушке леса, наломали зелёных сосновых веток, расселись небольшими группами, достали оставшийся сухой паёк – колбасу и хлеб, стали жевать. Отдыхали недолго, командир спешил сдать нас в часть. Построившись в колонну по два, было приказано идти только по опушке леса, на чистые места не выходить. И мы, стараясь не отставать друг от друга, шли вдоль густого леса. Справа от нас виднелся чистый луг, метрах в двухстах от опушки протекала небольшая извилистая речушка, а по другую её сторону метрах в трёхстах был ещё один луг, а дальше опять опушка леса. На окраинах леса кое-где ещё белел снег.

На самом закате дня, когда мутные тени верхушек леса уже чертили поляну, рота остановилась. Командир нашей маршевой роты сообщил нам, что практически прибыли в назначенное место, осталось всего около километра вглубь леса. Однако нам придётся переночевать здесь, завтра на рассвете пойдём в штаб полка. «Я уйду в штаб, меня будет замещать мой заместитель его приказы выполнять беспрекословно».

Вновь было приказано соблюдать маскировку, не курить, огня не разводить. Каким ни строгим был приказ, но новички ещё не были обстреляны, не понимали, что такое маскировка. Не один, так другой периодически закуривали, ночью над лесом дважды пролетал самолёт, а на рассвете стал летать над

нами очень низко, его Огурцов называл «рамой», и он действительно был похож на раму. После нескольких пролётов над нами он улетел. Не успели мы очухаться ото сна, как на западе стал слышен сильный гул самолётов. «Эти самолёты летят бомбить нас, не зря ведь летала “рама”», – кричал кто-то.

И действительно, через какую-то минуту самолёты появились из-за леса. Заместитель командира во всё горло закричал: «Ложись и не шевелись!» Я думал, что, когда ляжешь и прижмёшься к земле, и вправду тебя не будет видно. Прижался к дереву у самой земли и прислушался к сильному рёву самолётов. Ко мне подбежал Огурцов и закричал на меня: «Что ты прижался, ждёшь бомбу в спину, вставай и быстро за мной, не отставай ни на шаг!» Он был фронтовиком, и я его послушал. Подскочил на ноги и, не отставая от него, побежал так, что пятки стучали по пятой точке. Мы выбежали из опушки леса, пробежали поляну более 150 метров, где бежала речушка. Её берега были крутые, и мы прижались к земле под обрывом. Друг говорит: «А теперь смотри, что делают стервятники». Они прилетели бомбить по указанной им цели. Я видел, как самолёты с чёрными крестами делали полукруг, заходили с севера, стали снижаться. Огурцов говорит: «Смотри, они пошли в пике на нашу опушку леса!» Не успел я моргнуть глазом, как увидел, что от первого самолёта уже отделились бомбы, какой-то миг они были видны и летели плашмя, чуть склоняясь к земле. Чёрные тупорылые, как сигары, они летели со страшным рёвом, с каждым мигом приближаясь к вершинам леса. Вдруг раздался взрыв, земля под нами будто разверзлась, заколыхалась, я втянул голову в плечи, ещё больше прижался к земле и Огурцову. Чёрные фонтаны взрывов поднимались над опушкой леса, летели вверх вырванные с корнями деревья. Сбросившие смертоносный груз самолёты улетали, за ними пикировали следующие. Взрывы охватывали всё большую площадь опушки леса. Много бомб упало и в том месте, где наших солдат и не было. Но первые бомбы с самолётов были сброшены прямо в место расположения наших солдат. Многие убежали вглубь леса, где бомбы не сбрасывались.

Когда самолёты улетели и стало тихо, мы побежали к месту расположения и... о ужас! В дыму и грязи торчали изуродованные деревья, всю опушку леса заволокло удушливым дымом и гарью, сплошь были видны глубокие воронки, вокруг них комья земли с вывороченными корнями деревьев. Возле некоторых воронок лежали убитые и раненые солдаты, были слышны стоны и душераздирающие крики о помощи. Мы подбежали к одному из раненых и начали перевязывать его раны, но услышали крик командира маршевой роты: «Всем ко мне, и кто может передвигаться, идти за мной. Сейчас придут санитары, они окажут всем необходимую помощь. Нам нужно как можно быстрее уходить отсюда, пока ещё не прилетели вражеские самолёты!»

Мы быстро шли по густому высокому лесу, время от времени останавливались, дошли до глубоко вырытых в землю землянок, поверх которых лежало много накатанных и замаскированных ветками брёвен. Нас разместили по этим землянкам. Отдыхали мы до обеда, пообедали, ещё с час отдохнули, кто сидя, кто лёжа. Я тоже вздремнул и сквозь сон услышал: «Выходи, пошли в баню!» Когда вышли, было уже темно. Нас перевели в тесное, обшитое тёсом помещение. Там мы разделись, зашли в сделанную по-чёрному баню. После помывки нам дали чистое бельё и обмундирование. Вместо шапок мы получили пилотки. Из бани направились снова в землянки.

Через небольшое время нас построили, была уже тёмная ночь. К строю подошёл незнакомый командир, отсчитал, сколько ему было положено солдат, вывел их из общего строя и скомандовал: «Шагом марш!» – «Идём на передовую», – хмуро сказал идущий рядом со мной Быковский. Шли молча, было слышно, как потрескивали под ногами ветки да сухо скрипели сапоги. По пути мы дважды переходили топкие места по сколоченным в два бревна переходам. Подошли к небольшому ручейку, и только его перешли, нас остановил командир, представился нам: «Я командир пятой роты третьего батальона 41-го полка второй ударной армии. Вы поступили в моё подчинение, через час мы будем в расположении моей роты. А сейчас подходите к землянке и получайте оружие».

Мы стали по одному подходить, нам каждому выдавали винтовки и патронташи с обоймами, которые тут же надевали на пояса. Получив оружие, пошли вдоль ручья вверх по течению. С обеих сторон стоял густой мрачный лес. Шли, как говорят, след в след по едва угадываемой тропинке. Слева за лесом короткими очередями бил станковый пулемёт, а вдали вспыхивали следы от трассирующих пуль.

Круто повернули от ручья влево и, пройдя небольшое расстояние, впереди увидели, как то в одном, то в другом месте взвизывались, разрезая темноту, ракеты. Вот она, передовая линия ужасной войны!

Вызванные связные нас развели по взводам. Я попал в четвёртый взвод. Командир взвода спросил: «Кто пулемётчик? Подойдите ко мне!» Я вышел. «Как фамилия?» – «Цымбал», – ответил я. «Пошли

со мной!» Шагая за командиром роты, подошли к блиндажу, пригнувшись, зашли в него. Блиндаж был небольшой, пол устлан еловыми ветками. Посредине стоял станковый пулемёт, а с трёх сторон были сделаны щели для стрельбы. Я и ещё два новичка остались со мной. В блиндаже уже находились два хорошо обстрелянных солдата. «Вот что, товарищ Цымбал, будешь старшим пулемётчиком, второй номер будет Егоров. Проверь пулемёт, и смотрите в оба, чтобы не подползли немцы, почаще простреливайте подступы к передовой нашей линии. Отдохнуть можно только по очереди. Желаю успеха!» И комвзвода ушёл.

Егоров меня спрашивает: «Что, новичок или уже обстрелянный?» – «Нет, я на передовой впервые, маршевой ротой прибыл. Немного обучили. В начале узкоколейки под миномётный огонь попали, отделался ушибом да от взрывов измазало грязью. А вот позавчера под бомбёжку угодил, спас меня друг, а то бы уже сушил лапти». – «Да, здесь как раз тоже не мёд, каждое утро, а иногда и днём нас обстреливают из миномётов, немецкая линия обороны недалеко, через просеку. Ты отдохни до утра, а я постреляю». Я прислонился к товарищам и уснул быстро, пулемётные очереди не помешали заснуть.

Проснулся от толчка в бок: «Вставай, завтрак принесли!» Я посмотрел в дверь, на улице ещё чуть светало. «Рановато», – говорю. «А у нас только в это время и покушаешь спокойно!» Дали фронтowych 100 грамм, сухари и котелок супа на двоих. Это всё, больше ничего не будет! Позавтракал, но ощущение голода не проходило.

Утро настало хмурое. Над лесом низко повисли серые тучи, дул ветер, его направление было определить трудно, он вертел со всех сторон и колыхал молодые ветки впереди нас. «Погода неважная, – говорит товарищ, который уже залёг возле щели и стал стрелять из винтовки, посылая одну за другой пули в сторону противника. – В такую погоду немцы редко когда стреляют из миномётов, но ждать обстрела можно в любое время. Немцы часто подползали и пытались бросить гранату в окно блиндажа», – предупредил меня бывалый солдат. «Ладно, ложись друг, отдохни, а я буду дежурить».

Не успел я устроиться за пулемётом, как со стороны противника усилился автоматный огонь. Я стал стрелять короткими очередями, направляя пули на звук автоматных очередей. Такая дуэль длилась более часа. Когда огонь со стороны немного стих, и мы стали стрелять реже. Тучи рассеялись, выглянуло солнце и осветило лучами лес с помятыми макушками и поляну с торчащими на ней пенёчками срезанного ранее леса. Эту просеку называли нейтральной зоной. Хорошо стало видно опушку леса по ту сторону поляны – там был враг! Верхушки леса все были искромсаны, ветки оббиты, а некоторые деревья сломаны пополам. Я сидел, привалившись спиной к стене блиндажа, и думал о своём доме, о сынишке, жене и маме.

Вдруг на стороне противника в лесу послышался стук, застучало чётко с небольшими интервалами, и не успел ещё затихнуть этот стук, как над окопами слева нашего блиндажа раздались сильные взрывы – один, другой, третий. Взрывы нас оглушили, мы прижались к полу. От содрогания на нас сыпалась земля с потолка, попадая за воротник на шею. Блиндаж заволокло удушливым дымом, драло в горле, одолевал кашель. Эта канонада длилась минут двадцать. Затихло. Слава богу, наш блиндаж остался целым, мы припали к оружию и начали поливать свинцом передовую противника. Но Егоров сказал: «Пулемёт в ход не пускай, а то противник засечёт его и начнёт снова обстреливать минами. Стреляй лучше из винтовки». И я стал стрелять по передовой из винтовки. В ответ наши миномёты и орудия обрушили на врага всю свою мощь. Через нас летели снаряды, а на передовой вздымались столбы земли. Я выглянул из блиндажа. После обстрела нашей линии возле разбитого справа блиндажа валялись солдатские вещмешки, обрывки шинелей и убитые солдаты. Раненых санитары уже перевязали и унесли в тыл.

Такая канонада изо дня в день продолжалась весь апрель. За это время мы отбили более шести атак пехоты противника. В нашем блиндаже ранило одного товарища. Мы свой блиндаж хорошо укрепили. Сделали шестой накатник, выложили сверху двумя слоями дёрна и закрыли ёлками. Впереди на день втыкали зелёные ёлочки, а ночью их убирали. Маскировали хорошо, всё это делали ночью, а днём вели огонь по передовой противника.

Хорошо запомнился день 30 апреля 1942 года. Медленно, будто нехотя, занимался рассвет. Солнце ещё не взошло, но тени на зелёной поверхности уже сгустились, в глазах резало от бессонной ночи, как всегда, после ночной стрельбы в голове гудело, очень хотелось спать, но спать возможности не было. Связные разнесли завтрак – по одному сухарику и котелок на двоих жидкого супа, в котором

редко блистали жиринки. Позавтракали, но есть всё равно хотелось. Горячей пищей кормили только утром и вечером, а на обед утром выдавали 100 грамм варёного конского мяса или кусочек сахара.

Не успели мы закусить, как начали рваться мины слева, справа, спереди и сзади, всё ревело и трещало, содрогалась земля. Мы прижались к полу и слушали адскую «музыку» взрывов мин, к которой уже привыкли. Но один из взрывов был очень мощный, от него на нас посыпалась земля. Артобстрел длился примерно полчаса, потом огонь перенесли в тыл нашей позиции. Мы, как всегда, сразу бросились к оружию, и успели вовремя, противник пошёл в атаку. Наши наблюдатели заметили их с ёлки, и по их наведению по противнику был открыт миномётный огонь, а мы стали поливать противника из стрелкового оружия. Из своего пулемёта мы выпустили три ленты патронов. Ожил и пулемёт наших соседей слева. Эта атака была отражена, противник оставил на поле боя убитых и раненых.

Через некоторое время фашисты начали подползать, чтобы вынести раненых, но получали пули в спину. После этого жестокого боя, когда всё стихло, я вылез из блиндажа и увидел, что крышу нашего блиндажа разворотило прямым попаданием мины. Три наката вместе с прикрывавшим их дёрном были снесены взрывом. Всю следующую ночь мы, не прекращая периодических обстрелов противника, вели ремонт блиндажа.

Уже настал май 1942 года. После несытного завтрака я взял винтовку и через амбразуру стал ловить на мушку головы солдат противника, изредка выглядывающих из окопов. Как только замечал сквозь прицел поднимающуюся голову, нажимал на спуск и посылал в его голову смертельный ответ за смерть наших солдат и разрушенные города и сёла. Пулемётные очереди и выстрелы с обеих сторон не смолкали ни на минуту. Над головой, раздирая душу, пролетали мины, и от этого адского шума становилось жутковато. Я не заметил, как в блиндаж зашёл связной Быковский. Три моих товарища в это время спали. «Товарищ Цымбал, передай пулемёт Егорову, а сам бери все свои вещи и следуй за мной, вызывает командир роты». Я простился с товарищами, думал, что меня отправят далеко в другую роту. Однако когда прибыл к командиру роты, он определил меня первым связным. «А твои обязанности разъяснит Быковский».

Быковский был первым связным политрука роты. Он подробно рассказал о моих обязанностях и о порядке их выполнения. «Основной твоей обязанностью является охрана и защита командира роты, выполнение роли адъютанта. Его приказы нужно выполнять безоговорочно и быстро. До тебя эти обязанности выполнял боец Степанов. Его вчера убило, он ходил в штаб батальона, а на обратном пути его свалило насмерть осколком мины».

Я стал знакомиться с новой должностью. Осмотрел блиндаж, он был просторный. В нём размещались писарь, телефонист, политрук со своим связным и командир роты, всего шесть человек. Командный пункт роты находился недалеко от передовой линии, от него метрах в двухстах протекала небольшая речушка с обрывистыми высокими берегами, от неё по обе стороны был высокий лес. Лес был везде непроходимый.

Не успел я ознакомиться, как командир роты приказывает: «Вам следует сходить, изучить расположение наших взводов и запомнить пути к ним. С местностью вас ознакомит Быковский. В третьем взводе узнайте, сколько за сутки потерь и из них раненых». Мы ушли, двигались, где пригнувшись, где и ползком меж деревьев. Обошли первый, второй и третий взводы, ну а расположение четвёртого я знал хорошо. Обязанности и действия я усвоил быстро. Под свист пуль и разрывы снарядов каждое утро чуть свет ходил совместно со связными от каждого взвода на кухню, которая находилась в густом лесу недалеко от командного пункта батальона. Получали продукты на роту. С питанием было очень плохо. Оказывается, мы находились уже месяц в полном окружении. Не хватало не только продуктов, не хватало уже и патронов и совсем мало было снарядов.

Почти два месяца как наша рота находится на передовой, день и ночь под сильным огнём противника. Численность солдат во всех взводах уменьшилась почти вдвое, пополнения не было, да и ждать его было неоткуда. Нашему полку каждую ночь сбрасывали понемногу боеприпасов и продуктов. Но прорывалось к нам самолётов мало, их заградительным огнём не допускали к нам. Положение складывалось очень тяжёлое во всём, что требовалось для фронта. Солдаты истощали до неузнаваемости, тяжело было в мокрых окопах и блиндажах, потому что почвенная вода была близко и почти в каждом окопе и блиндаже была вода. Ничего так не хотелось каждому, как помыться в бане и сменить бельё, которое уже переполнилось вшами. Эти насекомые не давали покоя ни днём ни ночью. Часто приходилось, собрав 5–6 пар белья, а оно было грязное, сплошь красное от паразитов и крови, уходить

ночью от передовой вглубь тыла и там, в большом блиндаже под берегом, на костре кипятить это бельё, немного прополоскать, просушить и разносить солдатам. Ужасно даже вспоминать об этом периоде войны с мая по июнь 1942 года.

Почти каждый день с самолётов противника над нашим расположением разбрасывались листовки, напечатанные на многих языках народов СССР – русском, украинском, казахском, грузинском и т. д. Политрук посылал меня и Быковского собирать их, чтобы они не попадали солдатам. Мы приносили их по целому мешку, а потом сжигали.

Однажды, кажется, 18 мая, я стоял вечером на охране блиндажа. Командир роты подошёл ко мне и говорит: «Вот пакет, срочно доставить его в штаб полка, вручить лично комполка. Сейчас подойдёт связной третьего взвода, пойдёте вместе». Я получил свёрток с надписью «лично командиру полка» и немедленно зашагали в штаб. Дорога мне была знакома. Я и ночью несколько раз уже ходил в штаб полка за боеприпасами и продуктами.

Свёрток, как и было приказано, вручил лично полковнику, который сказал: «Отдохните возле блиндажа». Мы с товарищем вышли, прилегли на тёплую землю и задремали. Часовой нас разбудил и направил к комполка. Мы встали, отряхнули сор, привели себя в порядок, насколько было возможно в этих условиях, и вошли в блиндаж. Полковник вручил нам письмо и дал указание вручить лично командиру роты. «Есть, – ответил я. – Разрешите идти?» – «Идите!» Мы развернулись, вышли из блиндажа. Ночь была не очень тёмной, на небе над лесом светила луна. Обратно шли тише. Вдоль тропы стоял густой лес, а впереди над рубежом передовой были видны одна за другой вспыхивающие осветительные ракеты да доносилась стрельба пулемётов и винтовок.

На рассвете мы прибыли на командный пункт батальона, где солдаты нашей роты получали скудный завтрак. В расположение роты пошли вместе узкой тропой по-над речушкой. Стало почти светло. На полпути над нашими головами просвистела одна, потом другая мины и стали рваться за ручейком. Я прибавил шаг, говорю: «Быстрее, впереди под берегом блиндаж, а то огонь могут перенести сюда». Быстро добежал, ещё четверо залезли вместе со мной, а трое не послушались, побежали дальше.

Через минуту мины стали рваться уже по нашу сторону речушки впереди нас. Близко возле блиндажа взорвались две мины. Минут десять длился обстрел. Обычно каждое утро противник производит сильный обстрел из миномётов наших позиций. После прекращения огня мы вылезли из блиндажа, прошли метров двести и увидели небольшую воронку, вокруг неё ещё дымился сухой мох, а рядом с ней два сражённых миной бойца. Третий наш боец зажал плечо и сидит, прислонившись к стволу, стонет. Мы быстро его перевязали, рана была тяжёлой. Я забрал продукты с другом, а двое понесли раненого в батальон. «Вот если бы послушали нас, – произнёс друг, – были бы живы. Здесь не знаешь, где тебя ждёт смерть, война есть война». Шли тихо, на плечах был тяжёлый груз.

По прибытии доложил командиру роты, передал ответ полковника. Он быстро вскрыл конверт, прочёл, задумался. В блиндаже находился только писарь, остальные пошли по взводам с политруком разъяснять солдатам о тяжёлом положении и поднимать боевой дух. Командир разрешил мне поспать. Я сразу лёг и крепко уснул.

Разбудил меня Быковский, когда солнце уже поднималось к середине неба. На передовой, не умолкая, стрекотали пулемёты и слышались одиночные винтовочные выстрелы. За блиндажом в сторону речки были слышны с небольшими интервалами взрывы мин и снарядов. «А где наше начальство?» – спросил я товарища. «Они ушли в штаб батальона, взяли с собой связных и писаря. Знаешь, что ты носил вчера в штаб полка?» – «Откуда мне знать, свёрток был опечатан!» – «Ты носил кусок шинели, на которой было видимо-невидимо вшей. Во втором взводе убило узбека, и, когда его несли хоронить, санитар проверил и ужаснулся, хотя и у других вшей было много, но такого количества он не видел, ну и решили вырезать кусок шинели со спинки, его плотно завернули в плотную бумагу, сделали надпись, сверху ещё обмотали и вложили рапорт. Вот сегодня по этому поводу их позвали на КП батальона. Может, нас отведут на линию второго эшелона помыться в бане и сменить одежду. Сейчас перекуси и пойдёшь к санитарам, поведёшь их, пусть похоронят тех, кого утром убило взрывом мины. Санитар говорит, что сам не найдёт». – «Ладно, сделаю».

Через час мы уже пробирались только мне известной едва заметной тропой. Взрывы то одной, то другой мин громыхали впереди нас, поднимая вверх землю и обломки деревьев. Мы, пригнувшись, а иногда ползком пробирались сквозь густой искалеченный снарядами и пулями лес. При подходе

к месту гибели солдат миномётный огонь противник перенёс влево. Мы быстро подбежали к убитым, положили их на носилки. Одному разорвало живот, другому переломало спину. Пошли быстрее, пока нет взрывов. Немного пронесли, я остановился. «Тяжело, давай по одному». Санитар согласился. Первого унесли, вернулись за другим. Но пришлось прижаться к земле. Возле толстой ели рикошетом разлетались разрывные пули. Эти пули после удара о ствол вырывали из него щепки и, взрываясь, громко щёлкали, напоминая удары большого кнута.

Мы переждали минут десять, утихло. Снова подхватили носилки и, петляя между деревьями, донесли к месту погребения. Хоронили всех в трясину в одном месте. По настилу брёвен проносили и возле толстой ели клали на зелёную поверхность мха. Санитар брал длинный шест из тонкой берёзы и толстым концом шеста вдавливал труп в эту трясину на глубину 4–5 метров. Трупы наверх не всплывали, сколько бы их туда ни вталкивали. Их как будто туда всасывало. На ветке ели состругивали кору и записывали фамилию и дату гибели солдата.

В первых числах июня 1942 года ночью нашу роту сняли с передовой. Мы, истощённые, грязные, уже еле волочили ноги. Спотыкаясь в ночи, двигались по узкой, хорошо накатанной дорожке меж леса. Слева была видна речушка, а справа лес, изрытый снарядами. Иду, а сам вспоминаю прожитое время на передовой. Первые полмесяца апреля ещё можно было воевать в полную силу. Было достаточно боеприпасов, да и продукты были лучше и поставлялись регулярно и в достаточном количестве. А вот май уже стал сложным и тягостным. Уже месяц как наша 2-я ударная армия была в полном окружении противника. Боеприпасы заканчивались, питание стало скудным – 50–100 грамм сухарей да жидкая баланда, зачастую мучная или пшеничная. Однако, несмотря на всё это, мы находили силы и отражали натиск противника, отбивали его частые и жестокие атаки. Нам периодически с самолётов сбрасывали боеприпасы и продукты, и мы верили, что партия и правительство не оставят нас на гибель и кольцо окружения будет разорвано. При этих мыслях я стукнулся головой в спину идущему впереди товарищу, который остановился. Командир роты, проходя мимо, говорит: «Товарищи бойцы, мы пришли в место расположения. Садитесь, отдыхайте. Мыться в бане будете повзводно, она уже готова».

Я только попытался присесть, но не успел. Командир роты позвал меня к себе, и мы пошли смотреть блиндаж, где после бани должны разместить солдат. С нами было всего четыре взвода, в которых осталось по 20–25 человек, остальные погибли или были ранены.

Очень хотелось жить! Вчера, позавчера, но сегодня особенно, ведь наконец мы помылись в бане – настоящей русской, сибирской! На душе стало хорошо, всё тело дышало спокойно, мы избавились от надоевших до чёртиков вшей! Нас переодели во всё свежее, хотя и поношенное, но чистое. У нас от старого обмундирования остались только сапоги.

Было раннее утро, командир роты, политрук и писарь ещё спали, а Быковский охранял блиндаж. Выйдя из блиндажа, я постоял, вдыхая напитанный запахами хвои и лесных растений воздух. Предрассветная мгла свинцово синела в лесной чаще, дым войны на рассвете поредел и был почти незаметным. Над моей головой прошелестел вражеский снаряд – шу-шу-шур... и крикнул где-то далеко позади нас. Там где-то стояли наши орудия, и фашисты, очевидно, постреливают туда, стараясь их нащупать. Пролетел второй, а потом и третий. Наши ответили залпом. Началась перестрелка. И пока я прислушивался к взрывам, на востоке полоса рассвета увеличилась.

В это время нужно идти в штаб полка за продуктами на завтрак и обед. Я взял необходимую посуду, крикнул Быковскому, что, мол, я пошёл, и зашагал в гущу леса.

Наступил день, тёплый и ясный. После завтрака командир роты и политрук ушли в штаб полка. В блиндаже остались мы троём: я, Быковский и писарь Рыжиков. Связной принёс нам почту, говорит, что сегодня с самолёта почту сбросили, вам есть письма. Как мы обрадовались, это и описать трудно! Я получил сразу два письма. Уходя, связной сказал, что через час придёт за ответами, пишите. Дал нам по два листа бумаги и ушёл. Начали читать письма. Из дома жена Надя пишет, что дома всё хорошо, все живы-здоровы. Сынишка Колюня растёт, ему уже два года, пиши о себе чаще. И я сел и начал писать: находимся на передовой, уничтожаем противника, пули, как пчёлы, жужжат над головой, мины и снаряды день и ночь рвутся возле нас без передышки, но мы лезем глубже в землю, чтобы при налёте уцелеть, а при атаке немцев уничтожить их и не допустить прорыва нашей обороны. Дописал, сложил его треугольником, подписал адрес. Посмотрел на Рыжикова, он пишет, а сам горько плачет. «Что, наверное, плохи дела дома?» – спросил я его. Он махнул рукой, свернул

цигарку-самокрутку, отложил в сторону начатое письмо и пошёл прикурить под сосну, где метрах в двадцати был жар от костра. Снаряды перелетали через нас и рвались где-то далеко. Но одна из мин рванула в районе костра, и Рыжикова осколок резанул прямо в грудь. Он вскрикнул, обхватил руками ствол дерева и стал медленно оседать на землю. Его руки скользили по стволу вниз. И он держался за дерево, как за жизнь, но жизнь покидала его. Руки бессильно расцепились, и жизнь ушла, он скончался. Застывшие его глаза вопрошающе смотрели в небо. Хоронить его сразу не стали, закрыли плащом до прихода командира.

Пришёл связной за письмами. Я посмотрел письмо Рыжикова, оно было ещё не дописано. Спросил связного, что будем делать, его только что убило. Он взял его письма, сказал, что допишет и отправит. Связной ушёл. А через три часа прибыл командир роты и политрук, узнав о случившемся, обнажили головы, постояли. Потом он дал указание похоронить его здесь же, недалеко от сосны.

На линии второго эшелона мы пробыли недолго. Ночью нас подняли по тревоге, и мы ушли на другой участок передовой линии. Здесь наш блиндаж был построен на опушке леса. Слева от блиндажа метрах в ста протекала речушка с берегами в рост человека. Справа и впереди был не очень густой лес, но очень высокий.

Над нашим расположением каждый день стала летать «рама» – немецкий разведывательный самолёт. На передовой стало тревожно. Часто со стороны противника вёлся миномётный огонь. Мины рвались густо с переносом огня вглубь наших позиций. Но наши орудия уже молчали, стрелять было нечем, снаряды закончились. Утром каждого дня противник обстреливал передовую, а потом тыл нашей обороны. Каждую ночь мы ходили по 5–6 человек в штаб полка, где недалеко была площадка, куда самолёты сбрасывали продукты и боеприпасы. Что было сброшено, делили по ротам, и мы свою часть продуктов и боеприпасов уносили на передовую.

Но бывали случаи, что самолётов не было. Это часто происходило в начале июня 1942 года. В конце первой декады июня противник стал часто проводить разведку самолётами. «Рама» по утрам долго кружила над лесом, где находился наш полк. Хорошо помню, пришёл я с товарищами, принесли немного боеприпасов, сложили их в землянке, недалеко от нашего блиндажа. Продукты разделили по взводам, их было очень мало, около 50 грамм на человека сухарей, да одна 300-граммовая банка тушёнки на шесть человек. И это на сутки!

Я немного перекусил и лёг спать, так как всю ночь не спал. Уснул быстро. И снится мне, будто я дома, пошёл на речку Буконь ловить тайменя, а с запада надвигается большая чёрная туча, и её разрезает молния, а гроза так резко бьёт, что перепонки в ушах затрещали. Я смотал удочку и побежал домой, а гроза так резко ударила, что я с перепугу проснулся, а на меня сыпется земля. «Что это?» – спрашиваю у командира роты. «А что? Немец начал артналёт по нашей передовой и сейчас, наверное, пойдёт в атаку. Сколько лент принесли для пулемёта Максима?» – спрашивает у меня комроты. «Две коробки, – ответил я, – и четыре коробки патронов». – «Мало, очень мало! Чем будем отражать натиск противника, который стал что ни день, то всё сильнее сыпать на наши головы мины и поливать пулемётным огнём. Нужно их успокоить, но чем? Снарядов для миномётов нет, патроны на исходе, а сейчас, скорее всего, будет атака!»

На нашем участке передовой лес был редкий, впереди большой участок хорошо просматривался. Миномётный обстрел внезапно прекратился. «Беги, товарищ Цымбал, – сказал комроты, – узнай, что делается на передовой». Я по ходу сообщения, который был изрядно изуродован снарядами, пробежал немного, встретил пулемётчика, тащившего за собой пулемёт. Он закричал, что немцы пошли в атаку, патронов к пулемёту нет, что делать? «Подожди здесь». Я под свист пуль побежал за коробкой лент для пулемёта. Принес её быстро. Установили пулемёт возле ели. Этот манёвр удался хорошо. Впереди был хороший сектор обстрела. Быстро вставил ленту, взял на прицел бегущих в атаку на нас немцев, нажал на спуск. Пулемёт заработал чётко, пули пошли точно в цель. Фашисты стали падать, живые припадали к земле и прятались за деревьями. Но я продолжал дырять их пулями и на земле. Лента закончилась. Быстро втащили пулемёт в траншею, оставил с ним напарника, а сам побежал к блиндажу, добежать не успел, встретил командира батальона. «Что делать?» – спрашиваю его. Он посмотрел на меня и говорит: «Ты молодец, хорошо покосил немцев, я видел. У нас беда, комроты ранило в шею пульей навывлет. Его направили в полевой госпиталь. Есть приказ отступить, передай по цепи командирам взводов, пусть отступают на ту сторону поляны в лес, перебежками спускаться к речке и по ней вниз до поворота, а там вправо в густой лес и ждут следующего приказа».

Я передал приказ, вернулся к блиндажу, все уже были наготове к отступлению. Я закинул за плечи мешок, сжал в руках винтовку и побежал, пригнувшись, за комбатом. По ложбине мы добежали к речушке с высокими берегами. По ней, пригнувшись, уже бежало много бойцов.

Остановились мы за высоким берегом. К нам подошёл политрук роты и его связной Быковский. Доложили, что все взводы уже отступают вниз по этой речушке. Много бойцов осталось на поле боя убитыми и ранеными. Раненых взять с поля боя возможности не было. Противник простреливал всё пространство передовой. Я приподнялся и выглянул в сторону опушки леса, где располагался наш блиндаж, и увидел, что возле него уже стояли немцы.

Комбат определил меня его связным и приказал без его приказа никуда не отлучаться. По цепи отступающих рот был передан приказ комбата: выше уровня берега головы не поднимать, где берег низкий, ползти по-пластунски, как можно быстрее двигаться к назначенному месту и занимать оборону по опушке леса. Мы шли последними, то пригнувшись, то на четвереньках или по-пластунски. До поворота добрались быстро. Метрах в двухстах солдаты стали перебегать поляну. Их заметили немцы и перевели миномётный обстрел по ним. На этой поляне многих убило или ранило. Мы дождались вечера и только тогда перебежали поляну. Нашли блиндаж метрах в ста от опушки леса, в котором переночевали. На рассвете прибыл связной из штаба полка и передал комбату приказ прибыть в штаб полка.

Комбат направил меня к командирам взводов выяснить о создании рубежа обороны, сам направился в штаб полка.

Я добрался до первого взвода, он занял оборону по опушке леса, где уже ранее были сделаны блиндажи и окопы. Эти позиции занимали батарейцы «сорокапятки». Они отошли дальше, уступив свои позиции пехоте.

Войдя в один из блиндажей, где находились солдаты взвода, получил информацию, что дела плохи. Солдаты истощали, боеприпасов осталось очень мало, пулемётные патроны закончились.

В такой обстановке, тем не менее, бойцы продолжали отстреливаться по замеченным немецким живым мишеням. Каждый солдат знал, что он обороняет Ленинград, и только эта мысль придавала силы для стойкого сопротивления наступающему врагу.

Во втором взводе было такое же положение, людей осталось мало. Комвзвода сообщил, что ночью бойцы слезли с убитой лошади, которая лежит на поляне, и принесли мясо, хотя оно уже начало разлагаться. К утру сварили и вот немного подкрепились, а сухари я раздал всего грамм по 25.

Снова начали рваться мины. Противник прощупывал наше расположение. Передовая линия была оборудована не на самой опушке, а немного глубже, и её хорошо замаскировали. Заскочил связной с третьего взвода, запыхался, не может и слова произнести. Потом из него вырвалось: «Танки! Их два, движутся вдоль опушки леса просёлочной дорогой, километра два от нас. Мы их заметили с наблюдательного пункта. У нас есть два ружья и четыре патрона к ним». Я посоветовал ждать их появления, поближе незаметно подползти и постараться попасть по смотровым щелям танков.

Связной убежал, побежал и я по едва заметной тропе, чтобы быстрее доложить комбату о выясненной обстановке. Впереди стали рваться снаряды, я спрыгнул в воронку и прижался к её дну. Снаряды стали рваться сбоку и сзади. Я выполз и рванул вперёд, перескакивая через поваленные взрывами стволы деревьев и обегая ещё дымящиеся после взрывов воронки. Добежал, перевёл дух, вытер рукавом пот с лица и не сказал, выкрикнул: «Товарищи, идут танки! Танки движутся по поляне вдоль опушки леса! От третьего взвода, по словам связного, километра два. У них есть два противотанковых ружья и осталось всего четыре патрона к ним». – «Хорошо, отдохни, – сказал комбат и тут же дал приказ Быковскому: – Беги в ближайший взвод, передай приказ по линии: скрытно отступать вглубь леса в направлении штаба полка, командиры дорогу знают. Их позицию займут батарейцы, выдвинут пушки на прямую наводку, у них ещё осталось немного снарядов, а нам предстоит другой бой».

К обеду собрались солдаты недалеко от штаба полка в густом непроходимом лесу. Сгруппировались в круг. Командир полка сказал: «Нам предстоит бой, сегодня ночью нужно попытаться прорвать окружение и выйти к своим. Нам навстречу выйдут танки и пехота, чтобы разорвать вражеское кольцо и выйти из окружения. А сейчас по одному проходите, получите оставшийся сухой паёк и боеприпасы».

Солдат было немного – около 200 человек. Получили понемногу сухарей, по кусочку колбасы, сахару и патроны. Отдыхали, пока солнце не коснулось на западе верхушек леса. Прибыл комбат и объявил, что наша рота пойдёт замыкающей. В роте осталось не более 40 человек.

Тихонько двинулись, вышли на просеку. На нас пахло плесенью, промозглой сыростью, проникающей в лёгкие, от которой по телу прошёл озноб. От недостатка солнечных лучей трава на просеке не росла, а землю застилал только зелёный мох. Все шли тихо, усталые, кто грыз сухарь, а кто, склонив голову, погрузился в раздумья.

Командир полка думал и надеялся вырваться из злополучного окружения. Но никто не думал, что уже шагает по белому свету последний день. Стало темно, по цепи передали: не курить, спичек не зажигать, идти тихо, оружие держать наготове.

Вышли из леса, просека закончилась, началась вырубка, почва была неровная, было много воронок и валежника. Вышли на железнодорожную узкоколейку, немного прошли и по цепи передали: «Подготовиться к броску. По сигналу из трёх красных ракет пойдём в атаку». Впереди, где-то за густым лесом были слышны разрывы снарядов и сплошной гул моторов. Мы считали, что это, наверное, наши пошли на прорыв к нам, скоро мы вырвемся из окружения.

Уже светало, а нам говорили, что на рассвете наши танки пойдут навстречу и начнут прорыв. Однако нашим мечтам, как и планам наших командиров, не суждено было сбыться. Вмиг в небо полетели осветительные ракеты, противник осветил над нами небо, и тут же засвистели мины. Гром их взрывов давил на барабанные перепонки, гудело в ушах. Застрочили пулемёты и автоматы. Для чего нас привели в этот ад? Скорее всего, командиры не знали, что здесь так сильно укреплена оборона.

Над нами висели осветительные ракеты, свистели мины, сверкали трассирующие пули. Снаряды рвались так густо, что мы цепенели от ужаса! Я вместе с Быковским прижался к земле в неглубокой воронке. Всё слилось в непрерывный адский гул. Казалось, что гудит вся земля, содрогаясь от выстрелов и взрывов. В воздухе бесконечно свистели пролетающие мины. Среди этого многоголосого гула были слышны душераздирающие крики и стоны раненых. Впереди по-прежнему слышались глухие, сотрясающие землю взрывы. Теперь по обстановке боя было видно, что прорыв захлебнулся, а приказ утратил силу. Надежда оставалась только на прорыв наших сил с другой стороны. Но нарастающего приближающегося гула по ту линию обороны слышно не было.

При очередной осветительной ракете над нами я осторожно высунул голову из воронки и увидел недалеко позади нас опрокинутый танк, лежавший ещё с зимних боёв. «Давай перебежим в танк», – предложил я Быковскому. Мы сориентировались и, как только ракета потухла, рванули пригнувшись к танку. Добежали, залезли в танк, а там уже два наших солдата сидели. Они подвинулись, места хватило всем. Сидели тихо, пока не стало рассветать. Быковский осторожно вылез, посмотрел и сообщил нам: «Сзади нас метрах в двухстах густой лес, нам нужно перебежать в него». Наметили ближайшие воронки для остановки при перебежке и рванули. Не успели добежать до воронки, засвистели и начали рваться мины. Противник нас засёк. Мы прижались к борту воронки. Смотрим, позади нас много убитых, очевидно, кто остался жив, скрылись в лесу. Мы наметили ещё одну воронку, чтобы сделать ещё один бросок. Я выскочил первым и бросился бежать. Над головой засвистела мина, но я успел свалиться в воронку. Мина взорвалась совсем близко, значит, противник за нами наблюдает, решил я и стал ждать в воронке товарища. Мины стали рваться сзади нас. Быковский тоже рванул и упал на меня в воронку. «Ну, друг, до леса осталось метров сто, давай, пока мины рвутся позади нас». Я выскочил из воронки и изо всех сил побежал к лесу. Над головой пронзительно завывала мина, по звуку стало ясно, что летит в меня. Я упал, обняв землю. Мина упала впереди меня и...

Я очнулся, когда меня товарищи несли на палатке по густому лесу. От взрыва сильно болела голова и тошнило так, что я не знал, куда деваться. Стал просить ребят, чтобы положили меня на землю и дали пить. Но они продолжали идти и (как потом они объяснили) сказали: «Терпи, уже скоро прибудем в полевой госпиталь». Но я плохо слышал и не мог понять полного смысла их ответа, в ушах стоял свист, и меня быстро несли.

Второй раз я очнулся, когда уже ярко светило солнце, я лежал на сосновых ветках, а надо мной наклонился Быковский и в самое ухо говорит мне: «Мы тебя принесли в госпиталь. Когда ты бежал, мина разорвалась рядом с тобой, от её взрыва тебя отбросило в сторону, я думал, что убило. Немного подожди, пока прекратится обстрел, и ползком от воронки к воронке подполз к тебе, послушал, ты дышишь. Осмотрелся, немцы прекратили обстрел, наверное, думаю, пошли завтракать. До густого

леса оставалось метров 30–40. Я взвалил тебя на спину и понёс к лесу. В лесу перевёл дух, смотрю, ко мне подходят ещё пять наших солдат. Я попросил их помочь донести тебя до госпиталя. Дорогу я знаю хорошо, потому что раньше носил сюда раненых. И вот ты теперь в полевом госпитале, поправляйся, а мы пошли, может быть, где-нибудь сумеем прорваться к своим из этого проклятого окружения». Я с ним попрощался, пожал руки товарищам, и они ушли каждый навстречу своей судьбе. Больше я земляка Быковского не видел и не сумел найти его и после войны.

Я лежал на плащ-палатке и смотрел в небо, в голове звенело, она чудовищно болела и невыносимо тошнило. Повернулся на бок, открылась рвота, но выделялась только жёлтая слизь. Понемногу рвота прекратилась, я прикрыл глаза и задремал. Проснулся от прикосновения тёплой мужской ладони, открыл глаза. Надо мной склонился пожилой седой мужчина. По знакам отличия это был военврач. «Вас контузило взрывом мины, постепенно всё пройдёт». Потом принёс мне каких-то таблеток и воды. Уходя, на ухо сказал: «Отдохни, постарайся заснуть». Я посмотрел ему в спину, это был высокий и немного сутуловатый мужчина.

Повернувшись на бок, осмотрелся вокруг. На поляне было много коек, и на них лежали раненые. Много раненых лежало просто на ветках, застеленных матрацами и одеялами. Мне слышны были стоны лежащих рядом раненых, многие просили пить. Что делалось за пределами моего обзора, я не видел, а слышать не мог.

Прикрыл глаза и стал настойчиво думать о сне, который был рекомендован врачом. Или от усталости, или от таблеток я уснул и проспал до вечера. Когда стемнело, меня разбудил врач, дал мне лекарство, спросил, как самочувствие. «Сейчас принесут чай», – и ушёл. Через полчаса пришли два солдата, один был с перевязанной головой, а другой с перевязанной грудью. Дали мне кружку чая, маленький кусочек сахара и сухарик. Мне что-то говорили, но я их не слышал, сильно гудело в ушах и до невозможности болела голова. Я выпил немного чая, съел сахар, а остальное поставил сбоку и закрыл.

Три дня я лежал, не поднимался, и все три дня приходил врач, давал лекарства. На четвёртый день мне стало легче, тошнота прошла, головные боли уменьшились. Я попробовал подняться и встал на ноги, но голова закружилась, потемнело в глазах, закололо в голове. Я тихонько опустился на постель. В обед пришёл врач, опросил и говорит, что у нас очень плохо с питанием и лечебными материалами. Медсёстры ушли. «Если сможешь, то потихоньку иди вон к той куче мешков, которые лежат на платформах узкоколейки, и там помоги солдатам очищать пустые мешки, вытряхивать из них оставшуюся крупу, муку. Нужно отскабливать всё, что есть. Из того, что удастся добыть, варите в ведрах для раненых. Их нужно чем-то кормить, запасы продуктов на исходе». Я потихоньку поднялся и, с трудом переставляя исхудавшие ноги, пошёл к работавшим солдатам. Мне дали штык-нож от винтовки, и я начал выбивать и скоблить, выворачивая мешок за мешком. Выскабливали и выбивали на расстеленную простынь присохшую муку и крупу, а потом пересыпали всё добытое в ведра.

На этом занятии нас работало более 20 раненых. Кто работал с мешками, кто варил баланду, кто разносил её и кормил раненых, а их было более 300 человек. Пустых мешков было много. Они лежали целыми скирдами по другую сторону узкоколейки по-над опушкой леса. Были мешки и из-под соли – из них добывали соль.

Этой работой я занимался четыре дня. На пятый день нас позвали к главврачу. Он собрал всех, кто мог ходить, рассадил всех в полукруг. Стоя возле нас, начал говорить дрожащим голосом: «Я должен сказать вам горькую правду. Вчера мною посланные в разведку солдаты вернулись ночью и доложили, что немцы уже находятся в конце узкоколейки, наши силы ушли вглубь леса. Сегодня можно ждать противника уже здесь, в госпитале. Нам защищаться нечем, значит... Приказываю, все награды, документы, могущие нанести вред, закопать в землю. Нам не пробиться, мы раненые, больные, да и пробиваться некуда, вокруг нас противник! Но не унывайте, от нас требуется, прежде всего, спокойствие! Мы с вами, товарищи, пока на родной земле, и мы будем в плену, это уже предвидится. Помните, чем глубже враг проникает на нашу территорию, тем страшнее его ждёт расплата. Верьте мне, мы победим! Советую при первой же возможности бежать из плена к своим воинским частям или к партизанам. Прощайте и помните мой наказ. А теперь расходитесь по местам».

Ошарашенные таким сообщением, мы расходились, едва передвигая ноги. Всё тело тряслось от переживаний и злости, никто не знал, что делать в этой ситуации, где найти выход из этого тупикового положения. Я ощутил на своём плече тяжёлую руку товарища, он подошёл сзади, поравнялся

со мной и заговорил: «Товарищ Цымбал, вот мы и вместе». Это был наш командир 5-й роты, которого ранило в шею. Его рана была забинтована почерневшей марлей. «Прошу тебя, не додумайся назвать меня лейтенантом, я сейчас, как видишь, рядовой. Сейчас мы пойдём, проведём разведку, где можно будет уйти в лес, а там будем искать проход к своим, жди нас, и он ушёл».

Я с товарищами принялись за работу. Не успели мы очистить по одному мешку, как со стороны узкоколейки послышались автоматные выстрелы. Они слышались и со стороны, куда ушли наши товарищи в разведку.

ПЛЕН

Мы встали, и вижу, что немцы, держа на животе автоматы, уже идут по расположению нашего госпиталя. Сзади слышались шаги, я обернулся и увидел, что ведут наших разведчиков. Впереди идёт лейтенант с опущенной головой и сжатыми губами. Их подвели к нам, немцы нас окружили и стали производить обыск. Один здоровенный фашист стал ощупывать меня, вынул из кармана чёрный, почти новый складной кошелек. В нём была красноармейская книжка и 150 рублей денег. Он всё это положил к себе в карман, а когда дощупался до ног, то там обнаружил штык-нож, которым я скоблил мешки. Он его вытащил и говорит на украинском: «А, стерва, ещё и оружие имеешь», и ударил меня в левое ухо, да с такой силой, что у меня засверкали в глазах жёлтые огоньки и я упал. Меня поднял товарищ и, держа меня за руку, стал просить немца, ты что, мол, этим ножом он скоблил мешки, добывая продукты. Немцы закатились смехом. Я немного отошёл, прислонился к товарищам и стоял тихо. К нам подошли всех раненых, кто мог ходить, а остальных – о, ужас! – тех, кто не мог двигаться, стали в упор расстреливать на больничных койках! Загремели выстрелы. В это время к нам прибежали на костылях трое раненых в ногу и пристроились к нашему строю. Немец, стоявший недалеко от нас с автоматом и в каске, которая была надвинута на лоб так, что были едва видны его звериные глаза, что-то крикнул по-немецки немецкому командиру и левой рукой указал на наших раненых солдат, стоявших в хвосте колонны, держа под мышкой костыли. К ним подошёл плечистый фашист (украинец), который ударил меня по голове, расставил ноги, а левой рукой упёрся в бок, захохотал и вмиг, как тигр, бросился к раненым, вцепился левой рукой за грудь одного из раненых, вытащил из строя и трижды выстрелил из пистолета в голову, раненый как подкошенный упал, держась за костыли. Такая же участь постигла и остальных двух раненых с костылями.

Мы все стояли, а от злости сводило челюсти, дрожало всё тело. Сердце обливалось кровью. Один из солдат не выдержал и, как можно вежливее, несмотря на кипящую злость, сказал: «Господин офицер, зачем убиваете раненых?» За сказанное его постигла та же участь!

Фашист встал на грудь убитого правой ногой, победоносно поднял правую руку с пистолетом в руке и выкрикнул на украинском языке: «Мы раненых, кто не может идти, в плен не берём и тех, кто в пути упадёт, также убьём. Нам нужны только трудоспособные пленные рабы!» И ушёл.

Минут через пятнадцать он подошёл и громко потребовал на украинском языке построиться в шеренгу и начал пересчитывать. Насчитал 186 человек, записал в блокнот и передал немцу, очевидно, его подчинённому, и уже на немецком языке сказал что-то ему, а сам ушёл, и я больше этого гада не видел.

Мы стояли недалеко от узкоколейной железной дороги. На нас стали кричать по-немецки, указывая строиться в колонну по четыре человека и шагать. Кто медленно реагировал, получал удары автоматом в бок, в спину, немцы орали «шнель» – пошёл, мол, быстрее вперёд.

И мы, едва передвигая ноги, двинулись, шагали не в ногу, опираясь друг на друга, чтобы не упасть, иногда наступая впереди идущим на пятки и спотыкаясь. Шли медленно, покачиваясь, худые измученные, истощённые до невозможности. На многих виднелись бинты, прикрывавшие ещё не зажившие раны. Я шёл почти в середине колонны. Рядом со мной справа шагал мой бывший командир роты, а слева – его товарищ по больничной койке.

Было тихо, на небе ни одной тучки. Над нами сияло ясное голубое небо, но на душе было так скверно, что хотелось завывать от негодования и беспомощности. Солнце уже поднялось из-за леса и начало пригревать и нас и землю. Слышался только топот и шарканье ног, да зычные крики конвойных, которые шли по обе стороны от колонны, держа у живота автоматы.

Я шёл, едва передвигая ноги, неистово болела голова, всё тело ныло, и так хотелось пить, что казалось, кишки присохли к позвоночнику, а тошнота давила в грудь. В голове отзывался каждый посторонний звук, и становилось до невозможности страшно. В голове не укладывалось, как могло случиться, что мы так нелепо попали в плен, почему нас не вывели из окружения как раненых, почему нас не обеспечили ни оружием, ни боеприпасами и не дали возможности открыть огонь по противнику? Каждый из нас задавался такими вопросами, на которые никто нам не мог ответить. Тяжело, очень тяжело оказаться в таком положении, когда нет ни питания, ни перевязочных материалов, ни медикаментов. Кто в этом виновен? Нам, солдатам, трудно было понять, кто довёл нашу 2-ю ударную армию до такого плачевного положения.

Вдруг мои мысли оборвала автоматная очередь в конце нашей колонны. «Что это?» – спросил я рядом идущего товарища. «Наш товарищ запнулся и упал, наверное, в обморок, его конвоир пристрелил как загнанную лошадь, дал по упавшему пленному автоматную очередь. А ведь его здесь и похоронить-то некому. Не похороненный неизвестный солдат! Такая смерть ожидает и нас», – ответил он.

Час спустя мы вышли из леса, повернули вправо по просёлочной дороге. С левой стороны, метрах в 150, протекала извилистая небольшая речушка, а дальше в стороне зелёный луг, за ним стоял стеной высокий лес. С правой стороны тоже был густой лес, который местами подходил к самой дороге, а местами отходил на несколько метров в сторону. Солнце припекало, было душно и жарко. Позади колонны вновь раздалась выстрелы – три автоматных очереди. Убили ещё троих упавших от изнеможения наших раненых пленных. «Что делают эти изверги? Убивают беспомощных, истощённых, бессильных солдат», – подумал я, но вслух говорить что-либо было опасно.

Двигались мы медленно, у каждого из нас на лице была написана большая усталость, пот покрывал лица и ручейками стекал на грудь и плечи. Мучила жажда, у каждого силы были на исходе. Мы едва волочили ноги. Поддерживая друг друга, мы шли и шли, жара усиливалась, было тихо, никто не разговаривал, во рту всё пересохло. Только и было слышно, как покрикивали конвоиры и рычали собаки, которые бежали рядом с конвоирами, натягивая поводки. У меня внезапно помутнело в глазах, голова закружилась, я стал падать. К моему счастью, свалиться на землю мне не дали идущие рядом товарищи. Они подхватили меня под руки и почти несли более полсотни метров, напрягая все свои силы. Я очнулся. С моего небритого грязного лица катился грязный пот. Первое, что пришло в голову, – ну вот, и мне подошёл конец, не увижу больше жену, сынишку Колю и маму. Мой товарищ шепчет мне на ухо: «Крепись», я напряг последние силы, стал передвигать ноги и тихонько проговорил: «Спасибо, Кольцов, спасибо вам товарищи, что не дали мне упасть, вы спасли мне жизнь».

К нашему общему счастью, нас остановили, один из немцев на ломаном русском языке сказал, что отдых будет два часа, привезут обед, можно садиться и отдыхать. Мы как подкошенные падали на горячую землю. Сильно болела голова. Нам дали по одной небольшой кружке воды, а через полчаса привезли кухню. На обед дали по литру баланды, сваренной из прелой перловой крупы и посиневшего от плесени хлеба грамм двести. Мы это ели, и нам казалось, что всё вкусно. На десерт ещё дали по кружке желтоватой воды, её немцы называли кофе. Это был разведённый в кипятке какой-то подмокший суррогат, единственным его достоинством было то, что это был горячий напиток. После обеда немного ещё успели отдохнуть.

Точно через два часа нас подняли, построили, и мы пошли дальше. Шли по просёлочной дороге, километра через два круто повернули влево, перешли небольшой мост, зашли в село. Оно было заметно по торчащим трубам и исковерканным железным кроватям да чёрным зевам русских печей. Жителей видно не было, так как село было практически полностью разрушено. Конвоиры кричали и торопили нас, солнце уже клонилось к закату, видно было, что хотят догнать нас засветло до какого-то лагеря. Шли измученные дневным зноем как до обеда, так и после обеда. После этой жидкой с запахом прелости баланды ещё больше хотелось есть. Как будто кишки присосались к позвоночнику, начало тошнить, усилилась головная боль. Я стал глубоко вдыхать чистый лесной воздух. Дышалось легко. Всё вокруг было зелёным – и луга, и лес, и даже дорога, по которой мы шли. Мягкий шум окружающего нас по обе стороны леса и покой природы успокаивали сердце. И тело как будто впитывало в себя силы земли и придавало всему организму бодрость и силы. Думать ни о чём не хотелось, но в голову лезла всякая ерунда прошедшего дня, первого дня плена. Вспомнился даже тот плечистый украинец, который отобрал у меня кошелёк и так больно ударил, гад, по голове,

что до настоящего времени ощущалась боль в левом ухе. Мои мысли прервал товарищ: «Смотри, мы, похоже, подходим к месту ночлега». Лес с обеих сторон расступался, оставался позади, а впереди нас и вширь и вдаль просматривалась чистая зелёная поляна. Немного правее на небольшой возвышенности виднелся незнакомый нам посёлок и доносился негромкий лай собак.

Солнце уже погружалось за горизонт, жара спадала, и вечерняя прохлада немного ослабляла усталость. Пройдя метров пятьсот, всё время загибая вправо, мы уже хорошо видели впереди большой лагерь военнопленных. Он был обнесён колючей проволокой, по углам стояли высокие вышки. Со стороны нашего подхода стояли большая и средняя палатки, где, очевидно, размещалась охрана лагеря. Нас подвели поближе к палаткам, построили в две шеренги. Два немца стали нас пересчитывать, шагая и тыкая пальцем: айн, цвай, драй и т. д. После пересчёта к нам подошли три человека, один из них был в штатском, который сказал нам на чистом русском языке: «Вы пленные из Второй ударной армии, которая уже не существует. Вас привели в большой перевалочный лагерь. Сейчас приготовить котелки и подходить по одному вон к той кухне (указал рукой), получить ужин и в лагерь».

Ужин был такой же, как и обед, – литр баланды, чёрный хлеб. Правда, на этот раз в баланде я обнаружил небольшой кусочек мяса. Открыли ворота, и мы стали заходить в лагерь. В нём было очень много наших солдат. Стало темнеть, мы с товарищами прошли в одну сторону и разместились на мягкой земле, которая была хорошо прогрета за день горячим солнцем. Зелёная трава была везде притоптана. Мы быстро опрокинули в себя несытный ужин, расстелили плащ-палатку и легли спать. Измождённые, мы уснули быстро и спали крепким сном.

Я проснулся, когда солнце уже взошло. Вокруг нас, куда ни помотришь, находились наши солдаты. Кто стоял, кто сидел, а большинство лежали, положив под голову вещмешок, по лагерю проносились крики и шум. Лагерь был большой, огорожен колючей проволокой, закреплённой на новых столбах в два ряда высотой более двух метров. По ту сторону ограды маячили немцы, важно прохаживаясь вдоль изгороди с автоматами на груди.

Я подошёл к группе пленных, сидевших на притоптанной траве. «Ребята, сколько здесь пленных?» – спросил я. «Ты спроси их! Считаем, что около двух тысяч, если не больше. К чему спрашиваешь?» – «Да так, уж больно много, и все измученные, грязные оборванные, до невозможности похудевшие, такие же, как и мы». – «А чего удивляться, когда более двух месяцев были в полном окружении в нечеловеческих условиях и в безысходном положении, да как только ещё сумели выжить?»

Наш разговор прервали крики и лай собак где-то у ворот лагеря. Все поднялись на ноги, зашевелились, устремили взгляды в сторону протяжного человеческого крика. Все стали пятиться назад, мы отступили до самой изгороди. Стали ждать, впереди из-за тысячи наших пленных солдат ничего не было видно, потом понемногу смогли продвинуться вперёд. Через час, а может быть, и больше мы подошли к воротам. Нам открылся настоящий кошмар. Здесь везде кровь и клочья рваной одежды, а в стороне, с левой стороны, лежали в разных позах наши товарищи. Шесть тел были изуродованы и порваны зубами больших серых собак, которые невдалеке стояли и облизывались. Их держали на поводках охранники. Оказывается, когда открыли ворота и сказали, чтобы пленные шли медленно один за другим гуськом по одному, наши пошли толпой, вот тут охранники и спустили с поводков собак. Шестерых собаки задрали насмерть, а более тридцати были покусаны. Покусанных пленных посадили на машину и увезли. Куда – никто из пленных не знал.

Только после этого звериного поступка наши пленные солдаты стали выходить только по одному гуськом, затылок в затылок. Выйдя из ворот, подходили к кухне, получали завтрак. После завтрака пленных в лагере стали по одному выводить из строя. Отбор происходил выборочно, видимо, делали так, чтобы исключить попадание в группы друзей и просто знакомых. Отсчитали нас 300 человек и увели подальше от лагеря, построили в две шеренги. К нам подошли два офицера и один в штатском, конвоиры уступили им дорогу. Переводчик громко прокричал: «Кто еврей или цыган три шага вперёд!» Подождал минуту, повторил приказ, но из строя никто не вышел. Тогда один из офицеров медленно пошёл вдоль строя и стал придирчиво всматриваться в лица наших солдат, которые стояли и враждебно смотрели на подходящего немца. Подойдя к одному из солдат, он был высоким, темнолицым и темноволосым, вытащил его из строя и стал кричать на него: «Да ты иуда! Признавайся!» – «Да помилуйте, – говорит, – пан офицер, Ручкин я, крестьянский мужик! И корень мой насквозь русский». Но немец не поверил, вынул из кобуры пистолет, обошёл солдата кругом, как будто обнюхивая, да как закричит: «Иуда! Иуда!» – поднял пистолет и выстрелил ему прямо в голову.

Наш солдат упал пластом на землю, а немец ещё и в лежащего дважды выстрелил и пошёл дальше вдоль строя. При этом продолжал кричать: «Кто ещё иуда, выходи!» Он обошёл весь строй, больше никого не нашёл, и мы пошли.

Конвоиры нас повели по поляне в сторону села. Прошли метров четырёхста, нас остановили, заставили сделать круг, строй сомкнулся, скомандовали сесть. Мы присели, кое-кто облокотился, прислонившись к тёплой, покрытой густой травой земле. По всей большой поляне были видны такие же круги расположившихся пленных. Это было похоже на второй лагерь, только с более свободным расположением. В основном лагере после нашего убийства пленных не убавилось. Туда ещё утром поступило большое пополнение.

Со стороны села слышался гул самолётов, летели две «рамы», которые спустились так низко над нами, что было видно, как из кабины пилотов нас фотографировали. Эти самолёты несколько минут кружили над поляной, на которой были размещены военнопленные. Это была съёмка для немецкой пропаганды, для их подлой и лживой печати.

После всей этой процедуры нашу группу подняли и повели. Проходя мимо кухни, нам дали обеденную похлёбку и по кусочку чёрного хлеба. После обеда нас увели. Шли просёлочной дорогой. Вечером пришли на какую-то небольшую станцию, нас быстро загнали в товарные вагоны по 40 человек, закрыли двери, окошечки были прочно заделаны железными решётками. Примерно через час поезд тронулся, закачались вагоны, колёса застучали на стыках рельсов. Мы прижались друг к другу и уснули.

Проснулся я от сильного стука в дверь вагона. Вдруг дверь раскрылась, яркое солнце слепило глаза, на улице было тепло, пахло ароматом цветов. Время было конец июня, самая прекрасная пора лета. А мы, грязные, измученные, стоим и смотрим в проём вагонных дверей, ждём команды от конвоиров, которые ходили вдоль вагонов с автоматами наизготовку и в любое время могли поразить насмерть каждого, кто посмеет нарушить их приказ.

Подошёл переводчик, передал приказ выйти четырём пленным. Кто стоял у дверей спрыгнули на землю. Их повели, дали два пустых ведра и сказали, чтобы набрали воды из колонки и напоили нас. Но нас больше мучил голод, чем жажда. Уже были на исходе сутки, как у нас не было во рту ни крошки. И тут неожиданно для нас принесли пять булок чёрствого серого хлеба, на 40 человек, то есть по одной булке на восемь человек! Мы расстелили плащ-накидки и каждые восемь человек стали резать булки равными частями. Разложили на восемь кучек. Один отвернулся и начал, согласно списку, называть фамилии, кому предназначалась очередная кучка хлеба. Хлеб разделили до крошки. В это время принесли воду, и мы стали медленно жевать кусочки хлеба, запивая их водой, чтобы ощутить большее насыщение скудным пайком. Обед продолжался недолго, у нас забрали ведра, закрыли двери, звякнули запоры, и мы опять столпились у окошечка и пытались угадать, куда нас везут. Мы стояли ещё долго, поезд тронулся только после обеда. Один товарищ прильнул к окошечку и всё смотрел на пробегающие за окошком полустанки. Удостоверившись в направлении движения, сказал: «Нас везут в сторону Ленинграда». – «Неужели немцы заняли город? Не может быть», – возразил я, и завязался спор. Спор продолжался долго. За разгоревшимся спором не заметили, как остановился поезд. Дверь распахнулась, слышалась команда на выход с вещами. Вышли из вагона, нас повели, пройдя немного, подошли к проволочной ограде. Пропуская в ворота, нас пересчитали два здоровенных полицая, тыкая в грудь пальцами.

В этом лагере были небольшие деревянные дома, в которых нас разместили. Позже мы узнали, что это дачный посёлок города Ленинграда. Станция называлась Саблино. В домах было пусто, спали на полу. На второй день нас построили, и один украинец в немецкой форме сказал: «Вы находитесь в лагере на карантине. К изгороди из колючей проволоки подходить на расстояние ближе трёх метров нельзя. Кто подойдёт ближе, будет убит!» Правда, когда я хорошо оглядел лагерь, то узнал, что восемь домиков были огорожены вокруг высокой изгородью из колючей проволоки. Со стороны станции был навес, где размещалась кухня. В этом лагере много было полицаяв русских и украинцев, которые часто избивали наших пленных просто ни за что – то не так станешь в строй за получением завтрака, то подозревает за то, что он сурово взглянул. Одного моего товарища, который хотел узнать, Ленинград заняли немцы или нет, и спросил об этом, русский полицай ударил резиновой дубинкой, да так, что он залился кровью. Я вытирал у него кровь на шее, говоря тихонько: «Вот изверг какой, русский, а хуже немца издевается. Ничего, придёт время, и я ему

размалюю рожу». Я теперь твёрдо знаю, изверг, что Ленинград наш! Его немцы не взяли и поэтому предатели злятся!

Жизнь в лагере была несносной, спали просто на полу, застеленном своей немудрёной одежкой. Кормили так, чтобы мы могли передвигать ноги – утром литр баланды и кусочек чёрствого хлеба. В обед иногда наливали овощного супа, где плавала капуста и мелко нарезанная свёкла, к нему давали чёрный хлеб. Такое же «меню» было и вечером. Работать пока не заставляли. За девять дней два раза водили в баню, которая была рядом.

На десятый день на кухне нам выдали сухой паёк и сказали, что это на сутки. Вывели из лагеря и повели на станцию. На станции посадили прямо на платформу, по углам которой встали немцы с автоматами, и поезд тронулся. По местности я выяснил – поехали в направлении от Ленинграда. Ехали всю ночь, а на рассвете нас высадили и сразу увели просёлочной дорогой в направлении на северо-запад. На станции нас торопили, но я заметил, что станция называлась Чудово. Нас постоянно подгоняли, кто медлил, тот получал прикладом в спину. После того как немного отошли от станции, нас остановили. Один немец прошёл вдоль нашего неровного строя, пересчитал. В строю оказались все, никто не сбежал.

Шесть немцев-конвоиров, у четырёх из которых на поводках были серые большие собаки – овчарки, повели нас по просёлочной дороге. Вокруг стоял густой высокий лес, было начало июля 1942 года. С запада надвигались чёрные грозовые тучи, всходило солнце. Солнечные лучи засверкали на вершинах леса, но небо быстро заволокло тучами, полил плотный холодный дождь. Небо рассекали зарницы молний, раскаты грома катились над нами, над лесом, дорога раскисла. Желтовато-глинистая грязь была очень вязкой, засасывала ноги. С большим трудом вытягивали их вместе с грязью и переставляли вперёд. Конвоиры кричали на непонятном нам языке, показывая рукой вперёд, мол, топай быстрее. А серые большие собаки, услышав крик своих хозяев, громко и зло рычали и лаяли.

Гроза прекратилась, дождь немного пошумел, потом прекратил мочить нас. Сверкнуло жаркое июльское солнце, но мы ещё более двух часов месили грязь и двигались по раскисшей дороге. Перед обедом дорога стала подсыхать, шагать стало легче, мы подошли к небольшой поляне, впереди нашу просёлочную дорогу пересекала с востока на запад широкая грунтовая, глубоко изрезанная колёсами машин дорога. Свернули влево, недалеко, метрах в ста от этой грунтовой дороги, нас остановили, приказали сесть и отдыхать. Через час привезли кухни на одной большой куцехвостой жирной лошади. На передке кухонной повозки сидел, правя за вожжи, толстый, невысокого роста, с чёрными как смоль бровями краснощёкий повар. Подъехал к нам, сказал на чистом украинском языке: «Вставайте, приготовьте котелки и по одному, без толкучки, подходите и получайте обед». Мы, измученные, торопились, доставали котелки и ложки и стали подходить друг за другом к дымящему котлу.

Пахло перловой прелой крупой. К горлу подкатывалась слюна, кушать хотелось до невозможно-сти. Дошла и моя очередь, дал мне повар кусочек чёрного, посиневшего от плесени хлеба, влил литр синеватой баланды, сваренной из прелой перловки-сечки. Я отошёл в сторонку и принялся её хлебать, и она показалась мне очень вкусной, понемножку откусывая хлеб, а больше хлебал баланду. За пять минут с обедом управился, но остался голодным. И тут услышал возглас повара: «Кому добавки, подходи!» Человек пять направились к котлу, и я тоже пристроился к ним. Повар налил стоящим впереди меня понемножку похлёбки, потом заглянул в котёл и вдруг наотмашь пустым черпаком ударил меня в лоб со словами: «Чего ждёшь? Уже всё сожрали!» И заржал, довольный своей выходкой. От удара у меня помутнело в голове, и я упал как подкошенный на землю, а немецкий холуй продолжал громко смеяться. Очнулся я рядом с сидящими солдатами, которые быстро оттащили меня от кухни и не допустили надо мной расправы. В голове шумело, от более тяжёлых последствий удара меня спасла надвинутая на лоб пилотка. Меня душила злость и безысходность своего положения, но усилием воли я заставил себя беречь силы и отдыхать и не заметил, как заснул.

Мне стало сниться, будто я убегаю, забился в густой лес, оглянулся, а немцы гонятся за мной. Я пригнулся и ещё быстрее стал бежать, а ветки так больно бьют меня по спине, что я проснулся, а возле меня стоит немец и лупит меня в спину носком кованых сапог и кричит: «Вставай, пошёл!» Я как очумелый вскочил и ещё получил пинок в зад, да так больно, что кое-как добежал к строю товарищей, уже построенных в две шеренги.

Погнали нас левой стороной широкой дороги. Дорога пошла немного под уклон. Слева, сколько видел глаз, была равнина с небольшим кустарником, осины и берёзы, а по правую сторону широкой

дороги от севера стоял густой зелёный лес. Конвоир торопил нас, они были намерены доставить пленных в место назначения до наступления темноты.

В тот жаркий июльский день у меня уже созрело решение: бежать, только бежать! Плен – это угнетение! Оно невыносимо! Нужно во что бы то ни стало бежать к своим, взять снова в руки оружие и уничтожать эту нечисть в мышинного цвета шинелях. С такими мыслями и шагал я, усталый, грязный и голодный. Еле-еле передвигал ноги в толпе таких же измученных моих товарищей. Кто-то негромко сказал: «Смотрите, впереди палатки и лагерь. Нас ведут в этот лагерь!» Я поднял голову, посмотрел, точно – лагерь. С левой стороны от лагеря была видна небольшая извилистая речушка, а дальше впереди лес. С нашей стороны речушки стояли четыре большие зелёные палатки, а ещё ближе к нам, недалеко от дороги, располагался небольшой лагерь, огороженный колючей проволокой. «Это, – говорю я товарищу, – наше жилище, в котором наспех сделаны шалаши из веток».

Нас подвели к изгороди и построили в две шеренги. К строю подошёл, держа в руках ручку и зелёную папку, высокий мужчина с метровой шириной в плечах. Он был рыжеволосым, под носом рыжего цвета усики и с длинным заостренным носом. Он, медленно проходя вдоль строя, пересчитал нас, записал в папку. У конвоира взял лист бумаги, в которой расписался, вернул её конвоиру. Конвоир что-то рывкнул, взмахнул в нацистском приветствии рукой, как ретивый конь хвостом, повернулся кругом и пошёл. За ним, спеша, пошли остальные конвоиры.

Конвоиры, очевидно, были рады, что сдали нас в полном составе, без потерь. Рыжий выпучил на нас свои серые глаза. Стал громко читать на чистом украинском языке: «Я комендант лагеря, и вы поступили в моё полное распоряжение. Жить будете вот в этом лагере, а вернее, только ночевать, а днём будете работать на благо великого рейха! А сейчас подходите к кухне, получите ужин и марш в лагерь размещаться по десять человек в шалаше».

После ужина нас собралось девять человек в одном небольшом, сделанном из веток шалаше, поставленных один к другому. В этом балагане мы расстелили кое-какую одежду, прижались один к одному, чтобы теплее было, и уснули. Ночи были очень короткие. На восходе солнца я проснулся, голова от удара продолжала болеть, вылез из шалаша и пошёл в туалет, который был сделан в конце лагеря. По ту сторону проволоки ходили часовые – четыре немца с автоматами. Через час нас подняли, мы получили завтрак, и нас всех – 50 человек – погнали на работу в лес.

Мы носили брёвна длиной по три метра и укладывали железнодорожное плотно на продольные брёвна. Выходило, что мы строили дорогу через топкое место. Работа каторжно-тяжёлая. В обед в лагерь не гоняли, а разрешали варить в котелках суп из концентрата. Давали одну пачку на двоих и по 300 грамм чёрного хлеба. Когда попадались хорошие конвоиры, разрешалось нам собирать грибы. Мы их рвали и варили.

В лесу попадались ягоды, в основном черника, мы её рвали и подкреплялись. К концу дня мы, утомлённые и грязные, возвращались в лагерь. Похлебав баланды, заходили в лагерь, залезали в шалаши, падали на постеленные ветки и сено. Засыпали быстро. А утром опять шли на изматывающую каторжную работу.

Я постоянно присматривался к местности, старался всё запомнить, считал шаги, чтобы вычислить расстояния между ориентирами и сооружениями. Думы о побеге ни на минуту меня не покидали. Но сговариваться для побега с товарищами было опасно. В лагерь засылали предателей, и почти каждый день было заметно, что новенький начинает предлагать побег.

Однажды в период отдыха один из вновь прибывших подсел ко мне и говорит потихоньку: «Давай бежать, я знаю эти места, вырос под Ленинградом, пройдем к своим незаметно». Я чуть было не попал на его уговоры, а потом резко сказал ему: «Никуда не побегу, мне и здесь терпимо». Но он всё же подговорил пять человек. Через три дня на четвёртый поймали всех убежавших, пятерых повесили возле нашего лагеря. Но того, что уговаривал на побег, среди повешенных не было. Его, наверное, перебросили в другой лагерь. С тех пор я решил бежать, если подвернётся случай, только один.

В этом лагере работали до 1 августа 1942 года. За это время негодяи надсмотрщики повесили пять человек и двух расстреляли. Один наелся ядовитых грибов, и его тоже пристрелили. А нас заставили там, на работе в лесу, выкопать яму и похоронить. Ох, как тяжело было провозжать в последний путь товарища. Хороший он был человек, всё вспоминал жену, дочь и двух сыновей. Другой заболел дизентерией, тоже не стали лечить, а убили.

«Вот ироды так ироды, – прошептал я. – Господи пошли погибель на всю эту немецкую сволочь, которая осквернила землю нашу своим нечистым духом!» – «Ладно, хватит шептать молитву, давай пристраивайся сзади меня и не отставай, нас ведут куда-то дальше», – это говорил мой товарищ, с которым мы уже полмесяца спали рядом. Его звали Андрей, фамилия Копылов.

Шли просёлочной дорогой, по обе стороны стоял зелёный лес, день был ясный и тёплый. В пути мы были всего четыре часа. Это мы прошагали километров пятнадцать. После обеда подошли к лагерю. В этом лагере, который был обнесён колючей проволокой в два ряда, высота изгороди была около трёх метров, по углам стояли высокие вышки для охраны. Внутри были сделаны два длинных барака. Нас завели в лагерь, остановили, построили, пересчитали, и конвоиры с собаками ушли, а нас разместили в бараке. Внутри были сделаны нары. Постели никакой. В этом лагере было уже пленных человек 40, да нас привели 56.

Вечером нас накормили супом, где была видна картошка и пшено. Это был первый день в плену, когда я покушал свежую картошку. Хлеба дали грамм триста серого, хорошего, и ещё дали по кружке эрзац-кофе. Я спрашиваю Копылова: «Что это значит, что нас стали кормить так?» А он мне отвечает: «Наверное, хотят какую-то агитацию провести». Точно! Друг угадал. После ужина нас выстроили в лагере. Подошёл переводчик, прочитал в немецкой газете о том, что «немецкие доблестные войска взяли Сталинград, перерезали Волгу», но я не верил этой пропаганде. Я твёрдо был убежден, что наши доблестные солдаты выгонят с нашей священной земли чёрную чуму фашизма и отомстят сполна за сожжённые хлебные нивы, за смерть женщин, стариков и детей. Мне нужно перехитрить врага и бежать к своим, дабы быстрее встать в строй, взять в руки оружие и бить гадов, которые топчут нашу землю.

В этом лагере мы отдыхали сутки. Лагерь по его внутреннему виду был крепко устроен. Проволочное ограждение было прочным, высотой около трёх метров. Колючая проволока в три ряда. С запада виднелся густой лес. С севера были слышны гудки паровозов, там проходила железная дорога. С востока и юга небольшое мелколесье. Вот в эту южную сторону нас, пленных, каждое утро гоняли на работу. Расстояние примерно 2–3 километра. Работали до вечера. На обед в лагерь не ходили, обедали по месту работы. Привозили баланду и чёрствый хлеб. Работу снова выполняли тяжёлую, делали блиндажи, выкапывали на склоне небольшого увала до 3 метров глубиной яму 3 на 5 метров. Стены закрепляли вплотную брёвнами в стоячем положении, сверху накатывали шесть рядов толстых брёвен, заваливали землёй и маскировали. Выход делали в южную сторону ступеньками. Внутри обшивали сухим, чисто выструганным тёсом. К вечеру, когда заканчивали тяжёлую работу, лопаты несли к ручейку, чисто их вымывали проточной водой. Лопаты мы мыли каждый вечер. Грязные лопаты немцы от нас не принимали. Сдавали инструмент, и нас вели в лагерь.

С запада надвигалась чёрная большая туча, небо прорезала яркая извилистая молния. Грозовая туча повисла прямо над нами, как чёрная огромная перина, из которой периодически падали на землю огневые перья молний. Зашумел шквалистый ветер, и полил холодный дождь. Мы, согнувшись, еле передвигали ноги, а конвоиры ударами автоматов подгоняли нас с криками «рус, быстро нах хаус!». Сильные струи дождя хлестали нас то по лицу, то по сгорбившимся спинам. Я, как и мои товарищи, напрягал оставшиеся силы, шагал и старался не отставать от впереди идущих товарищей. С обеих сторон дороги, по которой мы двигались, были видны землянки и палатки. Из них доносились смех и песни. Оккупанты пили шнапс в тёплых уютных палатках, посматривали на нас и ржали как лошади. «Ох, боже мой, – думаю. – Не я бог, я бы разразился такой мощной грозой, что испепелил бы всех проклятых фашистов, а потом вынул их остатки из палаток и обрушил бы на них водопадом дождь, чтобы смыть всю эту нечисть в море, дабы не зловонили на нашей священной христианской земле».

Я очнулся от своих мыслей, когда переходили речушку по узкому и скользкому мостику, и, придерживаясь за товарища, потихоньку преодолел его. Дождь прекратился, запад, где солнце уже клонилось за горизонт, горел оранжевыми красками. Идти было трудно, намокшая одежда тянула вниз, уже виднелся наш опротивевший лагерь. Ноги подкашивались, и я кое-как дотащился до барака, упал на голые грязные нары. Душили горькие слёзы, вся накопившаяся на душе злость вытекала слезами. Но лежать было нельзя, иначе мог остаться голодным, а это привело бы уже на следующий день к верной смерти от истощения при рабском труде.

Пришлось подняться, сжав волю в кулак. Вытер лицо мокрым подолом рваной шинели, взял алюминиевый помятый солдатский котелок и медленно пошёл получать скудный ужин. Мне налили

около литра мучной баланды, выдали кусочек чёрствого хлеба, проглотил всё полученное, но остался голодным. Силы от такого некалорийного питания восстанавливаться не успевали и таяли с каждым днём. Приходилось, стиснув зубы, терпеть и голод, и унижения.

После ужина все упали спать, а утром снова на рабский труд. Так продолжалось изо дня в день до 28 августа 1942 года. Утром после несытного завтрака нас всех пленных построили на территории лагеря в две шеренги. К нам подошёл немецкий офицер с переводчиком, медленно проходя вдоль строя, стал пальцем показывать то на одного, то на другого, а переводчик кричал: выходи! Кто мешкал, того брал за грудки, вытаскивал из строя и давал пинка носком сапога. На меня тоже указал пальцем. Я вышел, и рядом со мной оказался мой друг Андрей Копылов. Отобрали 40 человек, на работу не угнали, оставили в лагере до вечера. Как только стемнело, нас построили, дали на двоих по чемодану килограмм по двадцать, что было в чемоданах, мы не знали.

Нас повели сразу к дороге, железнодорожное полотно было настоящее однопутное. Шли прямо по полотну на юго-запад. Конвой был усиленный, на поводках вели больших овчарок. Шли мы часа два, часто менялись грузом, перекладывая его на плечи друг другу. Остановились, впереди стоял состав железнодорожных вагонов. Нам приказали чемоданы сложить в кучу и заставили носить раненых немцев из вагонов, стоявших впереди нас, в другие вагоны состава, который стоял под мостом на другой железной дороге, направлением с северо-запада на юго-восток. Раненых было много, нас торопили, и мы носили их в поте лица. Оба железнодорожных состава ушли с потушенными фарами, сначала верхний, потом нижний.

Отдохнуть нам не дали, мы взяли свой груз и пошли дальше по полотну этой же дороги. Уже на рассвете, уставшие, измученные до предела, мы подошли к реке, немцы её называли «Волхов». Железнодорожный мост через реку был разрушен. Его середина скрывалась в воде. По железным балкам над самой водой из досок был сделан переход, по которому нас и перевели на правый берег. Как только перешли, нас сразу повели вправо против течения, то есть вверх. Прошли около километра по-над самым берегом. В одном месте прошли большой штабель ящиков, очевидно, это были боеприпасы. Они были сложены около обрыва берега.

Привели нас в небольшой лагерь, который был обнесён невысокой колючей проволокой, а от реки изгороди не было. Уже взошло солнце, когда нас пересчитали, пропустили по одному в лагерь. Комендантом лагеря был черноволосый, невысокого роста украинец, он приказал нам размещаться по землянкам. Они были выкопаны на склоне берега, сверху закрыты брёвнами и землёй, в каждой помещалось по два человека. Я с Копыловым заняли одну из них, залезли в неё, улеглись и сразу же заснули мертвецким сном. Это было уже 30 августа 1942 года.

Спали до обеда, в час дня дали обед. Он был немного лучше, в баланде можно было увидеть картофель и капусту, но хлеб был чёрный и сухой, его дали по 300 грамм. Комендант сказал, что здесь хорошо кормим, но надо и хорошо работать. После обеда я стал пытаться расспросить одного пленного, который до нашего прихода был в лагере, но он ответил: «Ничего я тебе не скажу, поживёшь, увидишь сам».

Из лагеря ничего не было видно в сторону передовой, но было слышно, как глухо взрывались снаряды и мины. Как только стемнело, нас построили, отсчитали 16 человек, в их число попал и я, и повели вниз вдоль берега. Подвели к штабелю ящиков, приказали брать по одному. Каждый взвалил на плечи ящик, и конвоиры повели нас тропинкой в колонну по одному. Конвойные были спереди и сзади. Отклонение от строя на 1 метр каралось расстрелом, при этом нас предупредили, что конвоиры стреляют без предупреждения. Ночь была звёздная и тёплая. Нас привели почти на самую передовую, где непрерывно слышались автоматные и пулемётные очереди и винтовочные выстрелы. В небе то в одном, то в другом месте ярко загорались ракеты. Я не спускал глаз, всё смотрел на передовую, чтобы лучше определить и подобрать место для возможного перехода линии фронта, голову будоражила только одна мысль – бежать! За ночь мы сделали три рейса. Когда в третий раз пришли на передовую, переходили насыпь железной дороги, вверху загорелась осветительная ракета, я увидел впереди слева неширокое болото, на котором были видны небольшие кусты, а за озером стоял густой лес, там, наверное, наши, подумал я.

В лагерь вернулись, когда уже заканчивались предрассветные сумерки, а в мыслях было одно: бежать! бежать! Но для этого нужно хорошо подготовиться и дожидаться тёмной ночи. На третий день Копылов прибыл позже меня, когда я уже лежал в землянке. Он заполз, а сам стонет и сквозь слёзы

мне говорит: «Посмотри мне на спину, она очень сильно болит». Я осторожно закатал серую от грязи рубаху, она была местами в крови, а тело на спине всё в синяках. «Кто это тебя так разукрасил?» – спрашиваю его. А он сквозь стон говорит: «Когда мы подошли на передовую, в воздухе загорелись ракеты. Конвоиры крикнули “ложись”, а я побежал, хотел укрыться в небольшой воронке. Конвоир подбежал и начал лупить меня прикладом по спине за то, что я сразу не лёг, а как будто хотел демаскировать подносчиков снарядов». – «Да, – говорю ему, – сильно он тебя избил. Если ещё раз повторишь, то богу душу отдашь». И тут же предложил ему бежать, только бежать к своим. Копылов согласился, а на второй день сказал мне, что у него есть друг Корнев, нужно с ним поговорить, он не предаст, а я его давно знаю, уже больше месяца. Ладно, покажи мне его.

На следующий день я договорился с Корневым, у которого оказалось ещё пять надёжных солдат. Договор был такой: вставать с любой стороны вместе подряд, не допускать между собой других пленных, чтобы попасть в группу всем вместе. И как только это получится, тогда решим вопрос побега.

ПОБЕГ

Осенние дни становились всё короче и короче, а ночи удлинялись. Вот в такую осеннюю и для меня памятную ночь нам удалось всем восьмерым попасть вместе. Тогда отсчитали всего 26 человек, быстро повели к складу, дорога нам была уже знакома. Подошли, где немцы из лотков разгружали боеприпасы. Нам дали в руки обрывки проводов и приказали связывать по два ящика, вешать их на плечи и шагать. Повели нас по-над берегом вниз к насыпи железной дороги. На душе стало радостно, мы на правильном пути, а, когда свернули вправо и стали двигаться вдоль насыпи к передовой, сердце забилося ровней, я от радости тронул за плечо Корнева, который шагал впереди, и на самое ухо сказал тихо: «Идем правильно, туда, куда надо». Тихонько передвигая ноги, двигались по чуть натопанной тропинке, справа чуть заметны кустики тальника, слева насыпь железнодорожного полотна. Ночь была тёмная, всё небо заволокло чёрными густыми тучами.

Груз на плечах был тяжёлый, ноги подламывались, очень хотелось отдохнуть, но об этом нельзя было даже думать. Задний конвоир торопил, подталкивая стволом автомата. Где-то впереди бил короткими очередями станковый пулемёт, справа, разрезая темноту, пронеслись трассирующие пули, чуть левее взвилась в небо осветительная ракета. Передовая линия становилась с каждым шагом всё ближе и ближе!

Сердце билось учащённо, мысли работали в одном направлении, бежать – и бежать только сегодня! Такой ночи и момента больше не выберешь, притом собрались все вместе и конвоира всего два на 26 человек! На душе было тревожно, малейшая оплошность и подозрение со стороны конвоира – сразу смерть! Нелепо умирать никому не хотелось, нужно ещё отомстить за товарищей, которых расстреляли прямо на больничных койках.

Впереди то в одном, то в другом месте взлетали в небо ослепительные ракеты, строчили автоматы и слышались одиночные винтовочные выстрелы. Значит, передовая линия совсем близко. Нас остановили возле блиндажа, который был врыт глубоко в насыпь и только вход в него был хорошо виден. Солдаты, вышедшие из блиндажа, стали проводить по два человека метров тридцать дальше и показывать, куда складывать ящики.

Пара за парой мы разгрузились всё. Конвоиры наши ушли в блиндаж, а четверых солдат оставили охранять нас. Нам показали место и приказали ложиться. Я быстро приблизился к Копылову, мы легли рядом и, не теряя времени, тихонько договорились: остаёмся задними, конвоира давим и бежим вправо через насыпь железной дороги. Корнев самый задний, потом я, передо мной впереди Копылов и следующие. Последний впереди Петров. Как только пройдем полсотни метров, начнём по сигналу – два толчка в спину, ответ о готовности впереди – один толчок локтем позади идущему в грудь. Тут же сразу Корнев хватает конвоира за руки, я за рот и валим его на землю. Копылов убирает автомат, затыкает в рот кляп и давит за шею, остальные наблюдают, чтобы никто не приблизился спереди или сзади. «Всё, – говорю я на ухо Корневу, – передай всем, действовать без паники, быстро и без шума».

Лежим, ждём, ночь тёмная. Хоть глаз выколи. Стал накрапывать мелкий холодный дождик. На передовой линии стали реже постреливать, да и ракеты реже взлетали в небо, видно, уже притомились за день, возможно, потянуло в сон. Время было 23.30. Из блиндажа вышли наши конвоиры, они были навеселе, наверное, плотнули шнапса. Быстро стали поднимать всех пленных, но мы всячески

мешкали, дабы остаться позади. Попадало кой кому прикладом, и мне досталось два удара, но я выдержал. Пока всё шло по нашему плану, мы задние, а конвоир задний остался тот, о котором мы мечтали – небольшого роста, мелкого телосложения, с длинной шеей.

Прошли метров пятьдесят, Корнев дал условный знак мне в спину, я передал Копылову. Ответ от передних поступил быстро, я рывком локтя передал Корневу и молниеносно обернулся, а Корнев как будто споткнулся и присел. Конвоир стал толкать его прикладом, и тут мы бросились на конвоира одновременно. Я зажал рот, а Корнев схватил его за обе руки, и мы крутанули конвоира и прижали к земле, да так, что он даже не пикнул. Копылов успел взять автомат, передал его товарищу, а сам стал искать рот, чтобы затолкать в него кляп. Скользнул рукой по груди к шее, но выше был затылок. Спрашивает меня на ухо: «Где рот, не могу нащупать?» А рот конвоира обнаружили на спине. Оказалось, что когда мы немца валили, то так крутанули, что открутили голову, шейные позвонки лопнули и она болталась на одной коже! Но для убеждения Копылов крепко зажал ему шею и поддерживал несколько минут. Потеря времени была напрасной, немец действительно был мёртв. Мы его подхватили и быстро понесли вправо. Под насыпью оказалась большая воронка, в неё положили труп и потихоньку присыпали щебнем и землёй.

Я передал: бесшумно следовать ползком за мной. Когда сползли с насыпи на противоположную сторону железной дороги, перед нами оказался не очень густой и невысокий кустарник, и, насколько можно было видеть, между ним отсвечивалась вода. Я приподнялся и зашёл в воду, было неглубоко, но местами вода доходила выше колен. Пригнувшись, подошёл и присел под куст и стал ожидать остальных семерых товарищей. Первым подошёл Корнев, за ним подошли остальные. Тихо, на самое ухо сказал Копылову: «Передай всем, соблюдать полную тишину и маскировку». Все затихли, каждый прижался под куст. Справа послышался глухой выстрел, ярко мигая, взлетела вверх осветительная ракета, освещающая передовую линию. Я приглядывался и пытался определить расстояние до передовой, но ракета очень быстро затухла. Однако через минуту взвились сразу две ракеты слева и справа. Впиваясь глазами, заметил впереди поперёк этого болотистого неширокого места натянутую колючую проволоку от правой до левой траншеи. Вот эту колючую проволоку предстояло преодолеть, а от неё до опушки густого леса всего 100–200 метров.

Как только потухли ракеты, мы двинулись к колючей проволоке. Корнев подполз ко мне и говорит: «Прежде чем коснуться проволоки, нужно её опробовать на ток и звук. Она может быть под напряжением или на ней могут быть развешаны консервные банки, всё возможно, но терять времени не будем. Я отломил ветку, сучком зацепил за проволоку, подержал – током не ударило, потом осторожно пошевелил, потом подёргал, звуков никаких слышно не было. Конвой вернётся, не досчитаются восьми человек, поднимут тревогу. Решили снять верхнюю одежду и накинуть на проволоку, она всего в два ряда. Я снял плащ, перебросил на заграждение, каждый подал свою одежду, получилась кое-какая защита от колючей преграды. Прислушались, было тихо. Слышались только удары сердца да на передовой автоматные очереди и винтовочные выстрелы. Уже была полночь. Тихо подал команду: по одному осторожно за мной, не отставать. Если немцы нас обнаружат и начнут обстрел, не останавливаться, только вперёд, впереди наши!

Перелезть через колючую проволоку оказалось делом непростым. Несмотря на наброшенную на неё одежду, проволока всё-таки впивалась в одежду и тело. Но близость цели и жажда жизни затмевали боль, и я благополучно перелез через преграду. По грязи между кустами пополз дальше в направлении леса. Метров через сто воды не стало. Цепляясь за траву, напрягая оставшиеся силы, полз и полз вперёд. В глазах запрыгали искры радости, душа рвалась вперёд, она словно сама тянула утомлённое худое тело. Спасительный густой и высокий лес уже был совсем близко. Я напряг свои последние силы, приподнялся и, согнувшись, рванул вперёд! Ещё немного, ещё! И вот она – первая стройная ель, за ней сплошной непроходимый лес. Обхватил руками ствол, прикоснулся к пахнущей смолой коре и тихо зарыдал. От радости текли слёзы, дыхание перехватывало, в душе уже кипела радость, а губы как бы сами прошептали: «Слава Богу, ушёл! Ангел-хранитель по велению Всевышнего обеспечил побег!»

Ко мне стали подбегать едва заметные в темноте полусогнутые товарищи. Собрались семеро, ждём последнего. Проходит тягостная минута, все напрягали зрение, вглядывались в темноту. И вдруг, как привидение, еле передвигая тонкие как палки ноги, весь в грязи и без штанов, в одной рубашке показался восьмой. «Штаны остались на проволоке», – еле слышно произнёс он. И горе и смех! Но

было не до шуток. Один из друзей снял кальсоны, отдал ему и тихо сказал: «Быстро одевай, и пошли, больше не отставай, ждать нельзя!»

Осторожно ступая меж деревьев, мы гуськом пошли вглубь леса по направлению на юг. На местности с детства я ориентировался безошибочно, кроме того, пока работали вблизи передовой, старался запоминать особенности местности. Позади нас за опушкой леса на немецкой передовой линии одна за другой вспыхнули осветительные ракеты, застрочили пулемёты, позади нас одна за другой стали рваться мины. «Очевидно, немцы обнаружили побег восьми человек или заметили на колючей проволоке оставленную нами одежду, – сказал я. – Не отставать!» – негромко сказал я и двинулся вперёд, жадно прислушиваясь к взрывам и меняя направление движения, петляя между деревьями и раздвигая руками попадавшие ветки. Насколько было возможно, бежал, иногда падал, припадал на четвереньки, но упорно продвигался вперёд. Мины уже начали рваться сзади и немного правее. Мозг жгла одна мысль: быстрее, как можно быстрее к своим!

Прислушиваться к разрывам мин приходилось постоянно, чтобы не напороться на их разрывы при переносе огня оставшегося позади противника. А он всё бил и бил из миномётов по опушке леса, я слышал ответный огонь наших орудий, приостановился. Ребята далеко не отставали и собрались быстро. «Ребята, – говорю я радостно, – наши! Слышите, наши стреляют!» Орудия стреляли немного правее впереди нас, взрывы снарядов уже были слишком позади нас, значит, направление держали правильно. Вперёд, товарищи! И лавируя между стволами, ломая ногами сучья, немного пригнувшись, держа автомат перед собой, бежал, не чувствуя под ногами земли. Вперёд! Только вперёд! Раздвигая руками ветки, быстро продвигались вглубь густого высокого леса, пробежали много, но на всём пути мы не встретили наших войск, даже траншей и блиндажей не видели. Это нас пугало, однако выстрелы были уже чуть слышны, и они были далеко позади нас. Значит, мы проскользнули нашу передовую линию, в густом лесу её не заметили. Кто-то сказал: «Товарищи, я больше не могу! Ох, как тяжело!» Ноги его как бы сами подкосились, и он упал лицом на землю. Движение приостановили, все восемь человек прилегли на землю, стали вслушиваться, а сердце билось, разрывая грудь, оно бьётся то ли от радости, то ли от сильного напряжения! Но радоваться было рановато, мы ещё точно не знали, где находимся, у наших или ещё у неприятеля. Сдвинулись поближе друг к другу и стали совещаться. «Как могло случиться, что мы не видели наши передовые линии?» – говорю я. «А очень просто, – говорит Корнев, – не заметили потому, что блиндажи и окопы сделаны редко, ночь очень тёмная, а мы гуськом осторожно прошли, вот и не заметили».

Отдыхали около часа, кое-кто стал дремать, но мне не спалось, я напряжённо вслушивался в окружающую нас лесную глухомань. Было ещё темно, но на востоке уже стало светать. Вначале узкая полоска багряной утренней зари приобрела желтоватый оттенок, потом небо сделалось бледно-лимонным, ясным только на востоке, а на западе ещё держались сумрачные тени уходящей ночи. Я тронул за плечи дремлющего, худого, всего обросшего грязного Копылова и говорю ему: «Смотри, уже светает». Справа лес был реже и немного просвечивался. Позади нас с северо-запада доносились незначительные звуки разрывов мин и снарядов, а иногда слабые, еле слышные винтовочные выстрелы. В ту сторону, где лес был реже, послали двух в разведку, строго наказали, чтобы ползли тихо и смотрели в оба и, если заметят врага, дали знать длинным соловьиным свистом.

Товарищи Корнев и Петров поползли, а мы стали смотреть им вслед и при каждом постороннем звуке вздрагивали. Через небольшое время Петров и Корнев приползли и доложили: «Невдалеке, не более 300 метров, опушка леса, вернее, широкая просека, а по ней к северо-западу на юго-восток идёт неширокая просёлочная дорога, а на кромке леса с нашей стороны две кучи сложенных ящиков, сверху плотно закрытых зелёными ветками. Никого из людей поблизости не видели, решили всем ползти и так, чтобы добраться до них незаметно». Я полз первым, замыкающим оставил Корнева. Пробираясь между деревьями, подползли, так что уже видны были закрытые сверху две не очень высокие кучи, подал знак остановить движение! Послал Копылова, чтобы один ящик притащил, и, когда он вернулся с ящиком, мы его вскрыли. Все радостно вздохнули – НАШИ! Действительно, в ящике были наши патроны! «Да, – говорил я, – это наши винтовочные патроны, но они могут быть и у немцев как трофейные и сложены все в кучи как негодные им в бою». – «Да, – подтвердили товарищи, – это вполне возможно», и опять нагнулась грусть.

А утро 10 сентября 1942 года берёт свои права, уже полностью развиднелось, прояснилось небо, тучи серые одна за другой ползли с запада, минув нас, в вышине неба уходили на восток и скрыва-

лись за вершинами густой зелени леса. Так есть хотелось, что просто всех мутило и всё тело ослабло от пустоты желудка. Я предложил Корневу: «Давай развяжем мешок с неприкосновенным запасом продовольствия. Ребята, давайте ползите ближе, перекусим». Развязал мешок с продуктами, достал из него всё, что было. А в нём были несколько кусочков чёрного заплесневевшего хлеба. Разломал и разложил на лопуховом листе восемь равных кучек. Каждую осторожно брал, чтобы не обронить даже крошки, и раздал товарищам. Все стали аппетитно жевать, хотя и чёрный, но все же сытный хлеб, запивали холодной водой из алюминиевого котелка, передавая его из рук в руки.

Покушали, и сразу стало немного легче на душе. Вдруг с западной стороны послышались голоса на чистом русском языке. «Боже мой, это наши», – говорит лежащий рядом товарищ Копылов. «Конечно, наши, – дрожащим тихим голосом повторил я. – Корнев, бери автомат, пошли, а остальным замаскироваться и лежать на месте до особого указания», – сказал я. Мы быстро поползли ближе к дороге и спрятались почти рядом с ней. Из-за поворота показались двое солдат, идущих по направлению к нам. У первого автомат, а у второго – винтовка, у обоих оружие висело через плечи, стволами вниз. Идут тихо, о чём-то между собой разговаривают, по отрывкам слов мы поняли, что идут с передовой.

Как только они приблизились на расстояние метров десять, мы вскочили, направив автомат на них в упор, и скомандовали: «Руки вверх!» Побледневшие от неожиданности, они подняли руки вверх. Я крикнул ребятам: «Быстро сюда!» Товарищи подбежали, сняли оружие с обоих солдат, но обыскивать не стали. Я спросил старшину, по их знакам различия он был старшим: «Куда идёте и где мы находимся?» Старший, заикаясь, кое-как выговаривая слова, сказал: «Мы идём с передовой в штаб своей части». – «А передовая далеко отсюда?» – спросил Корнев. «Мы были, у командира батальона», – тогда нам стало ясно, что они идут в штаб полка.

«Видно, здорово мы напугали вас! Да и как не напугаешься, если мы все обросшие грязные и худые до невозможности, одна шкура обтягивает наши кости. Мы, как видите, сбежали из плена, сегодня ночью ушли от немцев и вот вас первых встретили. Ладно, отдать им оружие, пусть ведут нас в штаб». Как только солдаты получили своё оружие в руки, отступили метров пять назад и заорали в один голос как резаные, видно, все ещё не вышел из них испуг: «Руки вверх! Иначе перестреляем!» Что делать, пришлось подчиниться.

Солдаты повели нас по дороге, которая была сильно натоптана пешеходами. Прошли метров четыреста, повернули вправо между густыми стволами деревьев, в левой стороне были видны блиндажи и землянки, тщательно замаскированные сверху зелёными ветками. Сердце в груди радостно забилося.

УЖЕ НЕ ЧУЖОЙ, НО ЕЩЁ НЕ СВОЙ

Сегодня 10 сентября 1942 года, для меня это самый радостный день с начала войны! Наконец исполнилась моя мечта, о которой день и ночь я мечтал в течение моего 61 дня плена! Я сумел бежать! И вот я уже шагал по земле, где наши товарищи-бойцы, а в голове мысль одна: теперь опять я стану полноправным солдатом нашей могучей армии, буду бить врага и мстить каждому, кто попадётся на глаза, одетому в обмундирование мышинного цвета. Буду мстить за то, что они издевались над нами в плену, за то, что они расстреливали наших раненых и немощных солдат в пути следования, за то, что они пришли к нам и топчут нашу священную землю, за горе, что принесли с собой. Стремление одно – не щадить их, убивать и убивать! Гнать гадов с земли нашей Родины. Мысли мои оборвал крик старшины: «Стой!» Мы остановились возле большого блиндажа.

А впереди и с обеих сторон стоял густой высокий зелёный лес. В нём были видны небольшие блиндажи и землянки. Хорошо были видны только чернеющие отверстия входа во внутрь, а сверху прекрасно замаскированы зелёными ёлками, стволы их были крепко вкопаны в землю, чтобы не падали. По свежести маскировки трудно сверху заметить, что находится в лесу.

Старшина зашёл в блиндаж, а солдат с автоматом остался сторожить нас. В это время, проходившие мимо нас бойцы расположенного здесь полка, увидев нас, останавливались с широко раскрытыми глазами. С испугом на лице смотрели на нас, а потом спрашивают охранявшего нас солдата: «Где вы их всех таких нашли? Грязных, оборванных и худых, как скелеты». – «А они сами пришли, вернее, перехитрили немцев и бежали из окружения 2-й ударной армии». Из блиндажа вышел вместе со старшиной капитан, подошёл к нам вплотную, обвёл всех своими серыми строгими глазами

и громко спросил: «Кто у вас старший?» Все в один голос ответили: «Цымбал!» – «Хорошо, давай, гражданин Цымбал, выходи». Я вышел из строя и отошёл в сторонку метра на два. «Обыскать», – приказал старшине. Старшина начал ощупывать меня с головы до ног. «Что вы ищете у меня? На мне, кроме этой рваной и грязной, не похожей на форму солдата одежки, набитой вшами, ничего нет». – «Видим, что этим вас немцы снабдили даже сверх нормы».

Капитан повёл меня в блиндаж. Тихонько спустились по ступенькам вниз, и, когда открыли дверь блиндажа и переступили порог, я увидел посередине блиндажа большой стол, на двух углах горели толстые стеариновые свечи, с левой стороны сидел полковник, а по обе стороны от него стояли майор и старший лейтенант. С правой стороны стояла табуретка, на столе лежала сложенная карта. Полковник вежливо предложил мне сесть, показав правой рукой на стул.

Когда я сел напротив него, то полковник как-то странно смотрел на меня в упор, не мигая глазами, как будто пытаюсь угадывать мои мысли и изучая меня перед допросом. Потом медленно заговорил: «Значит, вы старший группы солдат, бежавших из окружения?» – «Да, так точно!» – ответил я. «Расскажите коротко, как вам удалось бежать? И где перешли линию фронта?» Я подробно всё рассказал. «Теперь объясните, где и при каких обстоятельствах попали в плен?» Насколько можно коротко всё объяснил.

Полковник посмотрел на карту и ответил: «Да, такой госпиталь в Мясном бору был. На сегодня хватит». И меня вывели из блиндажа. Когда вышли, то увидел, что два автоматчика провели мимо моих товарищей. Меня отвели в баню, которая была оборудована в большой землянке. Я впервые за 64 дня разделся и помылся в бане, даже берёзовым веником попарил своё измученное, беспредельно исхудавшее тело, фактически кожу и кости. Я был настолько исхудавшим, что мог рукой обхватить ногу между коленом и тазом!

После бани меня одели в немного поношенное, но чистое обмундирование, выдали изрядно поношенные кирзовые сапоги. Тут же в бане постригли и побрили, а потом накормили и увели в небольшую палатку. В ней стояла раскладушка. Было приказано отдыхать. Я упал на эту раскладушку и уснул как убитый.

Поздно ночью меня разбудили и увели на допрос в тот же блиндаж. Посадили за тот же стол. Напротив меня кроме полковника были ещё два военачальника. В эту первую ночь меня допрашивали более трёх часов, требовали рассказать всё подробно с начала и до конца. Где я находился? Что делал? В каком месте строили дороги? Какие поблизости ориентиры – речки, ручейки, просёлочные и железные дороги и т. д. Я рассказывал всё подробно. После допроса увели в палатку, где досыпал оставшуюся часть ночи. Наступивший день я также отдыхал.

На вторую ночь допрос повторился, спрашивали практически то же самое. На третью ночь меня привели в блиндаж в два часа ночи, но уже за столом сидел генерал Гусев и ещё два полковника. Генерала интересовало, в основном, кого я видел в лагерях из командиров нашей части, где мы строили по болоту дорогу и как её укладывали, в каком количестве и какие делали блиндажи. Одновременно он просил показать всё на развёрнутой на столе карте. Я показывал. В первую очередь генерала интересовала обстановка на передовой, где я находился более недели. Где располагались склады боеприпасов? Где находился немецкий штаб? Где противотанковые орудия и т. д. Благодаря моему преднамеренному любопытству и умению ориентироваться на местности и запоминать ориентиры, считая шагами расстояние, я смог показывать на карте всё замеченное вокруг при нахождении в плену.

На четвёртый день после хорошего ужина я спал всю ночь, меня разбудили к завтраку. Кушал не спеша. После завтрака вышел из палатки, закурил и даже не заметил, как подошёл ко мне капитан и тихо говорит: «Пошли, следуй за мной». Мы быстро шли натопанной тропинкой между толстых деревьев, впереди шёл капитан, сзади автоматчик. Прошли не более 100 метров и догнали идущего впереди полковника. По этой извилистой и сильно протоптанной солдатскими сапогами дорожке мы шли всё дальше и дальше, углубляясь в чащу дремучего и густого леса. Дорожка постепенно вела вверх, и я подъём в гору стал преодолевать с большими трудностями, напрягая все имеющиеся во мне силы. Передвигал то одну то другую ногу и двигался вперёд, чтобы не отставать от идущих впереди военачальников, а сам думал: «Где мои товарищи, которых вот ту же четверо суток не вижу, и куда меня ведут, тоже не знаю?»

Очнувшись от мыслей, когда внезапно остановились, полковник и говорит мне: «Вот видишь эту толстую ёлку, вот на неё ты должен подняться вон по той подвешенной верёвочной лестнице» (правда,

перекладины на ней были железными). – «Есть, подняться по лестнице наверх ёлки!» – повторил я. «Тогда пошли, полезу первым я, а ты следуй за мной, капитан будет следить, как ты будешь взлезать». Пришлось ждать, пока полковник поднимется вверх. Я взялся за железные перекладины верёвочной лестницы и полез, перехватывая руками и вставая ногами, моё худое тело сначала поднималось легко, но уже на последних ступеньках лестницы руки обомлели, и я замедлил подъём. В это время полковник достал меня рукой за воротник и помог взобраться на небольшую платформу наблюдательной вышки.

Площадка была размером 1,5 на 1 метр, хорошо замаскирована ветками. Полковник подал мне подозрительную трубу, я стал смотреть в просветы веток, всё казалось рядом, и ничего не мог разобрать. Попросил полковника осмотреть всё своими глазами без трубы. Он разрешил. Я осторожно встал на колени, раздвинул ветки маскировки. Перед моим взором оказалась передовая как на ладони. Всё-всё было видно. Мост через реку Волхов взорван, дальше была видна стена, за которой стояли две противотанковые пушки, куча кирпича разрушенного большого здания, а под этим кирпичом находился в подвальном помещении штаб, столовая и санчасть. Хорошо было видно противоположный берег, только наш лагерь и блиндажи по правой стороне берега не было видно, но я знал расстояние между мостом и нашим лагерем – 800 метров, до блиндажей было 1100 метров, от насыпи до склада боеприпасов 160 метров. Это я всё измерил своими ногами, когда мы носили снаряды – три средних шага считал за 2 метра. Хорошо было видно-то место, где мы прошли передовую линию, и я всё рассказал полковнику, а он записал в блокноте. Когда полковник сказал мне, что всё, можешь слезать, и поблагодарил за мои показания, я стал спускаться вниз, до моего слуха доносилась уже команда полковника всем батареям полка.

Как только я спустился с наблюдательной вышки на землю, ко мне подошёл капитан, а два солдата с автоматами стояли, прислонясь к оголённому стволу высокой ёлки. «Ну, садись, отдохни, гражданин Цымбал», – и показал мне место. Я сел, капитан подал мне папиросу и спички. «Закури», – говорит. А со стороны передовой линии послышались глухие выстрелы. Это били полковые пушки, а там далеко за рекой Волхов, содрогая землю, разрывались снаряды тяжёлых батарей. Минут двадцать длился обстрел, и ещё минут десять полковник находился на вышке. Полковник спустился на землю и тут же послал на вышку капитана, чтобы понаблюдал за передовой линией. Обратился ко мне и говорит: «Молодец за такую точную информацию. Много блиндажей полетело в воздух, я видел в бинокль, как брёвна и доски поднимаются в воздух взрывом снарядов, не грешно и к награде представить». Я знал, что мои показания были точными.

Пришли в расположение полка уже после обеда, мне дали покушать и предложили отдохнуть в той же палатке. Я зашёл в палатку, упал на койку и сразу уснул, но спать долго мне не пришлось. На пятую ночь мне дали отдохнуть всего три часа. Разбудили и приказали шагать по неширокой просёлочной дороге мимо высокого густого леса. Провожали меня три солдата: один шёл впереди и два сзади. Часа через полтора подошли к пути железной дороги, на которой уже ожидала дрезина и её водитель, который при свете луны показался мне пожилым мужчиной.

Меня усадили в середине, а сами расселись по сторонам и тут же погнали дрезину что есть мочи. При лунном свете я замечал с обеих сторон небольшой редковатый лесок. Дрезина, постукивая на стыках рельсов, мчалась на восток. На рассвете, когда на востоке стало чуть-чуть проясняться, мы подкатили к небольшой станции. Мне приказали слезать с дрезины и шагать за идущим впереди конвоем.

Я шёл не спеша, дорога была просёлочная и раскисшая, видно, ночью шёл дождь. На мои сапоги налипала грязь. Впереди показалась улица какого-то села, а когда зашли на эту улицу, то уже хорошо развиднелось и были видны по обе стороны добротные деревянные дома. Крыши на них были в большинстве тесовые, некоторые дома были покрыты шифером. Меня завели в один обширный двор, возле крыльца большого дома остановились. Два солдата остались со мной, а один зашёл в дом, ждать его не пришлось долго, тут же он вышел и приказал заходить мне в дом. В комнате, куда я зашёл, за небольшим столом сидел лейтенант, он получил пакет, вскрыл его неторопливо и поглядел на меня. Вынул из пакета листок бумаги, расписался в нём и подал солдату, который меня привёл, тот козырнул и ушёл. Лейтенант предложил сесть на табуретку посреди комнаты и стал вести допрос, который длился больше часа. Я рассказал ему то, что и раньше рассказывал в штабе полка. Лейтенант закончил допрос, нажал на кнопку, и в комнату вошёл дежурный солдат, ему было приказано увести меня.

Когда я вышел на улицу, уже взошло солнце. Но оно уже было по-осеннему неярким и только слегка пригревало. Мы прошли три дома, а в четвёртый зашли во двор, мне было приказано заходить в дом. Когда я зашёл в комнату, то увидел своих семерых товарищей. Они лежали на полу на светлой соломе. В комнате было тепло и уютно. Они наперебой стали меня спрашивать, где я так долго пробыл. Я рассказал подробно, кто и где вёл допрос, а они мне рассказали про свою семидневную жизнь в той тёплой избе, но под охраной двух солдат. Я в свою очередь рассказал, где я был, что меня допрашивал генерал Гусев и водили меня на вышку наблюдательного пункта, которая сделана на одной большой ёлке, с неё очень хорошо было видно передовую и то место, где находился наш лагерь. Пока мы разговаривали, нам принесли на завтрак суп и жирную пшённую кашу. Мы с удовольствием покушали, запили чаем, и я лёг спать. Уснул быстро, проспал до обеда, пока меня не разбудили пообедать. После обеда дали возможность отдыхать до вечера, а ночью водили на допрос по одному всех семерых моих товарищей, меня не вызывали.

Так мы прожили в этом селе неделю, наши силы понемногу восстанавливались. На седьмой день нас на рассвете разбудили, дали завтрак и торопили быстрее кушать. После завтрака увели на станцию, посадили в жёсткий товарный вагон, в котором уже было более 30 человек, таких же как мы выходцев из окружения. Везли нас поездом сутки и на одной из станций (не знаю названия) высадили из вагона. А одного незнакомого молодого и очень худого солдата вынесли мёртвого, не выдержал бедняга холода. Его унесли, а нас, живых, повели по покрытой гравием хорошо накатанной машинами дороге.

Только после обеда мы свернули вправо и пошли уже по узкой, местами с глубокими, прорезанными скатами машин канавами. Прошли не более километра, как впереди хорошо стало видно большой, обнесённый вокруг колючей проволокой лагерь. Высота ограждения была более трёх метров, по углам сделаны вышки для охраны. Нас, 38 человек, подвели к большим железным воротам и по одному пропустили через контрольно-пропускную будку.

Лагерь был очень большой. Только шесть длинных и широких бараков стояло на этой обнесённой высокой оградой из колючей проволоки поляне. В каждом бараке по обе стороны в два яруса были расположены дощатые нары, для каждого человека положен матрац, набитый сеном. Подушка набита соломой с грязной, почти чёрной наволочкой. Вот на такие нары нас разместили. Мы улеглись и стали отдыхать, а ноги до того ныли и болели, что жутко становилось на душе. Вечером нас позвали в столовую, которая находилась в этой зоне. Здание было длинным, не очень высоким, вмещалось сразу более 150 человек. Ужин был хороший. Борщ из свежей капусты, сваренный на свином мясе, грамм сто попало мяса, и компот по одной кружке грамм четырёхста.

После ужина самостоятельно разошлись каждый по своим баракам и заняли свои места на нарах. Я сразу уснул, сон снился кошмарный. Будто я нахожусь на передовой Волховского фронта. Нам в блиндаж принесли письма из дома. Сколько было радости, да такой, что и невозможно описать на бумаге. Я плакал, читая письмо из дома. Листок, исписанный рукой жены Нади, дрожал в моей руке, и этот листок издавал запах родного дома, далёкой родной сторонки. Я не отрывался от него, медленно читал каждую строчку, каждое написанное слово. А из моих солдатских измученных непрерывными боями глаз капля за каплей текли горячие слёзы. Прочитав письмо, стал думать, что же написать, а меня кто-то стал толкать в бок.

Я проснулся, передо мной стоял дежурный и громко приказал встать и следовать за ним. Я встал, оделся и пошёл за дежурным. Меня привели к одному небольшому дому в этой же зоне. Возле крыльца дежурил солдат, который предложил мне заходить в избу, а сам остался. Когда я открыл дверь, указанную солдатом, и зашёл в помещение, то моему взору предстала комната, в конце её стоял большой стол. Он был покрыт зелёным дорогим сукном, на столе графин с чистой водой и рядом пустой стакан. В центре стола чернильный прибор. За столом в мягком кресле сидел мужчина в форме полковника. Он был среднего роста, уже пожилой. Голова седая, с голым высоким лбом. Глаза ясные и умные.

Полковник предложил мне сесть на стул, стоящий недалеко от стола. Я сел, а в это время солдат вышел из помещения и тихо закрыл за собой входную дверь. Я сидел и смотрел, как полковник переворачивал листы лежащей перед ним на столе папки. Полковник медленно закрыл ладонью один лист, поднял голову и стал изучающе смотреть на меня серыми, чуть прищуренными умными глазами. И тут же сказал мне: «Ну, товарищ Цымбал, рассказывай всё подробно. Где и при каких обстоятельствах смог попасть в руки фашистской нечисти».

Я начал рассказывать всё, не тая даже одного слова. Всё выложил точно, как было на самом деле. Пока рассказывал, мне полковник дважды наливал в стакан воды из графина и подавал, чтобы я промочил пересохшее горло, из-за чего трудно было говорить. А сам всё переворачивал листы, видать, записи моего первого показания на допросе в штабе полка передовой линии фронта, куда мы перебежали 9 сентября 1942 года. Около трёх часов вёл допрос полковник, а в конце сказал: «Я тебя называл товарищем, и с сегодняшнего дня ты считаешься таким же, каким и был до 28 июня 1942 года. Теперь можешь идти в распоряжение сам, без сопровождающих». Я встал, поблагодарил, взял под козырёк, как и положено солдату, развернулся кругом, пристукнул каблуком и строевым шагом пошёл к выходу, а выйдя из избы, направился к своему барaku. По пути встретил товарища Корнева, его вели на допрос к полковнику.

В этом большом лагере я находился всего восемь дней. Направляли на различные работы. Приходилось крошить капусту, подшивать валенки, стирать бельё, два дня работал на кухне – чистил картошку. На этом моё восстановление, как и других бывших в окружении и в плену солдат, после двухмесячных боёв в окружении и двухмесячного плена было завершено. Снисхождения за утрату сил и здоровья никому не было. Война!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

Утром 26 сентября 1942 года в центре лагеря построили почти всех солдат, находившихся в этом лагере. Нас оказалось в лагере очень много. Перед строем, держа в руках длинный лист бумаги, стоял полковник. Начальник лагеря подал команду «смирно!», мы встали навытяжку и не шевелились. Полковник стал вызывать солдат по фамилии, имени и отчеству. Вызываемые выходили из строя и строились в стороне в две шеренги.

Первым был вызван Корнев, вторым вызвал меня, потом наших товарищей. Всего вызвали 68 человек, остальных развели по баракам. Полковник подошёл к нашему строю, вызвал из строя Корнева, передал ему список и приказал ему вести нас в райвоенкомат города Череповца.

Мы вышли из лагеря в 10.00, командиром нашего отряда был мой товарищ, с которым мы плечом к плечу бежали из плена, а рядом со мной шёл Андрей Копылов и остальные бежавшие со мной из плена. Шли не быстрым шагом по пыльной просёлочной дороге. У каждого за спиной болтался зелёного цвета поношенный вещмешок. Мы все были истощённые, худые, и идти по пыльной дороге было тяжело, приходилось напрягать последние силы.

День был ясный и по-осеннему прохладный. Одеты мы были легко, в поношенном обмундировании. Я шёл с непокрытой головой, старую рваную пилотку нёс в правой руке. Меня преследовали переживания и мысли о прошедших двух месяцах плена. Это были самые тяжёлые дни в моей жизни.

На последнем моём допросе, в оставшемся позади лагере, пожилой, с седыми волосами, широким лбом и умными чуть прищуренными глазами полковник мне говорил: «Вы в логове врага действовали смело, но рискованно для жизни. Для этого нужно мужество и преданность своей Родине. Вы сумели перейти линию фронта, вышли из окружения и не с пустыми руками. Вами точно были указаны координаты, где строилась в лесу дорога, где находился замаскированный большой склад боеприпасов, блиндажи, дальноточные орудия и другие боевые точки врага, в глубине захваченной противником территории и на вражеской передовой линии. Вас за это следует представить к награде». Перед тем, как уходить с допроса, я спросил полковника: «Как мне писать домой, где я столько времени был, что не мог писать письма?» Он ответил: «Пиши, что был в тылу врага по заданию командования».

Да, фактически я был в окружении, там же, под Ленинградом работал на передовой у немцев, одновременно вёл разведку и передал ценные для нашего командования сведения. Мои мысли прервал громкий крик командира Корнева: «Стой!» Мы остановились, он, пройдя вдоль строя, сказал: «Вон впереди село, зайдём в него и по шесть человек разместимся в избах. Я попрошу хозяев накормить нас обедом. На обед и отдых отводится два часа. После обеда выходить на улицу и строиться в колонну по два».

Из села вышли в весёлом настроении. Жители накормили всех хорошим обедом. Уже совсем стемнело, когда мы подошли к очередному небольшому селу. Командир снова развёл нас по шесть человек в избы, хозяев попросил, чтобы разместили на ночлег, накормили ужином и завтраком, а солдатам объявил, что сбор будет в 8 часов утра.

Утром, в назначенное капитаном время, собрались все без опозданий, Корнев произвёл перекличку по списку, и мы продолжили движение. Шли быстро в приподнятом настроении. Погода испортилась, облака плыли низко над нами, накрапывал мелкий холодный дождь. В лица нам дул порывистый сырой юго-западный ветер. Уже полдня мы месили дорожную грязь, впереди показалось село. Не доходя до него, свернули с дороги вправо. К этому времени дождь прекратился, из облаков вынырнуло яркое сентябрьское солнце. «Здесь будет привал, будем обедать из продуктов неприкосновенного запаса», – объявил командир. Сухой паёк состоял из колбасы и чёрствого хлеба. Отдыхали два часа.

Вторую половину дня шли медленнее, до конечного пункта, города Череповца, оставалось 16 километров. Солнце уже зашло за горизонт, когда мы вышли на окраину небольшого по виду города. «Ночевать будем на окраине города, а завтра пойдём в райвоенкомат», – объявил Корнев. Стало уже совсем темно, когда мы зашли в небольшую хату из двух комнат. Хозяйка встретила нас нерадостно, но и выгнать не посмела. Её заставили согреть чай, ужинали своими продуктами – колбасой с хлебом и запивали горячим чаем. Спать улеглись на полу, было не очень комфортно, но тихо, тепло и сухо и не рвались снаряды.

Проснулись от сильного стука, хозяйка внесла дрова в избу и бросила их со злости на пол. Плиту разжёл я сам, согрел чай, сварил из пшённного концентрата кашу, её хватило на всех шестерых человек.

Когда мы вышли из дома, все уже были в сборе и ждали команды. Командир построил группу и повёл в военкомат. Когда мы подошли к зданию райвоенкомата, нас встретил майор, который поджидал нас. «Товарищ майор! Группа в количестве 68 человек прибыла в ваше распоряжение, командир группы капитан Корнев», – отапортовал наш командир, стоя навтыжку. «Есть! – ответил майор. – Список и пакет передай мне, а сами с бойцами отдыхайте два часа». Мы разбились на небольшие группы и закурили. Между собой говорили о разном, кто вспоминал дом, жену и детей, кто своих возлюбленных, а мой друг Андрей Копылов рассказывал анекдоты. Их обсуждали и смеялись.

Через два часа нас построили в две шеренги, к нам подошёл майор и с ним три лейтенанта. После доклада нашего командира и команды «вольно!» майор объявил: «Танкистам и шофёрам выйти из строя». Вышло человек 16. К ним подошёл лейтенант и увёл эту группу. Потом майор вызвал артиллеристов, вышло более 25 человек, вышли и мои товарищи – Копылов, Корнев и Петров. Они позвали и меня, но я не пошёл, потому что из пушек не стрелял. Их увели тоже. Оставшихся увёл третий лейтенант.

Шли быстро по просёлочной дороге, слева протекала неширокая тихая речка, местами она расширялась и была похожа на озеро. Справа были поля, пересекаемые лесными полосами. Часа в три дня подошли к селу Грязовец, где перекусили у жителей, отдохнули и на закате пришли в расположение 5-го батальона 3-й роты 32-го полка 3-й танковой армии. Размещались в небольшом лесу в бараках-землянках недалеко от реки, по которой часто проходили небольшие катера и лодки.

На следующий день писарь роты всех переписал, после завтрака начались занятия, на которых изучали оружие и тактику боя. Жили по армейскому распорядку: подъём, зарядка, завтрак. Всё минута в минуту, как и положено по распорядку дня. По ротным сигналам можно было сверять часы. Зычные команды взводных и старшин раскатывались по лугам, на наших спинах мокрели гимнастёрки. В 22.00 все солдаты (кроме дневальных) уже спали крепким сном. От мощного храпа, казалось, шевелились сухие листочки на потолке землянки.

Между землянками взводов тихо шагали часовые, строго охраняя покой спящих солдат на нарах в землянках. Сквозь сон слышу, как дежурный сигналил трубой побудку. Через минуту уже звучит команда: «Выходи на зарядку! Быстрее, быстрее!» Я впопыхах не могу попасть в гачу брюк. Опаздывать не хотелось, пришлось напрягаться, чтобы успеть выбежать и встать в строй. И так каждый день до 20 октября 1942 года.

СНОВА ФРОНТ

Двадцатого октября после завтрака было приказано повзводно подходить к складу и получать оружие и снаряжение для солдат-фронтовиков. После получения оружия нас построили поротно. У всех солдат за плечами были вещевые мешки, сапёрные лопаты, на ремнях через плечо винтовки, подсумки с патронами, у некоторых автоматы и диски для автоматов, к поясам прикреплялись котелки, за голенищем – ложка.

Наш полк подготовили к отправке на фронт. Все роты полка привели и построили на большой поляне, на середине которой стояла невысокая трибуна. Перед солдатами выступил командир полка. Смысл его речи сводился к следующему: противник ещё силен и вероломно стремится к Волге. Наша задача не допустить его дальнейшего продвижения вглубь нашей Родины, разбить его и уничтожить, а оставшиеся недобитые войска противника выгнать за пределы наших рубежей и добить его там, откуда он вероломно напал на нашу священную землю.

После короткого митинга нашу роту увели на разъезд и всех посадили в товарные вагоны. Через несколько минут поезд начал движение, солнце уже погружалось за горизонт, и лучи его тускнели. Паровоз набрал предельную скорость, вагоны покачивались, солдаты стояли у окон и напряжённо смотрели вдаль, на проносящиеся мимо осенние пейзажи. За окнами мелькали столбы, канавы, поля, перелески. Листья с деревьев уже облетели, природа готовилась к долгой зиме, небо было пасмурным, а тучи прижимались к бурой земле. Один из солдат воскликнул: «Смотрите, берёзки! Какие красивые берёзки в степи!»

За окном быстро темнело, солдаты затихли и по одному стали расходиться и укладываться на ночлег на двухэтажных дощатых нарах. Прилёг и я рядом с военным другом Иваном Андреевичем Опариным. Долго лежал и размышлял о жизни, сон меня не брал, я думал о том, что ожидает нас впереди, на какой фронт мы попадём. Измучившись, уснул только к утру. Большой город Вологда остался уже позади. Поезд наш на остановках стоял мало. Двигались быстро, вскоре проехали Ярославль, позади остались города Иваново, Владимир и Рязань.

На третий день наш эшелон подошёл на станцию Острожка. Поступил приказ: двери не открывать, на улицу не выходить до особого указания. Приказ есть приказ, и мы, солдаты, выполняли его беспрекословно. Многие солдаты стояли у окошек и смотрели на сновавших вдоль вагонов людей. Часть солдат сидели на полу вокруг дышавшей жаром буржуйки. Иван Опарин стал рассказывать о первых днях войны. «Ужас, – говорил Иван, – я видел, как горели сёла, как рушились в городах дома, заваливая жителей этих домов. Слышал раздирающие крики женщин, стариков и плач детей». Каждый из нас, кто с первого дня войны с оружием в руках сражался с врагом, может многое рассказать об этом. Из этих рассказов можно было составить поучительную книгу о том, как говорится в песне:

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.

«Ну, родненькие, – сказал самый старший по годам из нашей группы, сидевших на полу солдат, – давайте лучше споём нашу солдатскую». И запел. Сам он был из Рязанщины, голос у него хороший, мягкий баритон:

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина,
Никогда не унывай...

Мы пели все, но нашу песню оборвал сильный стук в дверь вагона, а когда открыли её, услышали команду: «Взять вещи, оружие, выходить и строиться вдоль вагонов в две шеренги».

Когда вышли и построились, уже наступила ночь. В строю я встал рядом с Иваном Опариным. Хотели закурить, услышали строгий приказ: «Не курить, спичек не зажигать!» Через несколько минут со станции стали уходить рота за ротой. Очередь подошла и к нашей роте. Командир роты прошёл вдоль строя и негромко приказал: «В строю при движении громко не разговаривать, не курить, спичек не зажигать и не отставать». Вначале двигались медленно. Прошли вдоль вагонов, вышли на улицу какого-то посёлка. Окна в домах были тщательно завешаны, света нигде видно не было. Только по обе стороны улицы слышался лай собак.

Село прошли быстро, последняя улица осталась позади. Всю ночь шли по просёлочной дороге и только на рассвете пришли в большое село, в котором нас разместили в избах по 6–8 человек на одной улице. От быстрого марша и плохой дороги ноги сильно болели и чувствовалась сильная уста-

лость во всём теле. Но сразу стали готовить завтрак, так как всю ночь шли при полном снаряжении, ни минуты не отдыхали и никакой пищи не принимали. Сухой паёк был у каждого, поэтому завтрак приготовили быстро, покушали и сразу прямо на полу улеглись отдыхать. Отдыхали мы после напряжённого марш-броска, с перерывом на ужин, до следующего утра.

Я проснулся уже на рассвете, услышав тихие шаги. По комнате двигалось как будто привидение в длинной белой ночной рубаше. Я не сразу узнал хозяйку дома, она тихо переступала через спящих солдат, подошла к окну, посмотрела в него, потом развернулась и так же тихо, переступив через нас, ушла в свою комнату.

Утром поднимались медленно, разрешили поспать до восхода солнца. После завтрака вся рота вышла на улицу. Построение было недолгим. Командир роты назначил тактические занятия, они продолжались и после обеда до темноты. Размещались мы в этом селе, которое, по словам жителей, находилось недалеко от Воронежа, больше недели. И все эти дни ходили на тактические занятия.

В начале декабря 1942 года, в один из ясных морозных дней, на построении после завтрака командир роты объявил, что в 12.00 пойдём в баню, а до этого нужно заняться приведением в порядок обмундирования. К 15.00 мы уже помылись, надели новое бельё, поверх натянули ещё тёплое бельё и прожаренную в камерах верхнюю одежду. Отдыхали до наступления темноты. После ужина было объявлено, что этой ночью мы уходим из этого села.

Около полуночи рота построилась напротив дома, где мы размещались, и мы начали движение. На улице оказались все жители села, они стояли по обочинам дороги, а некоторые провожали нас до самой околицы села. Некоторые провожавшие нас женщины и старики украдкой плакали. Кто-то из строя крикнул: «Не нужно плакать, дорогие женщины! Спасибо вам за то, что приютили нас, за вашу заботу, за всё...»

Рота двигалась медленно. Я с Опариным шагали замыкающими, и до наших ушей доносились возгласы женщин: «Бейте фашистов насмерть до полной победы! Возвращайтесь живыми!»

Село осталось позади! «Прощайте, сельчане, обогревшие нас!» – крикнул, оглядываясь назад и махая рукой один из идущих впереди солдат. Когда мы, наконец, выбрались из узкой просёлочной дороги на широкое шоссе, идти стало легче. Подувал холодный северный ветер, мороз пощипывал нос и щёки, но солдатский груз и быстрый шаг нас согревали.

По широкой накатанной дороге шагали быстро, курить и зажигать спички по-прежнему категорически запрещалось. К рассвету подошли к какой-то небольшой железнодорожной станции. На станции нас уже поджидал состав товарного поезда. Нас с ходу разместили по 38 человек в каждый вагон. Когда за нами закрыли двери, то можно было увидеть, что это такие же вагоны, в которых перевозили солдат. Посередине стояла железная буржуйка, которая уже была растоплена и обогревала вагон. По обе стороны стояли нары в два яруса из неструганных досок.

Поезд отошёл от безлюдного перрона, когда на улице было уже светло. Я с Опариным расположился на верхних нарах, возле небольшого окошечка. Мне хорошо было видно восходящее золотисто-красное солнце. Подо мной на нижних нарах, повернувшись спиной к стене, сидел солдат, уже бывалый фронтовик. Под стук колёс он подпевал другим солдатам, затянувшим удалую русскую песню «Катюша». Часа через полтора-два солдаты начали обедать. Чай на буржуйке уже вскипел. Мы тоже развязали вещмешки, стали доставать солдатский фронтовой сухой паёк – консервы, колбасу, сало, сухари и сахар. Сытно пообедали и улеглись спать. Нас разбудили, когда поезд приближался к станции Лиски. По вагонам была передана команда: поужинать как можно плотнее и ждать команду на выход. Мы стали по очереди жевать сало с сухарями и пить сладкий чай. Завершив ужин, начали закуривать, однако по вагонам передана команда: на выход с оружием и вещами, построиться по ротно, курить запрещено!

Солдаты быстро выскакивали из вагонов и становились в строй вдоль вагонов. В тёмном небе скрепились лучи прожекторов и вспыхивали разрывы зенитных снарядов. Было понятно, что передовая близко и наша рота скоро вступит в смертельную схватку с фашистами. Мы прошли мимо состава, перешли железнодорожное полотно и вошли в большое село. Село было пустынным, жителей не было, здания были разрушены снарядами. Мы шли по улице, обходя завалы, и быстро продвигались вперёд. По цепи передали команду: громко не разговаривать и не курить.

Разрушенное село осталось позади, вышли на просёлочную дорогу. Было пасмурно и темно. Шагали средним темпом. Мы, солдаты, выполняли свой долг перед Родиной и народом в чрезвычайно

тяжёлых условиях, когда каждое мгновение нашей жизни может стать последним, ведь наша часть двигалась вдоль передовой линии вниз по течению реки Дон. Дорога стала мягкой, сыпал мелкий снег, под намокшие шинели забирался колючий холодный ветер. К валенкам налипали пудовые комья влажного снега.

По условиям боевой обстановки переходы частей могли производиться только ночью, поэтому наш полк, при полной боевой выкладке, передвигался к назначенному месту только по ночам, пехота шла пешком. На рассвете заходили в село или хутор, размещались в избах и сразу валились с ног, ложились, кто где успеет, и засыпали как убитые. Спали часов до 15.00, затем подъём, обед, чистка оружия и сборы к маршу. На вторую ночь перехода после полуночи снег идти перестал. Подул северный ветер, который начал разгонять тяжёлые снеговые тучи. Показалось тёмно-голубое небо, и засверкали яркие звёзды. Командиры нас поторапливали, потому что до очередного населённого пункта было ещё далеко, а на востоке небо уже начинало светлеть.

Солдаты напрягали все силы, шли быстро без отдыха. Снег солдаты так размесили ногами, что казалось, под ногами не снег, а белый песок, по которому было идти очень тяжело. С большими потугами вошли в село, когда стало по-настоящему светло.

Это село также оказалось без жителей, население было эвакуировано, значит, передовая близко, думал я. Наша рота разместилась в избах по 10 человек на одной улице. Было приказано днём из изб не выходить, печи не разжигать. Я с Опариным и ещё восемь солдат зашли в холодную, но просторную избу, в которой на кроватях была кое-какая постель. Мы её расстелили на полу и улеглись, прижавшись друг к другу, накрылись одеялами и так проспали до вечера.

Нас разбудил командир взвода, сказав, чтобы направили двух солдат за горячим ужином. Пока товарищи ходили за ужином, мы растопили печь, сухие дрова быстро дали тепло, изба нагревалась. После ужина стали писать письма домой, адрес нашей части нам дал командир взвода. Он же раздал по два листа бумаги и два химических карандаша. Нас предупредили, что за письмами прибудет связной из штаба батальона через три часа и унесёт письма.

Я тоже получил лист бумаги, карандаш, уселся у стола и начал писать письмо домой. В нём написал: «Здравствуйте, дорогие мои жена Надя, мама и сынишка Коля. Так давно я не получал от вас писем, здоровы ли? Как живёте? Получите это письмо с новым адресом полевой почты, напишите мне хоть несколько строк, это будет большой радостью для меня. Я долго не писал вам письма. Была тяжёлая обстановка, тяжёлые бои под Ленинградом. Наша часть была полностью окружена, но мы сумели выйти из окружения, однако многим солдатам это стоило жизни. Я отделался небольшой контузией, после которой поправился и сейчас нахожусь уже на Юго-западном фронте в Третьей танковой армии. Может, слышали сообщения Информбюро, а если не слышали, то ещё услышите о ней». В конце письма написал: «Ведём беспощадные бои с врагом. Обещаю после победы, а мы её обязательно завоюем, вернуться домой, и тогда уже мы будем неразлучны». Письма у нас забрали точно в назначенное время.

В этом селе Горохово мы находились несколько дней. Днём никуда не выходили, только по ночам обогревались и могли покушать горячую пищу. Недалеко от нашего села бушевала война, её зарево было хорошо видно в ночное время. Во время ужина комвзвода нас предупредил, что с наступлением темноты быть готовыми к походу, оружие должно быть почищено и заряжено.

Команда к выходу поступила около 22.00 часов. Построились на улице без шума и так же тихо начали движение. Через несколько сот метров мы ступили на лёд реки Дон. На льду было много воронок от снарядов, двигались осторожно, чтобы не попасть в полынью. На рассвете мы прибыли на станцию Журавка Кантемировского района. На этой станции мы находились двое суток. 31 декабря 1942 года мы в ночь вышли из станции Журавка и на Новый год на рассвете пришли в село Пасюковка вплотную к передовой линии. В селе жителей также не было, они ранее были эвакуированы в тыл. Село располагалось в низине вдоль небольшого ключа, а за селом, на увале в нескольких сотнях метров проходила передовая, где были вырыты траншеи и окопы, а от них был вырыт ход сообщения прямо к селу.

Ход сообщения был сделан так, что противник его видеть не мог. Войсковая часть, которая находилась на передовой, ночью ушла в тыл, наша часть заняла их место обороны на передовой линии. В первую ночь мне пришлось занять место с солдатами нашей роты в окопах и траншеях. Впереди громыхла артиллерия противника, а справа вспыхивали ракеты. В тёмном январском небе багро-

во светилось зарево войны. Перестрелка на передовой в эту морозную ночь была редкой, но часто вспыхивали осветительные ракеты. Я всматривался вперёд и стрелял в сторону окопов противника. Над нашими головами также свистели пули.

В окопах находились по два часа ночью и по три часа днём. Греться уходили в село, нас заменяли другие. При морозе в 20 градусов в окопе долго просидеть невозможно. Особенно часто жестокие перестрелки завязывались днём. Не проходило и дня, чтобы не было убитых или раненых.

Незадолго до наступления нам принесли письма, в это время я находился в селе. Только вылез из щели, которая находилась на огороде, там же был сделан блиндаж. В блиндаже мы часто прятались при артобстреле. Командир взвода раздавал письма. И мне он подал долгожданное письмо из дома. Развернул письмо, а там оказалась небольшая фотография. На ней были жена Надя и сынишка Коля. Несколько раз перечитал письмо, потом прижал фотографию к груди. Она будто согрела меня, согрела мою душу! Потом долго разглядывал её, пока не показались на глазах слёзы. Я сложил письмо и фото вдвое и положил в левый нагрудный карман зелёной солдатской гимнастёрки. Застегнул, пощупал правой рукой, чтобы окончательно убедиться, что карточка лежит в кармане, и говорю товарищам: «Это фото будет мне талисманом, который будет защищать меня крепче брони от вражеских пуль и осколков. А я ещё с большей ожесточённостью буду уничтожать фашистов, чтобы быстрее выгнать их с нашей священной земли».

Полмесяца я находился на передовой под огнём противника, и почти по шесть часов каждые сутки на морозе в окопах. Вечером 13 января 1943 года нам объявили, что завтра на рассвете наша часть пойдёт в наступление. Но мы и без этого догадывались, потому что, как только стемнело, в село прибыли уже известные нам «катюши», их замаскировали во дворах. А «катюши» вплотную к передовой зря подходить не будут.

В эту ночь мало кто ложился спать. Мне нужно было скоро выходить на вахту в окопы. Я прилёг, немного подремал, но крепко уснуть не мог. Оделся, присел возле столика, где солдаты писали письма или читали ранее полученные. Я тоже уселся возле коптилки, которая еле-еле блестела красноватым огоньком. Вытащил из нагрудного кармана письмо и фото, перечитал письмо, потом долго смотрел на жену и сынишку Колю. С фотографии смотрели на меня родные сердцу глаза, они как живые. Держу в руке фото, а сам затянул фронтовую песню:

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Меня толкнул в бок товарищ и тихонько сказал: «Вставай, пошли на передовую, в окопы, а завтра...» Стали собираться, из нашего санитарного взвода на вахту уходили шесть санитаров. И в эту ночь с 13 на 14 января 1943 года мне выпала очередь находиться в окопах на передовой. Два раза приходили в село обогреться, а в третий раз ушли уже на рассвете.

Прибыли в окопы, заняли места ушедших товарищей и стали наблюдать за передней линией обороны противника. Противник стрелял короткими очередями. Мы тоже начали посылать в ответ свои свинцовые пули, а сами ждём, уже минуты остаются до наступления. Они самые напряжённые, эти последние минуты перед решающим боем.

На востоке стали блекнуть звёзды и исчезать, уступая рассвету. И вот заговорил бог войны! Воздух разорвали залпы тяжёлой артиллерии, от этой жуткой музыки закололо в ушах. В расположении противника, казалось, сама земля вздыбилась и смешалась с небом! Снаряды рвались очень густо. Передний край обороны противника заволокло дымом, пронизанным багровыми всплесками взрывов. В завершение артподготовки наши «катюши» троекратным залпом сыграли для вражеских солдат похоронный марш.

Не успели затихнуть взрывы мин гвардейских миномётов, как послышался всё усиливающийся гул моторов. Мимо наших траншей и окопов, вздымая гусеницами снег, на большой скорости помчались наши танки, в небе показались наши самолёты-штурмовики. Авиация, танки, а следом и пехота взломали оборону противника. Мы вместе с другими нашими частями устремились в прорыв. Кое-где, во втором эшелоне, противник, оправившись от удара нашей артиллерии, начал вести огонь из орудий

по нашей передовой. Справа и слева от окопов всё чаще появлялись облачка разрывов, сливающихся в грохоте артиллерийской канонады.

Внезапно артиллерия прекратила обстрел второго эшелона противника. Танки, стреляя на ходу, продвигались вперёд, уничтожая неприятельские точки сопротивления. Мы достигли первых рубежей противника. Вокруг всё выглядело ужасно. Вся передовая была изрыта чёрными круглыми воронками, местами были завалены окопы, у брустверов валялись трупы врагов. По полю сражения сновали наши санитары с носилками. Они уносили раненых к окопам. К счастью, раненых оказалось мало. Мы быстро укладывали их в волокуши и увозили в безопасное место, а дальше их отправляли в медсанбат. Вражеским раненым солдатам, а они почти все были итальянцами, по указанию командования, также оказывали первую помощь, перевязывали и эвакуировали в тыл.

Наши танки уже продвинулись вперёд более чем на 8 километров и с ходу заняли находящееся на пути село. Полку было приказано следовать за танками и уничтожать оставшиеся части противника. Тех, кто сопротивлялся, окружали и предлагали сдаться в плен. Многие бросали оружие и с поднятыми руками сдавались. Их обыскивали, собирали в большие группы и уводили в тыл.

За первый день наступления наша часть одолела большое расстояние, а танки подошли вплотную к городу Россошь. Наш санитарный взвод и рота автоматчиков разместились в селе недалеко от города. Как только заняли избы, первым делом стали готовить постель. Наносили соломы, расстелили её в двух комнатах. Старшина Опарин приказал мне взять ведра и сходить за ужином на 10 человек. Кухня находилась в конце села в небольшом садике. Когда я подошёл и встал в очередь, впереди меня было человек пять. Походная кухня располагалась вблизи места, где изредка рвались вражеские снаряды. Все осматривались с опаской вокруг, а повар не спеша помешивал суп в котле. Когда очередной взрыв произошёл совсем близко, кто-то выругался: «Чёрт! Прямо под ноги бросает». – «Знает, куда в это время стрелять надо», – спокойно сказал повар. «Ты наливай быстрее!» – крикнул я на него. «Не торопись, успеешь!» – «Как сказать, можно и не успеть. А натошак умирать не хотелось бы!»

Получил и принёс ужин благополучно. В одном ведре суп, а в другом кашу. Мы покушали быстро и, не теряя времени, легли спать. Комнату тускло освещала керосиновая лампа без стекла. Хозяйка дома в накинутом на плечи стареньком осеннем пальто, из-под которого выглядывала длинная холщовая белая рубаша, качала на руках плачущего ребёнка. Кто-то похрапывал на печке. В тепле меня разморило и клонило ко сну. И впервые за полтора года плач ребёнка показался мне таким мирным и желанным. Он не раздражал меня, а, наоборот, убаюкивал, гасил тревогу, хотя рядом гроыхала война. Голова моя прижалась к вешмешку, который заменял подушку, и я уснул крепким сном.

На рассвете нас разбудили сильные залпы нашей артиллерии. От выстрелов зазвенели в окнах стёкла, покачнулся весь дом. «Так можно и войну проспять», – ворчал старшина Опарин, направляясь к двери. Я скачком быстро, как по тревоге, оделся, закинул за плечо вешмешок, взял винтовку и поспешил за ним. На улице уже весь санитарный взвод был в сборе, был дан приказ всем военным фельдшерам, всему взводу быстро достичь передовой линии, занять места в окопах и приготовиться к перевязке раненых и эвакуации их в санбат. За короткое время мы дошли, а последние метры доползли по снегу и заняли места в окопах.

Артиллерийская канонада разразилась в полную её силу. В этот страшный по силе грохот влились, как капля в море, и наши выстрелы из винтовок и автоматов, мы стреляли не то от страха, не то от напряжения, а скорее всего, для смелости. Как только закончилась артподготовка, сразу танки устремились к городу и с ходу ворвались в него, враг не выдержал нашего сильного огня артиллерии, дрогнул и стал поспешно отступать. Наши танки, не теряя времени, стали его преследовать, где враг сопротивлялся – его уничтожали и быстро двигались вперёд, к городу Валуйки. В небе господствовали наши истребители и бомбардировщики. Пехота двигалась следом за танками.

После взятия города Россошь наш полк получил приказ двигаться в сторону станции Алексеевка и очищать сёла от оккупантов, которые остались в котле Остроногожино – Россошанский. А в это время наши танки 3-й танковой армии уже достигли станции Валуйки и прочно замкнули кольцо, отрезали все пути отхода противнику.

Вышли из города. Справа, недалеко от нас, гроыхал бой, там наши на станции Подгорная вели схватку с оставшимися вражескими солдатами. Мы повернули влево и стали двигаться ложиной. По ложине дорога была просёлочная, накатанная санями. Впереди разведка, а по обе стороны увала двигались дозорные. Прошли не более 4–6 километров, как вдруг левый дозор дал сигнал: движение

приостановить, прибыл связной и доложил: впереди слева по глубокой ложине двигается большая группа противника, она двигается в нашу сторону, наверное, пытается выйти из котла. Полковник по цепи передал приказ: взводу автоматчиков и санвзводу с собой прихватить два станковых пулемёта. Скрытно выдвинуться на левый увал, окопаться в снегу и приготовиться к бою. Миномётному расчёту привести в боеготовность полковые минометы. Все быстро и незаметно приготовились к бою и ждали условный сигнал. Впереди меня лежал в снегу Марочкин, который первый увидел оккупантов, они медленно двигались по оврагу к нашей дороге, но из-за удлинённого в нашу сторону увала немцы нас не видели.

Я подполз к нему и стал смотреть на закутанных по самые уши завоевателей, а в это время подул пронзительный, холодный ветер, с севера двигалась снежная позёмка. И вдруг в воздухе вспыхнула красная ракета. Почти одновременно ударили миномёты, пулемёты, винтовки и автоматы. Враги заметались, многие повалились в снег, но рук не поднимали, стали убегать обратно, но мало кому удалось скрыться. С нашей стороны потерь не было.

По цепи было передано: всем с увала спуститься на дорогу. Не успели мы хорошо отряхнуть шинели от прилипшего снега, как передние уже двинулись дальше. Дорога повернула вправо, с левой стороны были две, чуть повыше остальных, сопки, на их вершину взобрался наш левый дозор. Передовая разведка сообщила, что впереди село Ясная Поляна и оно занято неприятелем. Через небольшой промежуток времени завязался жестокий бой. С ходу, в лоб взять село не удалось. Тогда нашему санвзводу, совместно со взводом автоматчиков, была поставлена задача: обойти незаметно село с юга на северо-запад. Начали движение по неглубокой ложине, где, пригнувшись, а местами ползком по снегу мы пробирались так, чтобы враг нас не обнаружил. Дул холодный северный ветер, местами поднималась позёмка, холодный некрупный снег забивал глаза, попадал за воротник и таял. Но мы упорно ползли вперёд. Солнце клонилось к горизонту, ветер усиливался, он как будто помогал нам в маскировке. Село обошли благополучно, командир передал по цепи приказ: приготовиться к атаке.

Через некоторое время в небо взлетели одна за другой две красные ракеты, и тут же мы открыли огонь из автоматов и винтовок, броском ворвались в село. Удар с двух сторон решил дело, враг прекратил сопротивление. Многие бежали из села, а часть сдались в плен. Совсем стало темно, когда закончили полностью очистку села от неприятеля. Меня и ещё шесть санитаров старшина направил в школу, где находились раненые. Мы стали помогать военврачу делать перевязки. Тяжелораненых срочно погрузили в санитарную машину и отправили в санбат. На следующий день утром остальных раненых отправили в санбат, а убитых похоронили в одной братской могиле.

Наш полк стал продвигаться дальше по направлению хутора Подгорное. Впереди разведка, по обе стороны боковые охранения на лыжах и в белых масках двигались медленно: день был ясный и морозный, к обеду подошли к посёлку, разведка доложила, что в селе вражеских солдат нет. Они ночевали, а утром ушли, оставив в селе много подпаленных изб, а также подожгли два помещения, где были их склады, боеприпасы увезли, а помещения, когда мы пришли в село, уже догорали.

Наши солдаты окружили догоравшие брёвна и стали греть руки, но командир дал приказ немедленно уйти от догоравшего склада, все ушли, разместились по избам и начали готовить обед. Мы, шесть человек, заняли избу через улицу напротив горевшего склада, уже на скорую руку приготовили обед и поставили на стол, как содрогнулась от сильных взрывов изба и полопались в окнах стёкла. Мы попадали на пол и стали прислушиваться, ожидая ещё взрывы, подумали, что бьют по селу вражеские дальнобойные пушки. Но больше взрывов не последовало. К нам прибежал солдат, вид у него был ужасно перепуганный, он закричал: «Наших убило возле склада миной, идём делать перевязки». Мы захватили санитарные сумки и быстро побежали к складу, где уже были наши солдаты. Оказалось, что шестеро не послушали командира и остались греться. Оставленная мина под складом, которую, немцы, видимо, при отступлении оставили специально, накалилась и взорвалась, убив наших солдат — двух казахов, трёх узбеков и одного русского. После обеда наша часть двинулась дальше, а жителям приказали похоронить убитых.

Уже солнце скрылось за горизонтом, когда подошли мы к небольшой колхозной заимке, в которой разместился штаб полка. Командир полка вызвал нашего командира санвзвода. Через небольшое время он вернулся к нам и объяснил: впереди нас хутор Подгорное, разведка точно установила, что там расположились оккупанты на ночлег, режут коров и варят ужин, а жителей всех из хат выгнали в погреба и подвалы.

Нашему взводу приказано обойти село слева, на окраине села уничтожить часовых и приготовиться к штурму села. Мы подошли незаметно к хутору и расположились в тальнике. Командир санвзвода послал меня, Вареницына и Огурцова на край улицы. Мы огородами, по-над плетнями вплотную подползли к крайним избам. Дула позёмка, мороз крепчал, щипало нос и зябли руки, несмотря на то что у нас на руках были новые меховые рукавицы. Мы притаились возле стены сарая и стали слушать. Вареницын увидел часового первым, который медленно шагал на край улицы, шея у него была замотана до самой макушки. Мои товарищи ползком (они были в белых халатах) поползли к дороге и залегли в снегу. Когда часовой шагал в обратном направлении и миновал их, Вареницын подкрался сзади и оглушил его прикладом винтовки, а Огурцов сунул ему в рот кляп. Они приволокли его, добились, сняли шинель и головной убор, один натянул шинель, шею замотал байковым одеялом и быстро пошёл, заняв место часового, а я пополз доложить командиру, что часового сняли. Когда я доложил командиру, мне было приказано немедленно ползти к товарищам и зорко следить, чтобы ещё не появился на улице неприятельский часовой. Время наступления назначили на час ночи, сигнал к наступлению – одна красная ракета. Я, где пригнувшись, бежал вдоль огородных плетней, а где и ползком добирался к своим товарищам. Вареницын, зарывшись в снег, сидел недалеко от угла сараюшки. А Огурцов, точно как фриц, упирая автомат в живот, ходил на конце улицы. Время было 12 часов ночи. Я с Вареницыным прижались плотнее к стенке у самой земли и ждали сигнала.

Ровно в час ночи взвилась высоко в небо красная ракета, она описала полукруг и стала падать на землю. В это время со всех концов хутора тишину улиц нарушили взрывы гранат, стрельба из винтовок, автоматов, а местами из пистолетов. Из окон и дверей выскакивали ошеломлённые внезапной атакой итальянцы. Кто пробовал отстреливаться – был сражён пулями, кто поднимал руки – брали в плен. Я и мои два товарища ворвались в первый двор, двое обеспечили охрану дверей и окон, а я побежал к подвалу, он находился посреди двора. Когда спустился по ступенькам к двери, то в нём заметил огонёк, ногой толкнул дверь и шагнул внутрь, там была семья, выгнанная из хаты. Я опросил их, они сказали, что трое в избе, а один ходит как часовой по улице, но мне было ясно, что осталось в живых трое в избе. Я приказал из подвала не выходить. Сам вышел во двор и сообщил ребятам, Вареницын бросил гранату в окошко кухни, раздался взрыв. После взрыва мы стали стрелять в окно и крикнули, чтобы сдавались. Послышался крик: «Гитлер капут, не стреляй!» Через несколько минут из избы вышли двое с поднятыми руками. Мы их обыскали, потом направили на улицу, а третий был убит гранатой. На улице уже много было пленных, их уводили из села на увал, на свежий морозный ветер. Ночь была лунная, и всё хорошо видно. Мы ещё очистили два дома, но дальше уже дома были очищены. Оказывается, наш взвод и ещё две роты окружили село и сразу со всех концов стали колошматить фрицев-итальянцев. К утру хутор Подгорный был очищен полностью от противника.

Пошли в избу, обогрелись и хотели перекусить, как к нам вбегает в хату старик и говорит: «В сарае видел немца». Мы быстро бросили еду, окружили сарай и предложили выходить и сдаться. Тут же показался у двери сарая с поднятыми руками итальянец, весь в сене, а их всего было 12 человек, и они прятались в сене. Мы их увели и сдали конвоирам, которые ещё вели по улице колонну пленных. Пошли в избу доедать наш завтрак, не успели сложить продукты в вещевые мешки, как прибежал связной от командира взвода и передал нам (а нас в избе было восемь санитаров) быстро явиться к полковнику. Он находился за хутором, возле большой колонны пленных. Мы быстро побежали за село на увал, пока бежали, просто пропотели. Старшина нашего взвода доложил полковнику, что мы по приказу прибыли. Полковник нам разъяснил, что мы должны участвовать в обыске пленных и строго приказал: «У пленных немцев нельзя брать продукты, а также часы, кольца, медали, небольшие иконки, которые были почти в каждого итальянца. Изымать нужно все письма, конверты, оружие, как огнестрельное, так и холодное, все авторучки, карандаши и даже мундштуки и трубки». После инструктажа, нас было 12 человек, мы приступили к обыску.

Колонна пленных была выстроена в две шеренги, они, бедняги, перемёрзли. И чтобы окончательно не околеть, просто по-цыгански плясали. Обыск начали, обыскали быстро, всё, что было приказано, отбирали и сбрасывали в мешки. По окончании обыска мешки сдали кому приказано, а сами пошли в расположение своего командира взвода.

Колонну, более 300 человек, увели в город Россошь. Наш санитарный взвод занимался в это время перевязкой раненых наших солдат, а также пленных. Их сносили в большие просторные избы.

Мы тоже приступили к перевязке раненых. Когда закончили, а это было уже 11 часов дня, командир санитарного взвода вызвал к себе старшину Опарина и меня и приказал остаться на хуторе, хорошо обработать раны у наших солдат и у пленных, всех эвакуировать в полевой госпиталь города Россошь, срок – два дня. Выдал наши документы, где было указано, что после окончания работы с ранеными следовать в свой полк, направление – райцентр Купянск.

После обеда хутор опустел, наша часть ушла дальше в сторону села Ольховатки и города Валуйки. После обеда я с Опариним принялись за работу. Организовали три повозки саней, собрали трофейные одеяла, извозчиками были женщины и старики – жители хутора. На сани укладывали солому, поверх одеяла укладывали по два, а то и по три раненых, укрывали тёплыми одеялами и отправляли в Россошь. Сначала отправили всех своих, а потом и пленных раненых. Последний рейс с ранеными я и Опарин проводжали лично. В городе в полевом госпитале мы получили и взяли с собой документы о том, сколько мы сдали раненых.

Управились с делами и поехали догонять свою часть. Доехали до станции Алексеевка, вот тут-то и открылась страшная картина: окрестности Алексеевки были усеяны изуродованной брошенной вражеской техникой, а трупов столько, что не было возможности проехать. Ехали по обочине дороги. От станции Алексеевка мы поехали в сторону села Самарино. Проехали не более километра, как встретили двое больших саней, в них запряжено по паре больших быков. На санях поперёк были наложены пять рядов, один на другом, мёрзлых трупов вражеских солдат. Сверху уложена осиновая жердь и туго привязана верёвкой. Мы остановились и спросили: «Куда везёте этих завоевателей?» Старик ответил, что везёт их в танковый ров, туда их сваливают и закапывают землёй. Я вслух добавил: «Славно поработали наши русские богатыри!» Ещё километра три не могли проехать по дороге, она была забита изуродованной вражеской техникой: много было машин, тягачей, бронемашин и разного калибра орудий. Ночевали в небольшом селе Пушкино, недалеко от города Валуйки.

На четвёртый день мы нагнали свою часть в райцентре Купянск, ночевали в селе Фёдоровка. Дальше продвигались быстро до города Чугуева, где враг подбросил свежие силы и стал сопротивляться. Наши войска заняли оборону и подтянули военную технику. Наша часть находилась в большом селе Печенеги, около 20 километров от Чугуева.

В одну зимнюю тёмную ночь мы подошли вплотную к передовой, где нам сообщили, что на рассвете начнётся наступление на город. Нам приказали выдвинуться в траншеи и при наступлении вести перевязку всех раненых и уносить их в безопасное место. Ждём последние минуты до начала наступления, эти минуты самые напряжённые перед боем.

И вот загрохотал «бог войны». Воздух рванули залпы тяжёлой артиллерии. От сильной стрельбы кололо в ушах. На линии обороны противника казалось, что земля, смешанная со снегом, поднималась в небо. Снаряды рвались густо. В небе показались наши самолёты: бомбардировщики и штурмовики. Следом двинулись танки, они стреляли прицельным огнём по огневым точкам противника. Впереди бушуют взрывы, это наша авиация обстреливает второй эшелон противника. Пошла в наступление и пехота. Придерживая карабин и санитарную сумку, пополз и я делать перевязку раненым. Враг ещё долго огрызался, но в конце концов дрогнул, и наши войска ворвались в город.

Начались уличные бои. Освободили райцентр Чугуев. Наши танки устремились к городу Харьков. По широкой шоссейной дороге двигались быстро, но возле города враг стал жестоко обороняться. Завязался бой. Наш санитарный взвод на один день задержался в Чугуеве, заканчивали обработку ран и отправку раненых в санитарный батальон. Ночёвку проводили в селе Хомутовка, недалеко от райцентра.

В Харьков мы прибыли 16 февраля после обеда. Подъехали к Харьковскому тракторному заводу, он уже был освобождён от гитлеровцев. Здесь получили приказ двигаться с ротой автоматчиков. Мы прошли завод «Серп и молот», он был объят пожаром. Дошли до площади Дзержинского. Здесь я залёг за памятником Т. Шевченко, вёл прицельный огонь по отступающим солдатам противника. Они подожгли здание Дома советов, оно было окутано огнём и дымом. Мы вместе с солдатами роты перебежками от дома к дому двигались по улице вниз, которая была выложена круглым булыжником. Враг ещё много поджёг впереди нас домов. Мы торопились, чтобы освободить Южный вокзал, но не успели – вокзал взлетел на воздух. Мост Георгиевского шоссе, перекинутый через железнодорожные пути, наши солдаты успели спасти от взрыва – он остался целым.

18 февраля на улице Георгиевское шоссе меня ранило осколком, но легко. Перевязку я себе сделал сам. Меня отправили в санитарный батальон, где обработали рану, сделали укол против столбняка и отправили в полёвой госпиталь № 2953.

На пятый день наш госпиталь перебазировался в город Мерефа, начальник госпиталя тов. Шеферсон назначил меня санитаром-носильщиком. Там я встретил своего товарища Ивана Андреевича Опарина, он тоже был легко ранен, так же как и я. Сколько было радости, я с ним расстался, когда прибыли в село Печенеги.

Госпиталь размещался сразу в нескольких зданиях, расположенных недалеко от железнодорожного вокзала. Одновременно готовили под госпиталь двухэтажное здание школы, устанавливали в классах койки, превращали их в палаты для раненых.

Однажды утром мы завтракали, сидели за столом я, Опарин и Марочкин. Вдруг в утреннем небе послышался гул моторов, мы повыскакивали из избы, стали смотреть в ту сторону, где усиливался гул. Вскоре показались вражеские бомбардировщики с чёрными крестами на фюзеляже. Они стали разворачиваться над селом. Три самолёта стали снижаться правой нашей улицы и начали пикировать, а два других направились прямо по нашей улице. Наши санитары сразу спрятались в подвале, но я с товарищами остался наблюдать за самолётами. Они стали сбрасывать смертоносный груз. В это время подоспела зенитная установка спаренных пулемётов, за ней появилась ещё одна. Зенитные установки подбили два вражеских самолёта. Сзади их повалил чёрный дым, а затем вспыхнули тёмно-красным пламенем. С первого самолёта выпрыгнул лётчик, и над ним раскрылся купол парашюта. Со второго горящего самолёта выпрыгнули двое, над ними также раскрылись парашюты, но они были намного дальше первого. Остальные самолёты сбросили бомбы и скрылись за горизонтом.

Начальник госпиталя послал нас, троих санитаров, чтобы захватить ближнего лётчика, а за двумя дальними ушла машина. Когда мы подбежали, парашют уже расстелился по снегу. Лётчик, молодой, русоволосый, увидел нас с направленным на него оружием, сразу поднял руки. Опарин подошёл к нему, хорошо обыскал, забрал у него оружие, планшет и приказал следовать вперёд, и мы привели его в расположение госпиталя, а оружие и планшет передали командованию. А сами поехали на санях приводить в порядок палаты.

Во второй половине дня вновь прилетели вражеские бомбардировщики. Их дружно встретили наши зенитчики. При первом заходе самолёт, который целился в здание школы, был подбит нашей зенитной установкой. Но он, гад, успел сбросить большую бомбу, которая взорвалась на пришкольной площадке. От её ужасной силы взрыва в здании школы вылетели все стёкла, а в нашем доме со стороны взрыва даже прогнулись и поломались рамы. Вечером того же дня наш госпиталь получил приказ перебазироваться в город Харьков.

На следующий день, чуть стало на востоке светлеть, подошли машины, мы быстро погрузили в них самых тяжелораненых и отправили. До города было не больше 25 километров. Машины вернулись быстро, но на мосту через небольшую речушку образовалась пробка. Каждый норовил проехать первым. А в первую очередь пропускали грузовики, идущие на фронт. Дабы быстрее отправить оставшихся, начальник госпиталя приказал нам на санях быстрее перевести тяжелораненых с тем, чтобы не попасть под бомбардировку вражеских самолётов. Подвозили на машине, приводили под руки, усаживали на сани, и мы быстро перевозили раненых через речушку на другой берег, а там их немедленно укладывали в машины и отправляли в город. Работали без передышки, гимнастёрки прилипали к спине, ноги стягивала судорога от холодной воды и грязи. Мы рейс за рейсом перевозили и перевозили. И вот, последних двух раненых хорошо уложили на сани, укрыли тёплыми одеялами и, не теряя ни минуты, поехали короткой просёлочной дорогой через село Южное. Санитар Марочкин правил лошадьми, а я и Опарин бежали сзади саней, на ухабах придерживая их. Проехали не больше двух километров, как услышали гул вражеских бомбардировщиков. Мы уже въезжали на небольшой подъём, лошади сбавили ход. Самолёты долетели до моста, стали разворачиваться и один за другим пикировать на скопление машин у моста, где была пробка. Нам хорошо было видно, как разбегались по сторонам люди, взлетали от взрыва бомб грузовики. Наши зенитчики на втором заходе бомбардировщиков подожгли один, остальные поспешно улетели.

Мы доехали до села Южное, где остановились передохнуть, заехали в один просторный двор, раненых занесли в избу. Я с Опариним занялся проверкой раненых, сделали подмотку ран, где просачивалась кровь. Привели в порядок шины, которые были наложены у одного солдата, накормили

раненых горячим обедом и сами перекусили. За это время Марочкин накормил и напоил лошадей, пришёл в избу, тоже покушал, и стали собираться в путь. Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы подъехали к селу Березни. Заехали в село, в нём находилась временно артиллерия, на улице стояли 45-миллиметровые пушки, в них были запряжены лошади. Я приказал Марочкину остановиться возле одного дома, чтобы забежать в избу, взять воды и напоить раненых. Когда я вышел с ковшом воды, то «юнкеры» уже были над селом и с воём устремились вниз, целясь по стоявшей артиллерии. Свист бомб как будто прижал меня к саням с раненым. Когда разрыв снаряда оказался совсем близко, то меня взрывной волной сбросило с саней, а кони вздыбились. Я быстро поднялся, схватил коня и закричал товарищам: «Следуйте за мной!» Сам, погоняя лошадей и управляя меж пушками, мчался на окраину села. Спешил, чтобы как можно быстрее выехать за село. Коня во весь мах неслись, а из-под копыт вылетал снег и забивал мне глаза, но я смахивал его рукавицей, а сам погонял и погонял лошадей и поглядывал на вражеские самолёты. Пока три «юнкера» разворачивались над селом, делая второй заход, я с ранеными был уже далеко от села. Опасаясь пулемётного обстрела с самолётов, повернул лошадей с дороги, удалился в придорожный лесок и стал ожидать товарищей. Приоткрыл одеяла и спросил раненых, как самочувствие. Один ответил, что очень было больно, когда сани трясло на ухабах, но ничего, спасибо тебе, что успел вывезти нас из зоны бомбёжки. А другой, у которого было ранение в руку и ногу, сказал, что стиснул зубы и терпел, конечно, больно, но зато на душе стало радостно, что нас успели увезти от бомбёжки: «От всей души благодарю тебя, товарищ Цымбал». Накрыл раненых и сказал им, что самолёты улетели, пойду, выгляну товарищей, опасался за них, что они могли попасть под удар бомбы. Но опасения мои были напрасны, минут через десять я увидел бегущих по дороге Марочкина и Опарина. «Хорошо, что мы были почти в конце села, – говорит Опарин, – а если б прихватили нас в середине, то досталось бы нам, много лошадей убило, есть попадание бомб прямо в избы, есть убитые и раненые». – «Мы, – говорит Марочкин, – сразу, как ты уехал, побежали следом, но при втором заходе пришлось немного задержаться, но всё кончилось для нас хорошо».

Я развернул лошадей, выехал на дорогу, и поехали дальше, до города уже было недалеко. При заходе солнца мы благополучно доехали до госпиталя и сдали раненых. Полевой госпиталь разместили в школе № 61, по улице Георгиевское шоссе, где меня легко ранило 18 февраля 1943 года.

Когда я доложил начальнику госпиталя о благополучном прибытии и полном сохранении раненых двух офицеров, начальник госпиталя сказал: «Размещайтесь в частном доме, напротив школы через переулок». Я вышел, и мы поехали во двор, Марочкин остался на улице ухаживать за лошадьми. Мы пошли в избу, где была хозяйка и её дочь Мария, они пригласили нас и указали нам комнату.

На следующий день, 1 марта 1943 года, начали работать в госпитале, разгружая раненых с машин, и уносили их в операционный и перевязочный зал. Почти каждый день выносили тяжелораненых, их грузили на санитарные машины и отправляли на станцию Дергачи. На станции грузили в санитарные вагоны для отправки в тыл нашей страны.

Такая работа продолжалась до 10 марта 1943 года. Вечером 10 марта меня, Опарина и Марочкина вызвал к себе начальник госпиталя и сказал, что на фронте дела плохи, наши начали отход на новые рубежи и нам приказано эвакуировать госпиталь в Волчанский район. Вам необходимо завтра утром запрягать лошадей в трофейную бричку, она находится на школьном дворе, и её нужно оборудовать. С собой берите все свои вещи.

11 марта 1943 года в 8 часов утра подъехали к госпиталю. Я пошёл доложить начальнику госпиталя. Он меня встретил с усталым взволнованным видом и сказал: «Товарищ Цымбал, внимательно слушай и запиши. Опарин и Марочкин пусть упаковывают все необходимые перевязочные материалы и грузят на бричку. В середину брички поставить стеклянный баллон с аптекарским спиртом. В операционной забрать два чемодана с госпитальными инструментами, уложить их сверху и за ними присматривать, дабы не потерять. Идите, действуйте, – сказал начальник госпиталя, – а как только передадите мои указания Опарину и Марочкину, сам, товарищ Цымбал, немедленно выходите на улицу Георгиевское шоссе и останавливайте все пустые машины, идущие в сторону станции Дергачи. Машины подгонять к госпиталю, будем укладывать на них раненых и увозить на станцию, у нас санитарных машин недостаточно, чтобы успеть до вечера вывезти всех раненых. Действуйте», – сказал начальник. «Есть действовать!» – ответил я. Потом развернулся и быстро пошагал. Передал приказ начальника госпиталя товарищам, а сам побежал на дорогу и стал останавливать машины,

все пустые посылал к госпиталю. С большим трудом приходилось бороться за каждую машину, но всё равно я смог подогнать к дверям госпиталя более шести машин. Ещё нужно было две машины. Я немедленно побежал на дорогу и увидел идущую по улице колонну машин, через одну были прицеплены пушки. Главную машину остановил и предложил шофёру выделить с колонны две машины для раненых. Водитель сказал, что машинами ведаёт командир батареи, вот он идёт. Подходит рослый, чернявый, с карими глазами сержант, я глянул и сразу узнал товарища, с которым в 1942 году мы вместе выходили из окружения под Ленинградом. «Андрей Копылов», – крикнул я. Мы обнялись крепко. «Неожиданная встреча», – говорю я ему. Мы минуту вспоминали военные дни, проведённые вместе. Обстановка не давала нам толком поговорить. Я сказал ему, что нужно всего две машины, чтоб отправить раненых на станцию. Копылов не стал возражать, быстро организовал машины в госпиталь. Мы ещё раз обнялись, попрощались, пожелав друг другу живыми после войны вернуться домой. Копылов ушёл, я помахал ему рукой и побежал к госпиталю.

Уложили всех раненых на последние две машины. Провожать их до станции поехали две медсестры. Медработники почти уже заканчивали укладку госпитального имущества и продуктов. Поджидали ещё одну машину, она должна была вернуться со станции. Наша бричка была нагружена полностью, а сверху были уложены два небольших чемодана с хирургическими инструментами, их прочно привязали верёвкой, сзади лежали наши вещмешки. Лошади были хорошо накормлены и запряжены в бричку. Начальник госпиталя подошёл к нам и подал мне документ о том, что мы следуем за полковым госпиталем № 2953, в документе указан груз и наши фамилии, имена и отчества. Ещё подал отдельный лист бумаги, где было написано: «Следуйте до села Циркуны, где ждите следующих указаний». Тут же приказал немедленно выезжать.

Марочкин сел за кучера, я в середине, а Опарин сзади, как замыкающий. Сначала проехали по Георгиевскому шоссе, за мостом свернули влево. «Давай, Марочкин, гони, нам нужно как можно быстрее выехать из города», – сказал я, а сам стал закуривать, но свернуть самокрутку никак не мог, махорка рассыпалась. Бричка прыгала по булыжникам, она, выдавая виды, тарахтела и нещадно трясла на грейдерной дороге. Марочкин то и дело прислушивался и поглядывал вверх, я тоже следил за небом. «В такое позднее время гитлеровцы не полетят», – сказал Опарин, успокаивая не столько нас, сколько самого себя. – А ты как думаешь?» – «Да, могут», – говорю я. – Наши части на небольшом участке фронта начали отступать». – «Конечно, это отступление временное», – говорит Опарин, – наши войска отступят, займут выгодные рубежи и закрепятся на них, хорошо окопаются, сделают укрепления, подтянут технику, боеприпасы и новые людские силы, тогда опять жиманут! Вы помните, – продолжал Опарин, – когда мы наступали в январе, освобождая сёла и города от оккупантов, сами видели своими глазами, как стелился горький дым над обуглившимися домами, над пепелищем родного жилья. Оставались нетронутые огнём только трубы да железные кровати, которые то там то здесь возвышались над заснеженным пеплом».

«Да, – говорю я, как бы продолжая начатый разговор Опарина, – там, где временно хозяйничали гитлеровские оккупанты, мы видели трупы замученных людей: стариков, женщин и совсем ни в чём не повинных детей. Всюду на коротких остановках освобождённые жители рассказывали нам жуткие повести о своих ужасных страданиях». Марочкин, помахивая кнутом над лошадьми, обернулся к нам и говорит: «Ничего, товарищи, вот зарубцуются наши небольшие раны, мы опять пойдём на передний край и будем уничтожать фашистов и гнать этих оккупантов с нашей любимой Родины!» – «Смотрите, – перебил разговор Опарин, – вон позади нас какое показалось зарево». Да, далеко на горизонте отражалось великое пожарище войны.

Вдруг немного позади нас в небе загудели самолёты, где-то справа от нас застучали зенитки, небо пронизывали огненные стрелы прожекторов, которые начали искать самолёты неприятеля. Самолёты стали разворачиваться в небе над нами. Позади нас засвистели бомбы, они стали с большой силой взрываться, волна взрыва ударила и по нам. Опарин соскочил с брички и побежал к стене дома, а я крикнул Марочкину: «Гони лошадей!» И он погнал лошадей во всю силу вперёд. Проехали метров шестьсот, а возможно, и больше, свернули в проезд и остановились. Самолёты позади нас сбрасывали смертоносный груз на город наугад. Две бомбы упали на улице позади нас. Мы следили за небом, гул самолётов стал удаляться и совсем затих.

Подождали несколько минут. Опарина не было видно. Я побежал назад и услышал стон, подбежал к нему, он был ранен осколком в правую ногу ниже колена, я срочно достал бинт из сумки и сделал

тугую повязку, побежал к Марочкину, пригнали бричку. Опарину ещё сверху бинтов наложили, по обе стороны ноги стальные шины и их крепко замотали бинтами. Осторожно уложили раненого на бричку и тут же поехали дальше. Торопились, чтобы быстрее выехать из города. Марочкин погонял лошадей, а я придерживал Опарина, он сильно стонал от нестерпимой боли.

На выезде из города нас догнала санитарная машина санбата. Я остановил её и стал просить военфельдшера, чтобы взял нашего раненого, он согласился. Мы быстро перенесли раненого и уложили в машину, попрощались с ним, и машина уехала на станцию Деркачи. Теперь нас осталось в повозке двое, мы уселись поудобнее и погнали лошадей быстрее.

На востоке стало светать. Ехали быстро по широкой с асфальтовым покрытием дороге-шоссе, на которой часто встречались неглубокие воронки.

Солнце уже поднялось, когда мы доехали до небольшого хутора Пятихатка, так его называли жители, у которых мы спросили дорогу к селу Циркуны. Один старик согласился проводить нас и показать дорогу. Усадили старика спереди и поехали. Выехали из хутора, пересекли широкое чёрное шоссе, повернули влево и поехали вдоль шоссе. Проехали не более полукилометра, увидели дорогу, которая поворачивала вправо. Старик остановил нас, соскочил с брички и указал правой рукой, вот по этой дороге езжайте. Мы его поблагодарили, и он ушёл домой.

Мы уселись поудобнее, я взял вожжи, повернул лошадей вправо и сразу въехали в густой невысокий лес, через который проходила неширокая просёлочная дорога. До села Циркуны доехали быстро, остановились на опушке леса возле первого небольшого дома. Я соскочил с брички и приказал Марочкину: «Лошадей накормить, напоить, распрягать не нужно, будь начеку и жди меня», а сам побежал по улице села, дабы быстрее разыскать начальника госпиталя. Пробежал по улице полкилометра, встретил медсестру, у которой спросил, где находится военврач Шеферсон. Она указала на дом недалеко справа. Вбежал во двор, не успел переступить порог в избе, как начальник госпиталя даёт мне приказ: «Немедленно выезжайте из села! Держите путь на село Огурцово Волчанского района. Мы тоже сейчас выезжаем». Я взял под козырёк как положено и отчеканил: «Есть выезжать в село Огурцово!» Выскочил во двор, куда уже подошли санитарные машины. Моторы их работали, они были готовы для выезда. Бегом между машин выбежал на улицу, от испуга остолбенел, по улице неслась конница, наша кавалерия отступала. По улице пробежать не было никакой возможности, а в небе над селом кружили немецкие самолёты, на бреющем полёте сбрасывали смертельный груз. Шрапнельно-осколочные бомбы дымно лопались в воздухе, не долетая до земли, осколки поражали всё живое, особенно кавалерию. До спасительного кирпичного дома 40 метров, не более. Напрягая все силы, делаю бросок во двор и по-пластунски вползаю в дом, прижимаюсь к полу, дабы переждать шрапнельный налёт вражеской авиации, а за окнами одна за другой взрывались авиабомбы, оконные стёкла все разлетелись вдребезги, и много осколков стекла валялось на полу. Из-под кровати выползла старуха, вид у неё был ужасно перепуганный, проползла мимо меня в угол, приподнялась на колени достала с полки кувшин с молоком и дрожащим перепуганным голосом чуть слышно говорит: «Милый сынок, может, попьёшь молока?» – «Спасибо, мамаша, не до молочка сейчас», – ответил я.

На улице взрывы авиабомб затихли. Я выскочил на улицу, по ней невозможно было пробежать, ещё двигалась конница. Я вернулся во двор и побежал огородами, переметнул через высокий плетень, вдруг слышу сверху протяжный гул мотора, глянул вверх, а самолёт-истребитель пикирует прямо на меня. Слева от себя заметил небольшую кучу навоза, присыпанную сверху снегом, бросился к куче, чтобы сбить прицельную атаку самолёта, поскользнулся и упал, а потом по инерции почти прилип к самой куче. Стервятник проревел, как показалось, над самой головой и дал по мне длинную пулемётную очередь. К счастью, пули меня не задели. Они врезались в землю метрах в шести-десяти от меня. От пуль веером полетел снег и мёрзлая земля. «Вот гад, – выругался я вслух. – Точно прицелился, прямо в мой след влепил, сволочь!» Пока истребитель поднимался вверх и делал круг, я бежал огородами дальше так, что пятки барабанили по заднице. Впереди заметил баньку и прибавил ходу, чтобы успеть укрыться за ней, пока стервятник возьмёт меня на прицел. Так оно и получилось. Истребитель, набрав высоту, развернулся и стал пикировать на меня, но я его опередил, бросился и прижался к стене бани. Самолёт снова проревел надо мной, но напрасно стрелять не стал. Взмыл вверх и скрылся за лесом. «Сволочь!» – опять выругался я. Наверное, керосин на меня весь истратил, вот и улетел.

Добежал до телеги благополучно. Марочкин уже заждался меня, лошади и телега были целые, от бомбёжки не пострадали. «Ну, Марочкин, поехали!» Кони, напуганные бомбёжкой, быстро рванули с места, и мы продолжили путь.

За селом на небольшом увале врассыпную удалялась наша кавалерия, в небе над ней кружили вражеские самолёты и сбрасывали авиабомбы. Ехали по улице, местами объезжали убитых лошадей и всадников. Не доезжая всего метров сто до шоссе, впереди на ней показались вражеские танки с чёрными крестами на броне. Я круто повернул лошадей вправо, хлестнул их бичом, проскочил первые дома переулка и остановился. Передал вожжи Марочкину, а сам побежал посмотреть, куда пошли танки.

Выглянул из-за угла дома и увидел ужасную картину: танки один за другим мчались по шоссе в сторону Белгорода. Один танк остановился напротив следующей улицы и стал спускаться с шоссе в село. Я бегом вернулся и крикнул Марочкину: «Заезжай влево во двор!» Сам спрятался за плетнём и приготовил карабин. В этом дворе были ещё восемь солдат, из них двое легко раненные.

Ко мне подошёл лейтенант кавалерии, и мы стали скрытно наблюдать за движением танка. Он прогудел по улице, дошёл до нашего переулка, остановился и начал разворачивать в нашу сторону башню. Мы спрятались за дощатым заборчиком и стали смотреть в щели. Верхний люк танка открылся, из него вылез немец, спустился на землю, вынул портсигар и стал закуривать. Я говорю лейтенанту: «Сейчас возьму его на мушку и пристрелю как собаку». Но лейтенант запретил: «Нельзя! Мы убьём его, а батарея танка разобьёт дом, пострадают мирные жители, да и нам не уцелеть. Нам нужно выждать до темноты и выйти из этого села к своим, а уж потом будем брать немцев на мушку».

Двор, куда мы заехали, был просторным. С севера построен навес, мы туда загнали лошадей с телегой. Лейтенант приказал лошадей и телегу сдать хозяину, потому что на телеге из окружения не выедешь. В этом дворе уже собралось 16 наших солдат. Солнце скрылось за горизонтом, стало темнеть. Лейтенант послал двух солдат на улицу для наблюдения, а остальных позвал в избу для выработки плана действий. Нам нужно немедленно уходить, пока не подросла пехота оккупантов, а она может вот-вот нагрянуть. Хозяин дома, седой старик, взялся проводить нас. Мы собрались быстро, я и Марочкин надели свои вещмешки, взяли по небольшому чемодану с госпитальным инструментом и пошли.

К нашей группе подошли ещё двое раненых, нас теперь уже 18 человек, у одного оказалось две гранаты. Проводник вёл нас по селу вверх от шоссе. Когда дошли до последней улицы, старик остановился: «Пойдёте вот по этой улице до конца, там справа через три улицы проходит шоссе, которое вам нужно пересечь, потом будет дорога вправо, которая ведёт в сторону Волчанска».

Мы все пошли по указанной нам стариком улице, дошли до последнего дома, остановились и спрятались под забором. Лейтенант послал двух человек в разведку до шоссе. На востоке над горизонтом поднимался жёлтый диск луны, со стороны шоссе часто взлетали в небо осветительные ракеты, а вдоль дороги прорезали темноту прожектора немецких танков.

Мы прислонились к стене дома и терпеливо ждали возвращения разведчиков. На востоке от нас возвышалась небольшая сопка, покрытая лесом. С юго-западной её оконечности, очевидно, проходило шоссе, потому что там часто вспыхивали огни осветительных ракет.

Наши разведчики вернулись часа через два и рассказали: в конце последней улицы села на шоссе стоит вражеский танк, из него часто выпускаются осветительные ракеты, а прожектором танк освещает дорогу впереди до поворота. Мы прошли по опушке леса с левой стороны шоссе почти до поворота. Там можно было переползти дорогу. Танк стоял за поворотом, и к этому времени ракеты уже взлетали нечасто.

«Пошли, – сказал лейтенант. – Дойдём до поворота, а там обсудим, как будем перебираться через шоссе. Пойдём в колонне по одному с интервалом 10–15 метров, не курить, спичек не зажигать, двигаться осторожно, всем быть начеку».

Я шагал пятым, за мной Марочкин. Шли тихо без всяких разговоров.

По шоссе справа от нас часто прорезали темноту прожекторы вражеских танков, в небе вспыхивали ракеты. От их света была видна вся дорога. Мы прижимались к деревьям и ждали, пока погаснут осветительные ракеты, потом продвигались дальше.

Дошли до изгиба дороги, остановились, стали прислушиваться и присматриваться вокруг. Небольшой звук был слышен недалеко по ходу дороги, это работал на малых оборотах двигатель враже-

ского танка. Ожидали около часа, ракеты стали взлетать редко, прожектор погас. «Наверное, уснули гады!» – сказал тихо кто-то невдалеке.

«Пора», – тихо сказал лейтенант. Первые три наших кавалериста отделились и поползли. Шоссе преодолели благополучно. За ними по 2–3 солдата стали переползать остальные. Наконец все благополучно перебрались через высокое и широкое шоссе и сразу, не мешкая, устремились в обратную сторону искать указанную нам дорогу. Было около двух часов ночи, когда мы нашли нужную нам дорогу.

«Теперь мы, возможно, миновали окружение неприятеля, – предположил лейтенант. – Нужно идти быстро, чтобы успеть дойти до первого населённого пункта».

Дорога была просёлочной и сильно размятой отступающей нашей техникой. Идти было очень тяжело. Ноги погружались в снег как в песок, рубаха прилипала к спине, с лица стекал солоноватый пот, но мы не останавливались, шагали вперёд, напрягая все оставшиеся силы.

Прошли ложиной, поднялись на небольшой увал. И здесь мы с радостью увидели два тягача и ряд наших пушек, их расчёты приготовились к отражению атаки танков. Командир артиллеристов расспросил нас о танках. Лейтенант подробно рассказал, где остановились вражеские танки. Мы пошагали дальше. Наши товарищи пошли быстрой, они были практически без груза, а мы с Марочкиным стали отставать.

На рассвете дошли до небольшой деревушки, зашли в первый двор, но в избу войти не смогли, там было полно наших отступающих солдат. В следующем доме тоже было много солдат, но хозяйка разрешила нам примоститься возле порога у печи. Нам удалось сидя вздремнуть не более часа. Солдаты стали подниматься и уходить, изба опустела, поднялись и мы.

Я достал из мешка хлеб и колбасу, мы с Марочкиным решили позавтракать. Хозяйка дала нам горячей печёной картошки и горячий чай. Недолгий сон и горячий чай взбудрил и согрел наши измученные за ночь солдатские души. Я попросил хозяйку показать нам дорогу на село Огурцово. Она с охотой согласилась и проводила нас на околицу села, показала дорогу и рассказала, как нам найти село.

Мы поблагодарили её, взяли в руки чемоданы и пошли по просёлочной дороге, также сильно размятой техникой. Впереди нас двигалась небольшая колонна машин, а справа от дороги стоял густой лесок.

Спокойно шагать нам по дороге долго не дали. Справа от нас в небе послышался нарастающий гул вражеских самолётов. Впереди нас они стали разворачиваться. Вот гады! Прилетели охотиться за отступающими! Мы быстро побежали в лесок и спрятались на его опушке. Впереди нас посыпались бомбы, всё заволокло дымом. Три самолёта сделали два захода, сбросили смертоносный груз и улетели.

Мы, не дожидаясь, пока они скроются за горизонтом, устремились вперёд по дороге, дошли до места, где произошла бомбёжка. Оказалось, что впереди двигались машины, вот их и бомбили самолёты. Две машины были разбиты, одна из них ещё горела. Но убитых людей видно не было. Задерживаться у машин мы не стали, а наоборот, пошли быстрее.

Солнце уже садилось за горизонт, когда мы подошли вплотную к селу Огурцово. Оно располагалось в котловине и издали видно не было. Мы его не видели, пока не подошли до крутого спуска в село. Спустившись, мы зашли на первую улицу, свернули к первой избе и попросились передохнуть. В переднюю комнату вышел пожилой, с пушистой седой бородой хозяин дома и злыми зеленоватыми глазами и исподлобья взглянул на нас. По его взгляду мы поняли, что в этой избе нам не ночевать. Пошли дальше по улице, свернули в переулок, в конце его под увалом зашли во двор. Пожилая женщина пригласила нас в избу. Мы зашли. Комнаты были небольшие, но чистые. На окнах висели рушники, вышитые узорами. На лежанке лежал старик, а старуха топила соломой голландскую печь.

Мы разделись, одежду сложили на скамейку, а вещи поставили сбоку. Хозяйка подала нам на стол хороший украинский борщ и налила по стакану наваристого компота. Спали на полу, на соломе, застеленной самотканой дерюгой, накрывшись своими шинелями в обнимку с карабинами. Спали крепко и отдохнули хорошо.

Утром хозяйка накормила нас горячим картофельным супом и чаем, к чаю подала вишнёвого варенья. Покушали хорошо, поблагодарили хозяйку за гостеприимство и пошагали дальше в сторону Волчанска, дорога была просёлочной.

Село Огурцово осталось позади, мы добавили шаг. Прошли более половины пути. Расчёт мы вели, исходя из нашей пешей скорости четыре километра в час. Нас догнала группа солдат, старшим был сержант, они тоже догоняли свою часть. «До Волчанска уже недалеко, – сказал нам сержант, – а перед городом нам придётся преодолеть реку Донец».

Солдаты, догнавшие нас, были с лёгкими, почти порожними вещмешками, шли быстро, и мы от них отстали. После обеда мы вплотную подошли к реке Донец. Мартовское солнце уже пригревало, на реке поверх льда местами была видна вода. По льду шли осторожно, минуя воду, чтобы не намочить валенки. Наконец мы достигли противоположного берега.

Не успели мы полностью выйти на берег, как неожиданно нам крикнули из прибрежного кустарника: «Стой! Не двигаться!» Мы остановились, чемоданы поставили на землю у ног. К нам подошёл старший сержант и с ним два солдата с автоматами, держа нас на прицеле, и потребовал предъявить документы. Я достал документы и подал старшему сержанту. Он прочёл их, потом проверил содержимое чемоданов и только потом возвратил мне документы, сказав при этом: «Ваш полевой госпиталь вчера проехал здесь на машинах, по этой дороге, а куда уехал, нам неизвестно. Советую вам следовать к коменданту города и узнать местонахождение вашей части».

Здесь мы узнали, что наши новые части заняли прочную оборону и сооружают укрепления на левом берегу реки Донец. В комендатуре нам объяснили, где находится наш полевой госпиталь № 2953. В Волчанске, который был райцентром, мы останавливаться не стали, а узнали у жителей дорогу на станцию Тополи и пошагали до ближайшего хутора, в котором планировали переночевать.

На четвёртые сутки мы, измученные, кое-как уже поздно вечером добрались до станции Тополи. От этой станции нам нужно было доехать до Валук поездом. В зале ожидания копошился народ, кто развязывал мешки и принимался жевать, а кто уже дремал.

В зале едва светились синим огоньком покрашенные редкие лампочки. На улице хмурился весенний мир, за мелкорешётчатыми окнами просвечивалась луна. Я увидел в толпе ожидающих в зале идущих патрульных, подошёл к старшему из них и спросил, когда отправляется в сторону Валук ближайший поезд. Патрульный молча пожал плечами, потом неуверенно сказал: «Наверное, утром».

Мы нашли место на сильно изношенном диване и, из-за отсутствия места, поочерёдно стали отдыхать. В тесноте, толкотне и шуме кое-как прокоротали ночь. Товарный поезд подошёл уже на рассвете. Солдаты и гражданские повалили на улицу. Меня с Марочкиным просто вынесли на улицу, и мы устремились к ближайшему вагону. Кто-то дал команду: в первую очередь пропустить в вагоны военных. Я с большим трудом втиснулся в вагон, Марочкин подал вещи, а я его втащил в вагон за руку.

Поезд медленно тронулся и стал набирать скорость, колёса начали отчётливо отстукивать на стыках рельсов. Поезд шёл быстро, я прислонился к дверному косяку и тупо смотрел туда, где быстро летели мимо пристанционные постройки и ширь российских просторов.

Какой-то человек с разметающимися полами шинели бежал что есть мочи наперерез быстро идущему поезду. Казалось, что если он поднажмёт ещё хоть самую малость, то вот-вот догонит его. Но тут, споткнувшись, он неловко взмахнул руками и навсегда упустил свой единственный шанс нагнать поезд.

Я проводил неизвестного мне неудачника и задумался. А за дверью уже мелькнул и остался позади выпускной светофор, красная колонна разрушенной водокачки, а дальше пошли голые деревья лесопосадок, в их ветках путался и оседал дым головного паровоза. Поезд продолжал набирать скорость. На подъёмах надрывался, но тащил и тащил длинную вереницу скрипучих товарных вагонов.

Позади осталось большое село Уразово, а по обе стороны дороги также мелькали голые придорожные лесополосы. Солнце уже поднялось высоко в небе, когда наш поезд подошёл к станции Валуйки. Я быстро выскочил из вагона, Марочкин подал мне свои и мои вещи и тоже выпрыгнул из вагона. «Дорогу на село Самарино я знаю, бери вещи, – сказал Марочкину, – и пошли быстрее подальше от станции, видишь, сколько здесь воронок от авиабомб».

Не успели мы пройти и 100 метров, как в небе показались «юнкерсы». Они стремились прижаться к земле, а по ним открыли огонь наши зенитки. Люди бежали от станции в сторону небольшого увала, мы тоже бросились туда. Позади нас рвались бомбы, а мы всё бежали и бежали. Наконец люди стали прыгать в траншеи и исчезать в них. Мы тоже, добежав вплотную, прыгнули на дно траншеи. Она была узкая, но глубокая, почти в рост человека.

Вдруг я ощутил резкий удар по голове и, как во сне, стал куда-то проваливаться. В голове что-то засветилось и погасло, всё вокруг поплыло и растворилось в дымке...

Очнулся в сильных руках Марочкина. Он приподнял меня, стряхнул налипшую землю с моих плеч, стал снимать шапку и ощупывать холодными руками мою голову, но следов крови не нашёл и спросил: «Как самочувствие?» Я покрутил головой и ответил: «Болит затылок и шумит в моей контуженной многотрадной голове». – «Я, – говорит он, – видел, как тебя ударило куском мёрзлой земли, летевшим от взорвавшейся позади нас бомбы».

До десяти бомбардировщиков с чёрными крестами на фюзеляжах вторично развернулись над станцией, выстроились в линию и начали с воем пикировать и бомбить железнодорожную станцию. Один из бомбардировщиков вдруг густо задымил, очевидно, подбитый зенитным выстрелом. Мы подняли головы и стали наблюдать за горевшим самолётом. Он вначале попытался подняться вверх, а потом начал быстро терять высоту, недалеко за увалом врезался в землю и взорвался.

В небе появились наши истребители, завязался воздушный бой. Вражеские бомбовозы сразу улетели. За считанные минуты наши истребители сбили два вражеских самолёта, они загорелись и с длинным хвостом дыма падали на землю. Был подбит и наш истребитель, но лётчик выпрыгнул с парашютом и благополучно приземлился.

Воздушный бой затих, все самолёты улетели. Мы вылезли из траншеи и, не теряя времени, пошли на дорогу. Мой затылок болел, шумело в голове, я пошатывался, но упорно заставлял себя переставлять ноги, и мы двигались вперёд.

Когда вышли на просёлочную дорогу, по которой мы должны идти в село Самарино, где находился нужный нам госпиталь, я сказал Марочкину: «Теперь недалеко, всего девять километров. Давай насколько возможно поднажмём, чтобы к вечеру дойти», и мы прибавили шаг. Вначале шли быстро, но после каждого пройденного километра наше движение становилось медленнее.

Мартовский день был тёплым, дорога изрядно подтаяла, наши валенки намокли и казались полупудовыми каждый. Идти становилось всё тяжелее и тяжелее, и мы уже еле передвигались. Солнце клонилось к закату, когда подошли вплотную к селу. На его окраине остановились, я сбросил вещмешок, положил его на чемодан, оставил товарища возле вещей, а сам пошёл к первому ближайшему дому. Открыл калитку, зашёл во двор. Хозяин возле сарая кормил птицу, серой масти собака громко залаяла на меня. Хозяин крикнул на собаку, чтобы она замолчала, а сам подошёл ко мне вплотную. Я спросил его: «Где разместили полевой госпиталь?» Он с большой охотой указал на школу, которую было хорошо видно от его дома.

Потихоньку мы дошли, зашли в огороженную штакетником территорию. Справа стояло большое здание с просторными чистыми окнами. Подальше слева стояло здание чуть поменьше, а в конце огороженной территории стоял дом с пристроенной застеклённой верандой. Впереди увидел бегущую с ведром санитарку. Я остановил её и спросил: «Где находится администрация госпиталя?» – «Вон в том доме с верандой», – указала санитарка и понесла ведро дальше.

Мы пошли к этому дому. Марочкин остался с вещами на веранде, а я вошёл в дом. Когда переступил порог, то увидел, что за столом сидел военфельдшер Кравцов. Он оторвал свой взгляд от бумаг и удивлённо с волнением посмотрел на меня, потом быстро встал, пожал мне руку и вместо «здравствуй» тихо сказал: «Мы уже вас не ждали, считали погибшими». Но тут же спохватился и пригласил меня пройти в комнату начальника госпиталя.

Военврач Шеферсон сидел за большим столом, Кравцов по-военному доложил ему о нашем прибытии. Военврач быстро поднялся со стула, пригласил присесть на табуретку к столу, сам тут же сел на свой мягкий стул, словно опасался, что кто-нибудь займёт его место.

«Да... просто не ожидал вашего прихода, сильно уж тяжело было выбираться из окружённого села Циркуны. Когда тебя проводили со двора, тут же выехали на машине. Но только успели выехать на шоссе, как вражеские танки показались сзади нас и один из них ринулся нас преследовать, а в воздухе появились бомбардировщики и стали нас бомбить. – Потом с прискорбием сообщил, что убило нашего хирурга и одного врача, а четырёх тяжело ранило. – Но, к большому нашему счастью, машины повреждены не были, и мы сумели уйти и в тот же день прибыли в Волчанск».

Я по-военному кратко доложил начальнику госпиталя о своём выходе, напомнил, что повозку оставили в селе, а чемоданы принесли с собой. «Это отлично, – сказал военврач. – В чемоданах ценные инструменты, так необходимые госпиталю». Шеферсон проводил меня на веранду, по-

здоровался с Марочкиным и дал указание Кравцову, чтобы устроил нас на квартиру и организовал для нас баню.

Нам в тот вечер повезло. В соседнем доме, куда нас устроили на квартиру, топили баню. Мы с удовольствием помылись, надели чистое бельё, а после бани спали беспробудным сном всю ночь.

На следующий день, 18 марта 1943 года, меня вызвал начальник госпиталя, подал мне удостоверение и объявил: «Назначаю тебя офицером связи. Будешь в моём распоряжении. Сегодня вам нужно отправиться в политотдел Третьей санитарной армии и доставить туда секретные документы. Командировочное удостоверение, пистолет, адрес политотдела, инструктаж получите у товарища Кравцова».

С этого дня я стал служить на новой для меня военной должности. Часто выезжал в штаб Третьей санитарной армии, которая находилась в селе Второе Шевченко. Со штаба часто посылали с пакетами в полевые госпитали первого эшелона и в санитарные батальоны. В это время командование подтягивало воинские части и технику к передовой линии, особенно к городу Белгороду.

Много раз приходилось попадать под вражескую бомбардировку, но всё обходились благополучно, не считая очередного оглушения. На этой должности я прослужил до 10 июня 1943 года. 11 июня была проведена военно-врачебная комиссия и я был признан годным к участию в боевых действиях на передовой линии.

В то время готовилось большое сражение на линии Белгород – Курск. 18 июня я был зачислен в запасной полк, который находился недалеко от города Валуйки. В полку начались усиленные занятия, отрабатывали тактику боя, изучали оружие, как наше, так и трофейное. Занимались с раннего утра до позднего вечера с перерывом один час на обед. На учебные занятия ходили строем по взводам и обязательно с песнями.

26 июня 1943 года наш запасной полк построили поротно. К нашей роте подошли двое, один из них капитан, а второй лейтенант. Капитан скомандовал: «Кто уже участвовал в боях и был легко ранен, два шага вперёд!» Из нашей роты вышло из строя более 50 солдат. В других ротах тоже отбирали фронтовиков.

Таких в полку оказалось более 300 человек, уже закалённых в боях и имевших ранения, а некоторые два и более. Это были солдаты, обстрелянные и опалённые в жестоких схватках с врагом, в боях за освобождение нашей Родины. Все мы уже не один раз смотрели смерти в глаза. Капитан с лейтенантом отбирали нас и были абсолютно уверены, что мы не подведём в бою, никто не дрогнет при натиске противника, а наоборот, будут отражать атаку за атакой и уничтожать вражеских солдат и офицеров или гнать этих гадов с нашей священной земли.

Наша сформированная маршевая рота в 320 человек с утра 26 июня 1943 года стала получать новое обмундирование и сухой паёк. День стоял жаркий, ясный и тихий, а небо голубое-голубое. Солнце медленно плыло над зелёными кудрявыми верхушками леса. Кто оделся и получил сухой паёк, отходили в сторону, собирались группами и закуривали. Табачный дым сначала густыми колечками подымался вверх, а потом в зелёных ветках рассеивался и исчезал.

Раздалась громкая команда: «Стройся! В две шеренги становись!» Солдаты быстро построились в две шеренги вдоль опушки невысокого зелёного леса. Командир нашей, идущей на фронт маршевой роты провёл пофамильную переключку солдат. Проверка закончилась, и была подана команда: «Направо! Шагом марш!» Колонна вышла на просёлочную дорогу. Из-под ног подымалась серая земляная пыль. С каждой минутой мы ускоряли шаг. Командиры нас поторапливали на запад, к рубежам жестокой обороны, где враг стягивал силы для наступления.

Вдоль дороги виднелись лесозащитные полосы. На северо-западе показалась тёмная большая туча. Она чётко отделяется от неба и пока никакой опасности не предвещает. Шли быстро, становилось жарко и душно, гимнастёрки на спинах промокли от пота. Я посмотрел на небо и говорю идущему рядом товарищу: «Смотри, туча уже захватывает полнеба, скоро будет дождь, а у нас нет плащ-накидок». – «Ничего, не раскиснем, у нас есть шинели», – ответил мне товарищ.

Туча и вправду стала быстро надвигаться и уже закрыла солнце. Подул прохладный ветерок. Вдруг молния прорезала всю тёмно-серую тучу, раскатисто прогремел гром, ветер усилился и бросил в лицо тугие струи прохладного дождя. По колонне подаётся команда: «Раскатать шинели!» Колонна немного сбавила шаг, солдаты снимали с плеч шинели, раскатывали и надевали на плечи. Дождь усиливался, ноги стали вязнуть в грязи. Движение становилось медленнее, намокшие шинели давили плечи.

Дождь перестал, туча ушла на восток, показалось солнце и стало припекать. Мы сняли шинели, набросили их сзади на вещмешки для просушки и продолжили движение. Жаркое июньское солнце быстро подсушило дорогу, идти стало легче, но усталость уже давала о себе знать. И впереди и сзади слышалось тяжёлое дыхание солдат. На лицах отражалась усталость. Мы шли без отдыха уже более пяти часов, слева от нас осталась станция Белый Колодец. По колонне передали команду: «Стой! На обед и отдых даётся один час», – пояснил командир роты.

Мы быстро на обочине дороги под небольшим кустарником расстелили подсохшие шинели, расположились на них и стали жевать хлеб с колбасой, запили холодной водой из фляжек в прикуску с сахаром. Закурили и прилегли на шинели.

Отдых показался нам очень коротким. Скатали шинели, набросили вещмешки на плечи и пошли дальше уже по малонаезженной просёлочной дороге. Поздно вечером нас остановили. Роту разделили в группы по 50–60 человек. Я попал в одну из групп из 60 человек. Нашу группу повёл уже другой лейтенант.

Шли недолго по густому невысокому лесочку. Подошли к штабу 32-го полка 7-й армии, получили оружие, далее нас повели на командный пункт батальона, а там развели по взводам. Мы пополнили взводы вместо убывших. Из рассказов солдат обороны я узнал, что наш участок расположен между населёнными пунктами Шебекино и Волчанском по левой стороне реки Северский Донец. Командир взвода подошёл к нам и повёл новичков по глубокой траншее. Остановил меня и моего напарника, указал нам место обороны: «Что нужно делать, вы знаете, ведь вы уже не первый раз на передовой».

Я и Корнев просмотрели место амбразуры для обстрела неприятеля, положили на них винтовки, а в нишах разложили гранаты, запас патронов и четыре бутылки с зажигательной смесью. Их мы называли противотанковыми бутылками. Ночь выдалась тёмная, часто в небо взлетали ракеты, стрекотали вражеские автоматы, рассекая темноту, свистели и сверкали пули.

«Здесь держи ухо востро, голову выше земли не поднимай, – говорю я напарнику, – и постоянно нужно наблюдать за противником, хорошо просматривать нейтральную полосу». Слева и справа из окопов изредка постреливают винтовки или раздаются короткие автоматные очереди. Более половины солдат дремлют, но на передовой крепко не уснёшь, частенько рвутся вражеские снаряды и своими смертоносными взрывами будоражат всех.

Я усердно начал рыть внизу траншеи боковую нишу, похожую на русскую печь, чтобы можно было укрыться от прямого попадания мин. Эта ниша потом не раз спасала меня от осколков рвавшихся рядом мин и снарядов. Землю носил вещмешком и рассыпал её по брустверу траншеи и сразу маскировал ветками. Нарботался сапёрной лопатой досыта и присел отдохнуть. Рядом стоял Корнев, он был погружён в свои панические мысли. «А ведь для кого-то из нас, – произнёс он вслух, – это последний день жизни, а кому-то будет даровано судьбой дожить до нашей победы, именно до нашей победы! Более того, он сможет дожить до старости и рассказать детям, а возможно, и внукам об этой ужасной кровопролитной войне».

Корнев, по всему его виду, был расстроен и поглощён весь в панику. Я спросил его: «Почему ты в таком паническом настроении? Будь смелее, не давай себе повода для панического настроения! При обстреле или бомбёжке с воздуха будь хладнокровным и осмотрительным, смело действуй по обстановке. При появлении врага бей его прицельно без промаха, как говорят бойцы: смелого и пуля не берёт!»

Но Корнев стоял и твердил, как будто намаливал себе смерть. Я всю ночь копал укрытие в боковой стенке, а Корнев курил и считал свистящие мимо нашего окопа пули, а мне не помогал. На востоке уже светлело, обстрел со стороны противника усилился, наши открывали ответный огонь. Зачастили выстрелы миномётов. Недалеко от нас справа был пулемётный расчёт, у них был сделан добротный блиндаж и в сторону противника хорошо замаскированная секция обстрела, где был установлен пулемёт.

Вокруг был густой лес с дубняком. В тыл нашей обороны были прорыты траншеи. Они были прорыты между деревьев и часто круто поворачивали то в одну, то в другую сторону. Я это бегло осмотрел за несколько минут, возвратился к напарнику. Корнев молча выбрался из траншеи и пополз в тыл нашей обороны. У большого дерева присел и упёрся боком к нему и как будто застыл в неподвижной позе. Я крикнул ему, чтобы возвратился в траншею, потому что уже начались сумерки и враг может заметить. Но Корнев продолжал сидеть, а потом тихо сказал: «Я хочу встретить утро под деревом».

Однако его желанию не суждено было сбыться. Недалеко разорвался снаряд, и его осколок пронизал ему спину. Ранение было смертельным. Санитары быстро снесли Корнева в траншею, но спасти не смогли, он скончался. «Да, – подумал я, – такое бывает. Человек иной раз чувствует близкую смерть». Так получилось с моим напарником Корневым.

В траншее я остался один, припал к амбразуре и начал палить из винтовки в сторону врага в надежде отомстить за смерть товарища и согнать накопившуюся злобу. Подошёл старшина взвода, принёс горячий завтрак. Я покушал горячий мясной суп, гречневую кашу, запил чаем. Курить не стал, так как начался день и малейший дымок может заметить неприятельский наблюдатель. Меня сморил сон, и я вздремнул. Меня разбудил командир взвода, он делал обход. Спросил меня: «Как дела?» Я ответил: «Хорошо, только напарника потерял. Глупо он отдал свою жизнь, я его не пускал. Но что поделаешь – война без гибели не бывает».

Комвзвода оставил бойца и сказал: «Это твой напарник». Напарник оказался разговорчивым и уже обстрелянным, имел два ранения. Комвзвода задержался с нами на минутку. Рассказал последние сообщения Совинформбюро, пожелал нам успеха. Предупредил, чтобы хорошо вели наблюдение за передовой противника, и продолжил свой обход обороны по траншее.

После разговора с комвзвода у меня осталось хорошее впечатление. Командир своим умным рассказом осветил мою голову, появились светлые мысли о нашей освободительной войне от фашистских захватчиков. Мой напарник Журавлёв стоял задумчивый, а потом сказал: «Да, война жестокая, и многие уже отдали самое дорогое в человеке – это жизнь. Живёт человек один раз. Работает, любит, радуется, и со всем этим нужно проститься, а некоторым навсегда, и всё из-за проклятого фашиста, который внезапно напал на нашу Родину». – «Мы все встали грудью на защиту нашего Отечества, и если кому суждено отдать свою жизнь ради счастья других, то такому человеку цены нет, – продолжил я начатый Журавлёвым разговор. – Мы должны, если потребуется, отдать свои жизни за спасение нашей Родины, за свободную счастливую жизнь наших детей, жён, братьев, сестёр и родителей! Нужно смело идти в бой и уничтожать ненавистных захватчиков, не для славы, не за орден, не потому, что приказано, а по долгу, сознательно!» – «Да, это верно», – согласился со мной мой товарищ.

Мы прижались к смотровой щели, сделанной в стенке нашей траншеи, и внимательно наблюдали за передней линией противника. Если где замечали малейшее движение, сразу брали на мушку и посылали туда пули.

На участке нашей роты местность была лесная, деревья росли разные, а между ними рос густой кустарник. Окопы, блиндажи сделаны были добротно и хорошо замаскированы. Между блиндажами выкопаны траншеи и извилистые ходы сообщения.

Однажды утром, после завтрака, а он был вкусный, по очереди решили отдохнуть. В это время по цепи была передана команда: маскируйся, воздух! Сквозь редяющие белёсые тучи слышался скрепящий душу звук мотора, и в небе угадалась неприятельская «рама». Это немецкий воздушный разведчик – двухфюзеляжный самолёт. Мы, фронтовики, уже знали, что сулит нам появление «рамы». Этот самолёт с помощью своих приборов может с высоты разглядеть и заснять каждый новый бугорок, каждую траншею и блиндаж нашей передовой, тут же может передать координаты по радиции.

Наш участок замаскирован был хорошо, а впереди, на нейтральной полосе, были сделаны ложные окопы и свежо замаскированы. Но мы всё равно насторожились и ждали обстрела артиллерией или налёта вражеских самолётов. Через небольшой промежуток времени послышался нарастающий шум моторов вражеских самолётов. Для нас было ясно, «рама» сделала своё дело.

Передовая линия приготовилась к налёту, мы внимательно наблюдали за воздушными пиратами. Самолёты стали разворачиваться и пикировать на наш участок обороны. Везде всё гудело. Позади нас по самолётам ударили зенитки, и в небе стали распускаться взрывы зенитных снарядов, как пухлые коробочки хлопка. Но воздушные пираты устремились вниз на нашу передовую. Ох, этот жуткий рёв бомбардировщиков! Даже вспоминать о нём тошно.

На фоне серого неба было ясно видно, как из подбрюшья самолётов отделяются бомбы и с жутким свистом летят вниз на наши окопы и блиндажи. Гул самолётов на некоторое время заглушил свист падающих бомб. Мы с товарищами быстро спрятались в подготовленные убежища, сделанные в стенке траншеи. Барабанные перепонки едва выдерживали адов рёв войны, дым и отвратительная гарь растекались над окопами, от которых даже тошнило.

Падающие авиабомбы в землю зарывались неглубоко, с оглушительной силой взрывались, разбрасывая вокруг землю, вырывали с корнями деревья и поражали всё вокруг раскалёнными смертоносными осколками.

Одна из бомб взорвалась недалеко от нашего окопа, земля с корнями деревьев засыпала нашу траншею до половины её глубины. И вот появились наши истребители, завязался воздушный бой, бомбардировщики прекратили налёт и спешно скрылись в глубине вражеской обороны.

Когда стих гул, мы, руками разгребая землю, с трудом вылезли из убежища, взяли винтовки, припали к брустверу и стали наблюдать за противником, подготовили гранаты и патроны, ждали атаку, но её не последовало. Наша тяжёлая и лёгкая артиллерия стала вести густой обстрел передовой противника. Налёт вражеских самолётов не причинил большой урон нашей роте, большинство бомб упало в прибрежной низине нейтральной зоны (где были сделаны ложные окопы). Убило трёх и несколько человек ранило, это тех, кто не выдержал адского свиста бомб и сорвался с места, выскочил из окопа и бросился бежать, тут их и задело осколками. Снаряды, посланные нашими артиллеристами, шурша, летели через нас и глухо взрывались на вражеской передовой, высоко поднимая землю и куски брёвен разбитых блиндажей. Мы тоже стреляли, посылали прицельно пули в сторону захватчиков и уверенно надеялись, что посланные наши пули могут пронзть насмерть фашистов. Обстрел с нашей стороны длился более часа. Постепенно оружейная канонада затихла, но винтовки густо стреляли, строчили пулемёты. Неприятельские солдаты огрызались тоже жёстко. День пролетел в напряжённой обстановке. Сумерки сгустились, наступила ночь, мы стали ожидать ужин. Ужин принесли поздно, но он был вкусный, накушались досыта. И стали приводить в порядок окопы после дневного налёта вражеских стервятников. Ночь тёмная, осветительные ракеты часто взлетают в небо, их пускают вражеские солдаты. Мой напарник улёгся спать, а я наблюдал за нейтральной полосой и постреливал в сторону врага.

С северо-запада надвигалась тёмная туча, и вдруг сверкнула ослепительная молния, за ней послышался резкий треск грома, посыпал густой дождь. Земля мигом перенасытилась влагой. Дно траншеи стало похоже на ручеёк, в котором вместо воды жидкая грязь. По обе стороны наших окопов чернели кустарники, вершины их плотно смыкались вверху, ветра не было, деревья стояли молчаливые. Запах зелёной листвы мало чувствовался, его забивал запах пороховой гари от взрывов снарядов и мин.

Дождь начинал затихать, в небо часто взмывали ракеты и слышалось покашливание в траншеях невидимых наших солдат. О чём думает каждый из них? Наверное, о предстоящем завтрашнем бое. Перестрелка что ни день начала усиливаться на нашем участке передовой. Дождь перестал, на небе показались яркие звёзды. Напарник мой, согнувшись калачиком, крепко спал в нише. А я зорко всматривался в темноту. Прильнув к амбразуре бруствера, стал изредка постреливать в сторону врага. В полночь разбудил напарника, который занял моё место наблюдения, а я лёг на его место и заснул крепким сном.

На восходе солнца я проснулся, немного размял своё занемевшее тело. На востоке, пробиваясь сквозь зелёные ветки, поднимался огромный красный диск солнца. На передовой пока было тихо, только редкие выстрелы винтовок и короткие очереди автоматов напоминали: будь осторожным, чтоб не задела свистящие пули. В цветке одуванчика, который вырос на кромке окопа, заночевал пушистый шмель. Я осторожно сорвал цветок и положил на дно окопа, стал дышать на него, согревая. Шмель взъерошился, но не улетел. Я цветок осторожно поставил на место, пусть шмель греется на солнце.

Впереди, в стороне противника, виднелась возвышенность, густо поросшая разнолесьем, там были немцы. В низине впереди нашей передовой протекала речка Северский Донец, над которой стелился утренний туман. Я обернулся и услышал в стороне траншеи чьи-то шаги. По глубокой траншее, согнувшись, подходил к нам старшина взвода с термосом за плечами. Он снял с себя ношу, вытер пилоткой пот с лица, загадочно ухмыльнулся: «Жаль, места мало, а то заставил бы я вас, товарищи, станцевать гопак. Сегодня завтрак – объединение! Макароны с утятинной». Покушали хорошо, поблагодарили, старшина ушёл. Мы с товарищем стали наблюдать за противником. Наши солдаты по соседству тоже вели наблюдение и постреливали.

Солнце поднялось выше и по-летнему хорошо грело, но в блиндажи и траншеи его лучи не проникали, тень от деревьев стояла над нами. Дни на передовой стояли напряжённые. Вот и день 4 июля 1943 года прошёл в напряжённой перестрелке по всей линии обороны нашей роты. Мины, посылаемые вражескими миномётчиками, часто ударялись о вершины деревьев и с большим треском

взрывались, разбрасывая смертоносные осколки, а с деревьев осыпались нежные зелёные листочки и, кружась в воздухе, падали на землю, многие ложились на дно траншеи и устилали его, некоторые листочки попадали за ворот гимнастёрки и скользили вниз по спине.

Несмотря на временное затишье, а это уже предполагалось, что ночь перевалила за полночь, никак невозможно было отогнать навязчивую мысль, что смерть и жизнь уже стоят с глазу на глаз! Я прильнул к амбразуре на бруствере и начал стрелять по окопам врага. В основном брал на прицел вспышки выстрелов неприятельских солдат, надеялся, что хоть одна пуля заденет проклятых гадов. Напарник вторую половину ночи спал в блиндаже недалеко от нашего сектора обстрела. Мне уже надоели эта перестрелка, и день и ночь сидеть в блиндаже, стоять в траншеях и вести огонь вслепую. Хотелось, чтобы наше наступление началось как можно скорее.

Ещё одна ночь осталась позади. На востоке стало отбеливать, наступал день 5 июля 1943 года. Справа от нас, где-то вдалеке, стали доноситься до нашего слуха глухие частые взрывы снарядов, земля под ногами подрагивала, в небе в сопровождении истребителей над нами стали пролетать звеньями, по шесть-девять, наши бомбардировщики.

Скоро к нам пришёл политрук роты и сообщил: сегодня на рассвете противник в районе Белгорода пошёл в наступление с большим количеством танков и авиации. На наших позициях пока шла обычная перестрелка. Но теперь время помчалось на всех парах, спали мало, многие наши солдаты писали домой письма. Кто тайком уговаривал судьбу, молясь Богу, кто менял бельё. Что же готовит нам завтрашний день? Наша рота затаилась в траншеях и окопах на левой стороне небольшой речки Северский Донец. По ночам мы с двойной бдительностью наблюдали за передовой противника, там, как и в прошедшую ночь, шла обычная пляска осветительных ракет.

И так длилось на нашей линии передовой до 14 июля 1943 года. Чуть стало отбеливать на востоке. 14 июля на нашей позиции ночная тишина раскололась на тысячу кусков. Гул и треск стал такой силы, что земля под ногами дрожала. Наша тяжёлая артиллерия вела огонь по передовой противника около часа, потом перенесла огонь в глубину обороны врага. По передовой врага обрушили смертельные мины гвардейские миномёты (это наши «катюши»). «Ну, началось», – говорю я. И тут же по цепи передали: приготовиться к атаке! Наша рота, затаив дыхание, ждала сигнала: две красные ракеты в воздух, и мы должны немедленно рвануть на врага!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Неприятельская артиллерия и миномёты стали вести ответный огонь по нашей передовой. Начали взрываться с жутким треском мины, сначала впереди, потом недалеко позади нас. Мы с Журавлёвым прижались к брустверу окопа, с нетерпением ждали сигнала к наступлению. Над нами свистели мины, они с раздирающим душу свистом падали рядом и вдруг... взорвалась мина недалеко в траншее. Меня шибануло взрывной волной в сторону, товарищ очутился сверху меня, как будто прикрыл собой, а по моей правой ноге сильно ударило, и будто кто-то раскалённым железом протянул по ноге вниз, ниже колена. Напрягая силы, я приподнялся на локте, смахнул с лица землю, вдохнул воздух и стал прислушиваться, но ничего не слышал, от близкого и сильного взрыва шумело в ушах. Журавлёв немного прополз, прислонился к стене, и его испуганные глаза растерянно смотрели на меня. На его гимнастёрке выступила алая кровь. Когда я попытался подняться, то почувствовал ужасную боль в правой ноге и упал. Потом, приподнявшись на локте, прислонился к стенке и в это время увидел вспышку красной ракеты, которая загорелась в небе, потом вторую – это сигнал к атаке. Наши войска пошли в наступление!

Обстрел нашего участка передовой прекратился. Наша артиллерия перенесла весь огонь на второй эшелон противника и подавляла его огневые точки. Это было слышно по поведению боя. Но ни я, ни мой товарищ уже не могли подняться и побежать в наступление на проклятого врага. По траншее подбежали два санитары и начали поспешно делать перевязки.

Солнце начало всходить и своими тёплыми июльскими лучами осветило вершины зелёных деревьев. Густой дым и гарь от разорвавшихся снарядов и мин стлался по земле нашей траншеи, душил глухой кашель. Санитары уложили моего товарища на носилки и быстро унесли его, а мне крикнули: «Жди, сейчас прибежим и заберём тебя». Я лежал и смотрел в небо, по которому девять наших самолётов летели на линию жёсткого огня. Подбежали санитары, уложили меня на носил-

ки и быстро пошли по узкой и глубокой траншее в тыл. Боль была невыносимая, я стиснул зубы и терпел. Раскалённым осколком ранило, стал бескровной тенью, а я смотрю глазами, полными слёз. «Завтра вам будет легче», – твердят мне часто тяжело дышавшие санитары.

Меня вынесли в глубокий овраг, весь покрытый кустарником. В сторонке стояла санитарная повозка, запряжённая одной гнедой лошадью, на повозке лежал незнакомый мне наш солдат. Я спросил: «А где мой товарищ А. Журавлёв?» – «Его уже увезли, он тяжело ранен в грудь». Больше я не видел Журавлёва. Меня осторожно уложили рядом с лежавшим раненым, и повозка тронулась. Ехали по дороге, чуть заметной меж деревьев. На моей правой ноге были наложены стальные шины и туго примотаны бинтами, которые были пропитаны кровью. На небе медленно поднималось жаркое летнее солнце, оно то показывалось, то скрывалось за вершинами дубнячка. На западе громыхал ожесточённый бой, там бойцы нашей роты и всего 32-го полка крошили оборону противника и, двигаясь вперёд, уничтожали на своём пути захватчиков.

Санитарная повозка тряслась, меня придерживал за руку санитар, который говорил мне: «Вы, боец, сильно не ворочайтесь, можете свалиться с повозки».

Я прикрыл глаза, стиснул крепче зубы и молчал. Санитарная повозка резко повернула вправо, я открыл глаза и увидел хорошо накатанную просёлочную дорогу, проехали по ней несколько минут, свернули в сторону, и санитарная повозка остановилась возле палатки, которая хорошо была замаскирована.

Меня сняли с повозки, занесли в палату и уложили на санитарную койку. Ко мне подошёл молодой мужчина в белом халате и ласково говорит: «Не волнуйтесь, всё будет хорошо. – Взял мою руку проверил пульс посмотрел на меня профессиональным ласковым взглядом врача и тихо сказал: – Запрещаю вам говорить, поворачиваться, подниматься и даже думать, вам нужен полный покой, вы находитесь в санчасти, сейчас вам сделают укол от боли, а потом внутривенное вливание против столбняка, вашу рану перебинтуют и отправят в санбат».

В палатку вошла медсестра в белом, хорошо выглаженном халате и сразу перехватила жгутом руку, сделала мне внутривенное вливание. Убрала быстро жгут с руки и тут же сделала укол в правую ногу ниже поясницы. Через небольшой промежуток времени меня накормили, но мне ничего не хотелось, кое-как через силу покушал вкусный суп, выпил стакан киселя. От укола боль притихла, начали слипаться глаза, я медленно окунулся во что-то тёплое, ласковое и погрузился в сон.

Не помню, сколько прошло времени, проснулся от сильного толчка и сильной боли в ноге. Открыв глаза, увидел страшную картину: я лежал в кузове, рядом со мной ещё пять тяжело раненных, а над нами в небе противно гудел вражеский самолёт. Он, как будто стервятник, распластал крылья над своей добычей и быстро пикировал вниз, беря на прицел нашу машину с расчётом её быстрого движения, но наш опытный шофёр в это время резко тормозил, а сброшенные бомбы падали впереди нас. При резком торможении нас бросало то вперёд, то назад, и мы больно стукались о борта, но, стиснув крепче зубы, терпели. Два захода сделал гад над нами, но наш водитель уже много раз обстрелял и имел опыт водить машину на прифронтовых дорогах. Он спас нас от прямого попадания бомб. В воздухе показались наши самолёты, и немецкие стервятники скрылись за горизонтом. Шофёр остановил машину и, быстро взглянув в кузов, ободряюще крикнул нам: «Ну, братцы, потерпите ещё маленько! Скоро будем на станции Белый Колодец, а там рядом находится наш 117-й медсанбат, где вас примут и окажут соответствующую помощь».

Жара стояла невыносимая, солнце июльское палило нещадно, время уже клонилось к полудню. Нога сильно болела, во рту пересохло, очень хотелось пить, даже во рту языком невозможно было повернуть. Товарищ, лежавший рядом со мной, сильно стонал, от его раздирающих душу стонов сжималось сердце. Ранение у него было тоже тяжёлое, обе ноги были забинтованы до самого пояса, а через бинты большими пятнами выступала кровь. При толчке его бросило, и он головой ударился о борт, поранил кожу головы. Рана была небольшая, но она кровоточила, и кровь стекала по лицу на шею.

МЕДСАНБАТ

Машина остановилась на опушке небольшого леса. К машине подбежали санитары, быстро открыли задний борт и осторожно стали нас снимать и укладывать на носилки. Меня тоже уложили на носилки, подошёл военврач и приказал санитарам нести меня в операционную палатку. Уложили

меня на операционный стол, привязали крепко мои руки и грудь к столу, а перед лицом натянули белую простынь, чтобы я не видел, как будут делать операцию на моей правой ноге. Наркоз не сделали, а сделали вокруг раны обезболивающие уколы. Я слышал разговор врачей, они сомневались, что можно сохранить мою ногу, и говорили об ампутации. Услышав это, я категорично попросил сохранить мою ногу. Врачи приступили к операции, но когда задевали сломанную берцовую кость, было невыносимо больно, но я всё терпел. После операции меня уложили на носилки, и я увидел свою ногу, она короче не стала, врачи сохранили её, и была вся забинтована от пятки до самого пояса, на неё наложили гипсовую лангету, то есть гипс не соединён, а сделан так, чтобы его при перевязке можно было снимать. Санитары вынесли меня из операционной палатки и понесли в сторону, в отдельную хорошо замаскированную палатку.

Солнце было уже низко над горизонтом, и тени от санитаров длинно простирались по земле, а халаты их мне казались не белыми, а жёлтыми. В палатке, куда меня занесли, стояла одна койка, а сбоку тумбочка. Уложили меня на эту койку, она была застелена чистой белой простынёй, а вторая половина кровати была застелена тонкой жёлтой прорезиненной тканью, это было сделано специально, чтобы просочившаяся кровь не смогла намочить простынь.

Ко мне подошла медсестра, она склонилась и ласково так говорит: «Не расстраивайтесь, вам будет легче, будьте уверены, операция прошла успешно». Я её голос слышу, как сквозь сон, вижу лицо, но всё мне кажется жёлтым, даже халат. Я закрыл глаза, и мне чудилось всё произошедшее: то отбиваем атаку немцев, то бросаем гранаты. Всю ночь я был без сознания, бредил. Очнулся от боли в левой руке, медсестра делала мне укол. Открыл глаза, яркий луч солнца просвечивал в палатку. Тут я вспомнил прошедший день, 14 июля меня на рассвете тяжело ранило.

К моей койке подошёл врач, он улыбнулся и сказал: «С добрым утром!» В это время медсестра достала градусник у меня из-под левой подмышки и подала врачу, он посмотрел и сказал: «Пошло на улучшение, скоро отправим в полевой госпиталь», и ушёл, а медсестра стала ватным тампоном протирать мне лоб, лицо и губы. «Спасибо сестричка», – сказал я ей тихо. «Не волнуйтесь, сейчас принесу вам кушать». Ждать пришлось недолго, она тут же вернулась и принесла в обеих руках завтрак. Я через силу скушал немного куриного супа, выпил стакан компота. «Кушайте, кушайте», – говорила мне медсестра. Но мне есть совсем не хотелось: «Спасибо, накушался. У меня что-то сильно болят руки». – «Держали мы вас за руки, всю ночь вы были без памяти и сильно ругались в бреду, всё кричали: стреляй, бей гадов, видать, вам казалось, что в бою дрались. Теперь всё это позади, я вижу, вам стало лучше, температура упала на два градуса, сейчас 38 градусов». Я посмотрел на свою правую, в гипсовой лангете ногу. Медсестра перехватила мой взгляд и говорит: «Пришло время сказать правду о вашем ранении. Ногу вашу тяжело ранило осколком, берцовую кость ниже колена раздробило, но осколок насквозь не прошёл, он, скользя, ушёл где-то в стопу, а на кости оставил прожжённую царапину. Операцию сделали удачно, косточки, которые откололись, вынули, теперь вам будет легче. На вашу ногу наложили гипс до самого пояса, но его при перевязке можно снимать, это называется сквозная гипсовая лангета».

Так описали моё ранение хирурги, сделавшие операцию. Но в действительности оказалось, что в районе раздробленной кости осталось два небольших осколка. Это не вина хирургов, а уровень развития медицинской техники. Врачи не смогли обнаружить в ране осколки, так как тогда рентгена не было. Эти осколки, очевидно, отломились от основного при ударе в кость. Через несколько лет укрепляющаяся кость выдавила эти два осколка наружу, и их врачи вынули из открывшейся в ноге раны уже на малой Родине в больнице в с. Самарка. А один осколок в стопе так и остался, как постоянное напоминание об этой ужасной войне, и я его ношу по сей день, он врос в голеностопный сустав и при ходьбе задевал кость, принося нестерпимые боли, особенно в первые после ранения годы.

Четыре дня я находился в отдельной палатке. Все эти дни за мной ухаживала одна медсестра, она давала лекарство, делала уколы. На пятый день утром пришёл хирург и врач, измерили температуру, она понизилась до 37,5°. После завтрака меня уложили на носилки и понесли к станции, занесли в санитарный вагон, где положили на специально устроенную пружинистую койку. На меня навалился горячий июльский ветер, и время перемешалось в беспорядочной чехарде. В тот день я никак не мог вспомнить, какое сегодня число. Я закрыл глаза и стал перебирать в памяти, чтобы вспомнить. А в это время чьи-то мягкие, тёплые, пахнущие лекарствами руки стали прикладывать к моему горячему лбу холодный компресс.

Качнулся вагон, и стало слышно постукивание колёс на стыках, сначала редко, а потом все чаще и чаще. Наш санитарный поезд набирал скорость, в небольшие окна светило солнце, а в вентиляционные отверстия врвался в вагон горячий летний воздух. Нас накормили завтраком. Поезд двигался быстро, нас в вагоне покачивало, и я уснул.

Проснулся от боли в ноге, меня стали выносить из вагона и немного задели ногой за переборку вагона. Занесли меня в здание, оно находилось метрах в ста от станции. Пронесли коридором метров десять и занесли в комнату, которая находилась слева, она была просторная и светлая, в ней уже лежали на больничных койках 16 тяжелораненых солдат, уложили и меня на семнадцатую койку, которая стояла у большого светлого окна. В этой палате находились в основном тяжелораненые в конечности, больше половины с повреждениями ног, на которых был наложен гипс.

Через несколько минут стали приходить санитары с носилками и осторожно уносить раненых на перевязку. Подошла и моя очередь, в перевязочной комнате я узнал, что нахожусь в полевом перевязочном госпитале № 5272. Врач сказала: «Сделаем перевязку, немного подлечим и отправим вас дальше в тыл». После перевязки мне стало легче, я лежал и смотрел в окно, за которым подувал ветерок, он покачивал зелёные ветки какого-то дерева.

В этом госпитале я находился недолго. В один ясный день после завтрака к моей койке подошли два санитар, осторожно взяли меня с койки и положили на носилки, вынесли из госпиталя и уже по знакомой мне дороге понесли на станцию к поезду, который стоял на железнодорожной ветке. Поднесли к санитарному вагону и осторожно подали один край носилок в дверь вагона, там взяли и поставили мои носилки на специальное приспособление. Санитар сказал мне: «Вот на этих носилках и повезут вас дальше в тыл, эти носилки в вагоне служат вместо больничной койки».

Санитарный поезд тронулся уже на заходе солнца. Медсёстры принесли нам ужин, он был вкусный, покушал хорошо. Вагон постукивал на стыках и покачивался. Моя койка-носилки, установленная на пружинах, покачивалась без толчков, меня стала донимать дремота, глаза стали слипаться, я уснул. Разбудили меня раненые, они шумели, некоторые звали санитарку, просили подать судно, а кто-то кричал: «Давай утку!» Пришлось и мне настойчиво попросить судно. Поезд не двигался. Стоял на станции, ждали дальнейших указаний.

В вагоне появились санитары-носильщики. «Товарищи раненые, нам дали указание всех вас вынести из вагона и временно оставить на лечении в нашем полевом госпитале». Начали осторожно выносить раненых из вагона, дошла очередь и до меня, взяли меня с носилками, на которых лежал, вынесли из вагона и прямо направились к садику, там переложили на другие носилки, которые нагрелись на солнце, и я почувствовал эту теплоту. Лежал и смотрел в яркую синь неба, по которому кое-где плыли рваные тучи. Жаркое июльское солнце медленно поднималось по небу, стало припекать по-летнему. На мои носилки, на которых я лежал, немного падала тень от деревьев, и воздух был слегка прохладным, и я вдыхал его полной грудью.

Ко мне подошла женщина в белом халате, рослая, но на вид ещё молодая, брови её будто сажей наведённые, глаза карие и очень добрые. В руках держала мою историю болезни за № 1479. «Кажется, если не ошибаюсь, вы будете Цымбал И. Е.» – «Он самый», – отвечаю ей. «Тогда прекрасно, – сказала она и, повернувшись к санитарам, сказала: – тяжелораненого товарища Цымбал несите в палату № 3». Меня поднесли к зданию, которое находилось рядом с вокзалом. Прошли немного и завернули в комнату, которая находилась по правой стороне коридора. Комната просторная, светлая, в ней стояло 16 больничных коек, на восьми из них уже лежали тяжелораненые, уложили и меня на вторую койку от двери. Через полчаса все койки были заняты ранеными. В палате чисто и уютно, за окнами колыхались ветки зелёного красивого дерева. Раненые уныло и протяжно стонали. Зашёл в палату врач в сопровождении двух медсестёр, он прошёл, медленно осмотрел каждого и спросил о самочувствии, остановился на середине палаты и сказал: «Вы прибыли в наш эвакогоспиталь № 265, который находится сейчас на станции Подгорная, недалеко от города Россошь. Здесь вы долго не задержитесь. Самое большее – дней пять-шесть. Вам будут сделаны соответствующие назначения, лечение и перевязки».

Рядом со мной лежал пожилой солдат, у него было ранение обеих ног с повреждением кости. Он сильно стонал, его стон раздирал душу. После обеда из нашей палаты стали уносить раненых на перевязки, первым был унесён мой сосед. Дошла и до меня очередь, занесли меня в перевязочную комнату, в которой стоял неприятный запах гнойных ран, смешанный с запахами лекарств. После

перевязки мне стало немного легче. Когда принесли в палату, уложили на койку, на меня навалился сон, и я впервые крепко заснул.

Проснулся уже ночью, нога болела, но терпимо, и по неизвестной мне причине сильно горело всё тело, особенно бедро правой ноги и весь бок. Боль словно поднималась по телу всё выше к плечам, а к утру просто жгло всю кожу на теле. Я лежал на спине, раз за разом погружался в душный горячий сон. «А может, у меня заражение крови?» – подумал я и тут же окликнул санитарку. Она открыла дверь и из коридора спросила: «Что вам нужно?» – «Срочно позовите дежурного врача!» Через несколько минут пришёл врач, он стал прощупывать пульс. А медсестра расстегнула нательную рубашку, хотела поставить градусник и ужаснулась: «Боже мой! Посмотрите, Зинаида Фёдоровна, какие у него водяные пузыри!» Когда врач посмотрела, она заставила медсестру меня поднять. Я сел, с меня сняли рубаху, я увидел по всему телу водяные пузыри, подвид оспы, врач перехватила мой взгляд и говорит: «Не волнуйтесь, это у вас выступает противостолбнячная сыворотка, её вам многовато влили, дня через два-три пузырей не будет, и ваша кожа станет снова чистой». Осторожно смазали мне всё тело и обмотали широким бинтом. Я улёгся на подушку, а тревожные мысли набегали одна за другой.

В тот же день вечером мне стало легче, на третий день сняли бинты. Врач сказал правду: пузыри исчезли, кожа была чистой, как и раньше. На седьмой день, он был воскресным, к нам в палату пришли шесть женщин, они принесли для нас разное кушанье, даже сотовый мёд, это дорогие для нас женщины приехали с хутора Предгорное, с того самого, что мне пришлось освободить в январе 1943 года от фашистов. Женщины накормили нас досыта и своей материнской лаской согрели наши души.

В тот же день, когда было ещё светло, а солнце только наполовину скрылось за горизонтом, к нам в палату зашёл врач и две медсестры и стали спешно готовить нас к эвакуации дальше в тыл. Зашли санитары с носилками и одного за другим стали выносить из палаты. Уже почти стемнело, когда меня поднесли к станции и прямо с ходу занесли в санитарный вагон. Часа через два наш санитарный состав тронулся с места и застучал колёсами на стыках рельс, постепенно набирая скорость. На следующий день миновали станцию Лиски. Потом долго стояли на станции Балашово.

На этой станции раненых с высокой температурой выносили из вагона, а на их места приносили новых. Доехали до города Пензы, где простояли сутки. Уже было темно, когда наш санитарный поезд тронулся и, набирая скорость, часто застучал колёсами, а вагон закачался. Медсестра говорила нам, что едем в сторону Москвы. Медработники точно не знали, куда нас везут. Мы крепко спали, а когда я проснулся, то спросил медсестру: «Скоро ли доедем до Москвы?» Она улыбнулась и говорит: «Нет, скоро доедем до города Нижний Ломов, он находится в стороне от главного пути, а вернее, это тупик одной железнодорожной ветки». Некоторое время поезд двигался медленно и остановился. «Вот мы и доехали, сейчас будем выносить вас из вагона». – «А какое сегодня число и месяц?» – спросил я медсестру. «8 августа 1943 года», – вежливо ответила она.

Нас встретили работники госпиталя № 2741 – врачи и медсёстры. Всех тяжело раненных, которые не могли передвигаться, стали выносить из вагона на носилках и уносили подальше от станции на зелёный лужок, где укладывали на тёплые чистые матрасы. День был ясный, и солнышко хорошо грело. Я лежал на белом мягком матрасе и смотрел в синь неба, по которому редкие небольшие тучки плыли с запада на восток.

Солнце поднялось высоко и стало хорошо по-летнему припекать. Мне страшно хотелось пить, во рту всё высохло, языком не повернёшь. В это время я увидел медсестру, которая шла с ведром и поила раненых. Медсестра подошла ко мне, помогла мне подняться и поднесла к моим пересохшим губам кружку с живительной влагой. Я жадно её осушил, стал просить ещё, но медсестра ласково сказала: «Пока хватит».

Раненых возили одной машиной и несколькими повозками. Две медсестры подошли ко мне, осторожно взяли за плечи и ноги, стали поднимать. Я стиснул зубы, дабы не крикнуть от боли, но умелые руки медиков быстро уложили меня на носилки, поднесли к повозке и прямо с носилками уложили на неё рядом с раненым и тихонько повезли. Сначала ехали по ровной улице, потом стали подниматься вверх на небольшую возвышенность, подъехали к большому двухэтажному зданию-школе. Раньше в ней учили детей, а в войну разместили военный эвакогоспиталь № 2741. Меня занесли на нижний этаж, сначала занесли в комнату-баню, хорошо помыли, надели чистое больничное бельё. После бани занесли в просторную светлую палату, в которой стояло 14 коек, и на каждой уже лежали раненые.

На следующий день сделали хорошую перевязку, очистили рану от гноя, наложили новую гипсовую лангету (она при перевязке снимается), длина её от пятки до пояса на всю длину правой ноги. Мы получили адрес от сестры-хозяйки, и я сразу написал письмо домой, сообщил о себе и свой адрес. И началось лечение в госпитале.

Прошёл последний летний месяц, настала осень, к концу сентября я начал выходить на улицу с помощью костылей. В начале октября выдался тёплый по-летнему день, раненые устремились во двор, потом тайком разобрали отверстие в дощатой изгороди, отделявшей госпиталь от переуллка, и уходили вдоль неё в сад, который был недалеко от госпиталя, и бродили по его аллеям, залитым солнцем и посыпанным красным песком.

Опираясь на костыли, выбрался и я из своей палаты, ослабевший от долгого лежания. Потихоньку двигался по аллее и любовался пожелтевшим садом. Деревья в парке ещё не полностью сбросили свою листву, на многих ещё трепетали жёлтые и оранжевые листочки. Залетели на ветки воробышки и назойливо верещали, а напуганные грачи деловито вышагивали меж деревьев по рыжей сухой траве. Чистый осенний воздух, насыщенный запахами увядших листьев, бодрил меня и щекотал в носу. Впереди и сзади меня брели на костылях такие же, как и я, раненые, их бледные, землистого оттенка лица озарялись радостными улыбками. В своих разноцветных застиранных пижамах с наброшенными на плечи измятыми халатами, а то и просто закутанные в серые госпитальные одеяла, солдаты и офицеры тихо разговаривали, любясь всем, что их окружало: деревьями, птицами и опавшими пожелтевшими листьями, будто всё это видели в первый раз. Я тоже, присев на скамью, поставил возле себя костыли, а правую ногу в гипсе, придерживая руками, аккуратно уложил пяткой на землю и стал любоваться ясным, тёплым осенним деньком. В то же время перед моим взором мелькало прошлое довоенной мирной спокойной жизни в родном селе Малороссийка, лица матери, жены и маленького сынишки Коли, небольшой с земляной крышей дом, тихая небольшая речушка Кумая – всё, что навсегда вошло в мою жизнь.

Мои мысли прервала медсестра, она появилась в саду неожиданно, быстро шагая по дорожке, усыпанной листьями, стала звать нас всех на обед. И мы все, гулявшие в саду, один за другим, постукивая костылями, пошли в госпиталь, разошлись каждый в свою палату и стали ждать обед.

Осень подходила к концу, за окнами стало морозно, о прогулках уже перестали думать. К нам в палату каждый выходной приходили шефы: женщины с завода, а чаще ученики из школы, они нам приносили интересные книги, чистую бумагу, конверты, и мы почти каждый день писали письма домой.

Наступил 1944 год, на улице сыпал снег и дул южный ветер, но в палатах было тепло и уютно. Прошёл слух, что высокое начальство должно сделать обход палат и проверить раненых. С утра пораньше няньки и медсёстры начали убирать палату и проверять тумбочки, всё лишнее из них убирали. В правом углу нашей палаты под самым потолком обнаружилась лохматая чёрная нить паутины, на табуретку влезла длинноногая медсестра и ловила её шваброй. Медсёстры, закончив уборку нашей палаты, ушли, а нянечка начала старательно подавать кому утку, кому судно, управившись с делами, няня ушла.

Дверь нашей палаты тихо приоткрылась, первой показалась белая голова профессора, со смелой решительностью он шагнул в палату, казалось, не будет конца веренице идущих за ним медицинских работников. Со своей многочисленной свитой профессор чувствовал себя гордо и уверенно. Раненые замолкли. «Не беспокойтесь, прошу вас, – сказала медсестра, – сейчас профессор посмотрит вас и назначит дальнейшее лечение».

После осмотра профессор назначил мне перевязку и ещё человек шести из нашей палаты. После обхода профессора раненые повеселели, словно их души тронул проблеск той надежды, которая подействует скорейшему выздоровлению.

В начале января 1944 года меня перевели в пятое отделение на второй этаж. К этому времени я уже передвигался на костылях, но наступать на ногу было ещё очень больно. Однако нужно было постепенно нагружать раненую ногу, и я её начал нагружать, приучать к ходьбе, опираясь на один костыль.

В начале февраля при обходе военврач сказала, что завтра, 3 февраля, меня назначили на медкомиссию, и я с нетерпением ждал наступления завтрашнего дня. Мне уже до чёртиков надоело это длительное лечение, эти госпитальные запахи и процедуры.

Товарищи по палате, узнав о назначении на комиссию, стали поздравлять с окончанием лечения. После завтрака ко мне зашёл мой земляк Иван Михайлович Седов. Его уже комиссовали на три ме-

сяца, и он ждал меня, чтобы ехать домой вместе. Иван Михайлович часто заходил ко мне в палату, мы вместе читали стихи, написанные выздоравливающими солдатами нашей пятой палаты. Вот один из них:

ВОЕННЫЕ КОСТРЫ

Разгорались военные костры,
Согревая усталых солдат,
Что из боя с победой пришли,
Когда Харьков был приступом взят.
Военные костры,
Их удивительный свет
Сразу увидела
Вся трудовая планета.
Вихри враждебные
Тяжких немыслимых лет
Не погасили нашего света.
Костры военные,
Вы как знамёна в боях.
Вас разжигали в холодные ночи.
Пламенем своим
Согревали вы тело солдат,
Душу, сердце и очи.
В годы войны
После трудных боёв
В стужу, в метель
Согревались мы вами
Ведь в полыханье солдатских костров
Ваше светилось бессмертное пламя!
Сколько дорог нам пройти довелось,
Счёт потерян смертоносным атакам,
Чтоб ваше пламя потом вознеслось
Стягом победным над вражьем рейхстагом!
Мы храним в себе тот негаснущий свет
В военные годы, зажжённые нами,
Пламя взлетающих в небо ракет,
Наши костры и военное пламя!
Холод и мрак подмосковных ночей,
Костры у траншей согревали солдата.
Костры пионерские после победы в войне –
Костров военных солдатские внучата!

Наступил долгожданный день 3 февраля 1944 года. После завтрака меня вызвали к начальнику госпиталя. Я обрадовался, взял костыли и попрыгал по коридору, зашёл тихонько в кабинет врачебной комиссии. «Как самочувствие, товарищ Цымбал?» – спросил врач. «Нормально», – стараясь держаться как можно бодрее, ответил я. «Так-так, – неопределённо сказал начальник госпиталя. – Ну-ка, поставь костыли и пройдишь без них по комнате, посмотрим, как это у тебя получится». Несмотря на то что меня подташнивало от слабости и боли в правой ноге, я уверенно шагнул вперёд без костылей. Но сильно хромал, так как в кости ниже колена и в голеностопном суставе остались осколки и ступня не сгибалась. «Хорошо, – говорит врач, – будем считать, что ходить будешь, но ещё не скоро. А теперь покажите вашу раненую ногу». Медсестра подошла и стала меня поддерживать, врач осторожно взял мою ногу и ладонью провёл по нежной розовой коже затянувшихся рубцов раны, повторяя: «Так, так. – Старательно ощупал раненую ногу и наконец сказал: – Сегодня мы вас комиссуем».

Вечером того же дня я уже знал, что мне дали инвалидность второй степени на полгода и направляют домой. Радости не было предела, уже перед глазами рисовался родной дом и близкие сердцу родные мать, жена и сынишка Коля.

ДОМОЙ

Через сутки я уже сидел на нижней полке вагона и держал между ног прочные деревянные костыли. Рядом со мной сидел мой земляк – Иван Михайлович Седов. Он ждал меня две недели. Мы из одного села, поэтому он и ждал меня, чтобы ехать вместе.

Небольшой городок Нижний Ломов Пензенской области, где я пролежал в госпитале более полугода, остался позади, вагон покачивался, а колёса отстукивали километры, приближая нас к родному дому.

На следующий день наш поезд остановился у вокзала города Пензы, где простояли более часа. И вот мы снова в пути, в покачивающемся вагоне. За окном уже была ночь. Мы улеглись на полки и, несмотря на то что они были жёсткими, по фронтовой привычке не обращали на это внимания и уснули крепким сном.

Проснулись, когда солнце уже показалось из-за горизонта. Наш поезд стоял на станции Сызрань. Я с Иваном Михайловичем Седовым вышли из вагона посмотреть вокзал и подышать свежим воздухом. Послышался протяжный гудок нашего паровоза, и мы поспешили в свой вагон. Поезд тронулся и, постепенно набирая скорость, стал всё чаще и чаще стучать колёсами на стыках чугунных рельсов, немного замедляя ход только на разъездах. Мы вытащили из вещмешков продукты – продпаёк, выданный на время в пути, положили на столике, проводник вагона принёс нам горячий душистый чай, и мы хорошо сытно позавтракали.

После завтрака уселись около окна и стали в него смотреть: поля проплывали, чередуясь с пролесками, показалось село, его ровные улицы с красивыми домами, крыши которых покрыты шифером, у каждого дома много фруктовых посадок. Село осталось позади, и снова поля и поля. Мы сидим молча, наши мысли обретают крылья и, подобно соколу, парят в белизне полей и синеве высокого неба, напоминая нам: где мы и куда держим путь. Мы молчали, погрузившись в думы.

Вот уже третий день наш вагон покачивается на чугунных рельсах, кажется, что он стоит на месте, на самом же деле движется и движется вперёд, несёт нас всё ближе и ближе к нашему дому, а там нас ждут родители, жёны, дети. Иван Михайлович, заметно по его скучному виду, устал качаться под крышей вагона, да и я за эти дни дороги сильно переутомился. Мысль наша о скором свидании с родными радовала нас, и мы потихоньку затаили фронтовую песню: «Три танкиста, три весёлых друга, экипаж машины боевой».

Время пролетало незаметно, мы подъехали на станцию Чапаево, и наш поезд остановился. Проводница объявила, что простоим около двух часов. Мы вышли из вагона, опираясь на костыли, стали прогуливаться по перрону. Прогулявшись, да и устали прыгать по бетону, пошли в свой вагон, улеглись на жёстких полках и стали отдыхать. Я долго лежал, смотрел в потолок вагона и не помню, как уснул.

Проснулся, долго лежал с открытыми глазами, вагон колыхался и двигался вперёд. У меня в голове начала плестись паутина воспоминаний о доме, ведь три с лишним года как я не видел маму, жену Надю и сынишку Колю. Но почему-то больше всех я вспоминал маму. Ох, мама, мама! Я помню твои ласки, твои руки с того момента, как я стал помнить себя на свете. Твои руки, мама, за лето покрывались загаром, он не сходил за зиму – он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнея на жилочках. Я помню твои руки, не сгибающиеся, красные, застывшие от холодной воды в речке Куме, где ты зимой в проруби полоскала бельё, когда мы жили до войны. И ещё я помню, как незаметно, без боли, могли руки твои вынуть занозу у меня из пальца. Я видел, как твои руки быстро штопали мои брюки. Но больше всего на веки вечные запомнил я, как нежно гладили руки твои, они такие чуть шершавые и такие тёплые и прохладные, как они гладили мои волосы, шею, грудь, когда я в полусознании лежал в постели после сердечных приступов от взрывных работ на шахте. И когда бы я ни открыл глаза, ты всегда была возле меня, и керосиновая лампа чуть блестела в комнате, и ты смотрела на меня своими запавшими глазами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, хорошая моя мама.

Мои мысли перебил проводник вагона, он принёс чай. Мы не спеша достали сухой паёк и стали ужинать. После ужина поговорили с попутчиками нашего вагона, которые рассказали нам о своей тяжёлой жизни в годы войны. Улеглись, скатав и положив под голову вещмешки, укрылись шинелью, так проспали всю ночь на голой и твёрдой полке. Остался позади город Куйбышев, миновали Златоуст и на пятые сутки прибыли в город Новосибирск, где нам с Иваном Михайловичем предстояла пересадка.

Вышли из вагона, на перроне нас встретила девушка и предложила всем тяжелораненым, которые ехали домой в этом поезде и им предстояла пересадка на другие поезда или автобусы, следовать за ней на вокзал станции. Она нас провела на второй этаж, где нас всех покормили горячим обедом, был полдень. Вечером нас посадили в другой вагон нового маршрута, который следовал по маршруту Новосибирск – Ташкент. Разместились также в жёстком вагоне на голых полках, перед сном поужинали и залегли спать. При покачивании вагона и однотонном стуке колёс на стыках быстро уснул крепким солдатским сном. Позади нас остался город Барнаул, впереди скоро покажется Семипалатинск.

Я и Иван Михайлович долго сидели возле окошка и смотрели, как за окном мелькают зелёные сосны, местами на их ветках шапками лежал снег. Сосновый лес стал редеть, то далеко, то ближе стали показываться луга и поля, а через несколько минут лес остался позади. Иван Михайлович отвернулся от окошка, тронул меня за плечо и говорит: «Вот мы и подъехали к последнему областного значения городу на нашем пути к дому, теперь даёшь Жангиз-Тобе и прощаемся с этим вагоном, а дальше будем добираться на машинах и лошадях». – «Да, Иван Михайлович, это верно».

К обеду клонилося время, когда паровоз дал длинный раздирающий душу гудок. Слева в окошке показалась станция Жангиз-Тобе. Сильно застучало сердце в моей усталой за дорогу груди. Я не сказал, а просто во весь голос закричал: «Иван Михайлович, давай берём все вещи и пошли, наша станция! Теперь мы скоро дома!» Хотя до нашего родного дома было ещё около 250 километров.

Когда шли к выходу по вагону, было слышно, как гудел сильный ветер. Только мы ступили на перрон, тут же на нас налетел страшный штормовой ветер (по-местному его называют бураном) – просто жуть! Даже солнца не было видно, несмотря на то что оно уже поднималось к середине неба. От сильного порыва ветра мы с Иваном Михайловичем едва держались на ногах, чтобы кого-нибудь не свалило, мы один другого поддерживали, а другой рукой заслоняли лицо, в которое сыпал жгучий, смешанный с песком снег. С трудом дошли до вокзала, вошли в него, нас сразу обдало уютным теплом. Сняли с плеч вещмешки и присели на жёсткий диван, не успели оглядеться, как к нам подошёл человек в военной форме по званию старший лейтенант. Левый его рукав был пустой и для удобства затянут под пояс. Лейтенант поздоровался и пригласил нас следовать за ним, мы немного прошли по вокзалу и зашли в комнату. Она специально предназначалась для раненых, которые ехали из госпиталей домой. Усадил нас на диван и сказал: «Сейчас вам принесут сухой паёк, а затем помогут добраться до машины, которая вас довезёт до райцентра Георгиевка».

Мы знали, что из Москвы во все инстанции был разослан приказ о всемерной безотказной помощи всем раненым бойцам, возвращавшимся с фронта. Всех бойцов обязаны были бесплатно доставлять по маршруту их следования, а в населённых пунктах выдавать продовольственный паёк на время движения до очередного места пересадки по пути к дому.

Принесли нам по буханке хлеба, по одной банке тушёнки и немного колбасы. Всё это уложили в мешок, плотно завязали, а через полчаса мы уже были возле бортовой машины. Нам помогли на неё взобраться, подали палки-костыли. «Ну, счастливого пути», – пожелали нам две женщины, которые провожали нас до машины. «Спасибо», – в один голос ответили мы. В кузове лежала большая, плотная, зелёного цвета палатка, мы укрылись ею так, чтобы ветром не заносило снег. Взревел мотор, машина двинулась, набирая ход.

Ветер не стихал, а по-прежнему свистел, гудел и забрасывал в кузов снежную пыль. «Сколько до Георгиевки километров?» – неожиданно спросил у меня Иван Михайлович. «Как мне помнится, не более тридцати», – ответил я и подумал: – Добраться бы засветло». Как будто бы услышал мои мысли Иван Михайлович и уже тихим голосом сказал: «Хорошо бы доехать засветло, чтобы своевременно найти ночлег». Мы плотнее прижались друг к другу, машина по ровной шоссейной дороге покачивала, мы начали дремать. Брезент своими концами похлопывал о борт кузова, мы его придерживали руками, боялись, чтобы ветром не сорвало его. Ноги, чтобы не замёрзли, подогнули под себя.

До нашего слуха дошли звуки человеческой речи и лай собак. Машина заскрипела тормозами и внезапно остановилась. Шофёр хлопнул дверцей и громко крикнул нам: «Что вы там, не замёрзли? Вылезайте, приехали!» Сбросили с себя брезент, подали мешки, взяли в руки костыли, спустились на дорогу, ветер дул, но уже тише, а мороз усилился. «Ну вот, всё, – сказал шофёр, – довёз, куда было мне приказано, теперь ищите ночлег, а завтра утром идите в райвоенкомат, который обязан отправить вас дальше».

Надели на плечи вещмешки, опираясь на костыли, и неуверенной ещё походкой зашагали по улице. Солнце садилось за горизонт, его красные лучи уже освещали только вершины деревьев и крыши домов. Зашли в один двор, отказали, в другом тоже не оказалось мест, и так мы прошли более десяти дворов, и все дали от ворот поворот, стали промерзать ноги. Выбрали дом получше и пошли напролом, по-солдатски.

Зашли в избу, поздоровались, сняли мешки, разделись, шинели и шапки повесили на вешалку, которая тут же была в первой комнате. Старуха и старик молча стояли и смотрели на нас, переводили взгляд друг на друга, как бы изучали нас. Иван Михайлович ласково говорит: «Мы у вас, уважаемые хозяева, переночуем, а завтра уйдём, видите, после тяжёлого ранения нас отпустили домой на поправку, у вас тоже, наверное, сыновья на фронте?» – «Два сына», – одновременно сказали они и тут же захлопотали насчёт ужина. Хорошие оказались люди. Спали хорошо, а утром хозяева покормили нас горячим завтраком. Поблагодарили за ночлег и гостеприимство, надели вещмешки, вышли со двора и пошли к райвоенкомату. Подошли вовремя, на дороге напротив райвоенкомата стоял грузовик, к нему шагали двое в полушубках белого цвета и военных серых шапках с красными армейскими звёздочками. Мы добавили шагу, подошли вплотную. «Вам куда?» – спрашивает один из них повыше ростом, он оказался военкомом. Мы быстро показали документы, военком проверил их и с улыбкой сказал: «Молодцы! Подошли вовремя! – Возвращая нам документы, показал рукой на кузов, сказал: – Полезайте, – и тут же помог нам забраться, подал мешки, – вас машина довезёт до села Кокпекты».

Машина тронулась, незаметно выехали за село. Справа рядами стояли высокие стройные осины, их голые вершины пошатывались от ветра, ветер продолжал дуть, правда, намного тише, чем вчера, но, позёмка, пересекая шоссе, струйками белых полосок ползла через дорогу. Мы уже втроем уселись и прижались друг к другу, натянули брезент на голову, прикрыли хорошо ноги, под свист ветра и покачивание машины стали дремать. Я от шума тракторного мотора и громкого разговора людей проснулся, открыл немного брезент, приподнялся, глянул через борт, было небольшое село Николаевка, опять спрятался под брезент, прислонился к другу, сложил руки, прижал их к груди и погрузился в дремоту.

До моего слуха явственно донёсся звук, совершенно не имеющий никакого отношения к звуку мотора нашей машины, которая сбавила ход и двигалась на средней скорости. Я высунул голову, приподнялся и увидел слева машину, буксовавшую в сугробе снега, переметённого через дорогу. Мои друзья тоже поднялись, непостижимо крутящиеся снежные вихри, злая позёмка, всё точно так же, как ветер дул на станции Жангиз-Тобе. Вдруг наша машина остановилась, но мотор сердито ревел, колёса вертелись под нами, но вперёд не двигались, буксовали в снегу. Шофёр вышел из кабины и крикнул нам: «Всё! Дальше хода нет! Впереди Байбура!» (Байбура – это перевал через отроги Тарбогатайского хребта. Этот перевал, находится между склонов гор, образует между ними своеобразную естественную трубу и славится жёстким нравом. При прохождении циклона там возникает сильный ветер.)

Байбура уже играет и свистит во всю свою силу, метёт снег. Дорогу перемело, мы срочно возвращаемся назад. Но нам назад нельзя, мы двигаемся только вперёд к намеченной цели: домой! Шофёр немного подумал и говорит нам: «Вон сто метров в стороне находится заимка овцефермы, там я заметил подводы, они, наверное, везут груз в Кокпекты, ночуйте и завтра можете с ними уехать, а машины теперь дня два-три не пройдут, и то если затихнет ветер».

Нам деваться некуда, решили ночевать, набросили на плечи свои вещмешки и зашагали к заимке, ветер дул нам в спину и помогал двигаться по заметённой снегом дорожке. Раны давали о себе знать, мы с Иваном Михайловичем с трудом переставляли больные ноги, упираясь костылями. Наш товарищ был ранен в руку и шагал впереди, указывая дорогу. Подошли вплотную к избушке, она небольшая, низкая, с глиняной крышей и стояла вплотную к базе. Мы в неё кое-как втиснулись, там было тесно и грязно, но всё же не на улице, а в тепле. Вынули из мешка по куску хлеба и колбаски, казах налил в касешки кипятку, и мы аппетитно поужинали. Завязали мешки, положили к стенке и прилегли

рядом. От утомления и холода быстро уснули, но наш сон был коротким, разбудили блохи, они так усердно начали нас кусать, что мы не знали, на какой бок повернуться. Извозчик и наш товарищ тоже ворочались, не находя себе места. Сон ушёл, его как рукой сняло, пришлось лежать и обеими руками ловить блох, и так до утра. Поднялись рано, ещё звёзды не начали гаснуть. Извозчики вышли и стали запрягать в сани верблюдов, всего их было десять повозок, а мы тем временем перекусили и собрались в дорогу.

Один за другим извозчики вывели верблюдов, запрягли в сани и выстроились в колонну. На первой повозке был возчик пожилой, с седой, заострённой книзу бородкой, видно было, что он старший над извозчиками, дал им указание, подошёл к нам и сказал на ломаном русском языке: «Садись, солдат, по одному человеку на каждый сани». Товарищ, раненный в руку, пошёл вперёд, Иван Михайлович уселся впереди меня, а я уселся на задние сани, на них поверх груза лежали объёдки сена, шуба из бараньей овчины, уже старая, видевшая не один год стужу, и на ней я насчитал более десятка нашитых заплат. Я натянул её на себя поверх шинели, а нижнюю полу подвернул и сел на неё. Колонна двинулась, а позёмка свистела, свирепое жгла холодом и пронизывала насквозь. Как хорошо, что я и мой друг в Жангиз-Тобе обменяли совершенно новые военные ботинки на валенки. Один старик, спасибо ему, принёс и предложил, валенки были хорошие, просторные, хотя старые, но хорошо подшитые. И вот я сижу, а на душе радостно, что на мне такая тёплая обувь, а если бы не обменяли, то в ботинках пришлось бы тяжело при таком сильном холодном ветре, да и в мороз 25 градусов не усидел бы, а пришлось бы продолжать путь на одной ноге, так как раненая ещё болела, когда на неё наступал.

Это хорошо, что мы ехали на санях, запряжённых верблюдами, это животное выносливое, да и они не проваливаются на твёрдом, сбитом ветром снегу, у них лапы широкие. Мы с Иваном Михайловичем не ошиблись, что решили ехать в такую свирепую погоду через этот участок пути, где свирепствовала Байбура. Кто проезжал этот перевал в бурю, тот знает, как сильный ветер метёт позёмку снега, смешанного с песком. У нас вся надежда была на верблюдов и их погонщиков-казахов. Они опытные, и своей уверенностью, что проедем Байбуру до Чёрного ключа, а там будет тихо, убеждали нас, и мы верили им. Я сидел, прикрытый сверху тулупом, который дал мне пожилой казах, и мысленно успокаивал себя, что доедем до Кокпектов без происшествий.

Грозная свирепая пляска метели внезапно оборвалась, только позади ещё был слышен её шум. Впоследствии мне ещё не раз пришлось испытать на себе нравы Байбуры, когда работал межрайонным контролёром связи. Иван Михайлович, сидевший впереди на санях, обернулся, скинул с головы кожух и весело крикнул: «Иван Елисеевич, метель кончилась! Наверное, Байбура осталась позади!» Я посмотрел по сторонам, оглянулся назад и заметил, что Чёрный Ключ уже остался позади, мы спускались с последнего увала, он не сильно крутой, но длинноватый, почти до самых Кокпектов, и расстояние немалое – около десяти километров.

Дорога на этом участке была в небольших сугробах, которые белели гребнями, перетянутыми поперёк дороги. Над нами ветер утихал, но зато позади нас на Байбуре, в мутной дали на сопках бушевала метель. Тысячи снежных вихрей кружились в дьявольской пляске и мчались на сумасшедшей скорости северного ветра. Постепенно мы стали удаляться от гудящей Байбуры, верблюды пошли быстрее, дорога стала легче, и ветер стихал.

Солнце уже опускалось за курчавые невысокие сопки, когда мы подъехали к селу районного центра Кокпекты. Проехали деревянный мост, свернули влево на первую улицу, транспорт остановился, нам предложили слезать с саней и искать себе ночлег, дальше уже нам не по пути.

Зашли во двор одной избы, она была невысокая с глиняной крышей. Зашли в избу, в ней было прохладно, на печке, прижавшись друг к другу, сидели трое ребятишек, старшему лет восемь, мы спросили: «Где ваша мама?» – «Она работает в колхозе, скоро придёт», – ответили нам ребятишки. Недолго пришлось ждать, хозяйка открыла дверь, шагнула через порог, увидев нас, разинула рот, так и стояла, смотрела на нас, а её карие глаза наполнялись слезами.

Мы, не дожидаясь её слов, разом сказали: «Здравствуй, хозяйюшка, мы едем домой, раненные. Пустите нас переночевать». – «Ой, господи, что мне жалко избу? Пожалуйста, ночуйте, одно плохо, что у нас даже поужинать нет хлеба! Но это ничего, у нас в колхозе всем, кто приезжает раненый, выдают по одному килограмму хлеба и 500 грамм мяса». – «А контора ваша далеко? Я пойду сейчас и получу». Хозяйка подтопила плиту. Я пошёл, взяв с собой свои документы и Ивана Михайловича. Девочка постарше пошла со мной на улицу и показала мне, где контора и склад. Долго меня не задержали,

получил булку и хороший кусок мяса, принёс и отдал всё это хозяйке, она сварила хороший картофельный суп, которого хватило поужинать всем. После ужина вышли во двор покурить, уже была непроглядная ночь. Зашли в избу, а хозяйка уже постелила нам немудрёную постель на полу. Мы разулись, улеглись, накрылись шинелями и быстро уснули. Утром мы проснулись от стука, хозяйка уже хлопотала возле плиты, она готовила завтрак. В избе было теплым-тепло. На припечке стояла лампа, её огонёк едва-едва освещал комнату.

Долго мы не залёживались в постели, поднялись, обулись в свои тёплые подшитые чёрные валенки, они были сухие, хозяйка подсушила их, оделись и вышли на улицу, начинало светать, от холода пробирала дрожь, день предвиделся ясный, но морозный. Когда вернулись в избушку, то завтрак был готов: суп с мясом и картошкой да чай, заваренный листом малины. После завтрака нам хозяйка посоветовала выходить за мост речки на трактовую дорогу, где много проходит подвод, идут часто целые обозы. Мы послушались её совета, так и сделали. Поблагодарили хозяйку, оделись, закинули за плечи немудрёные солдатские зелёного цвета мешки, поправили ремни и зашагали, опираясь на костыли.

Солнце поднялось не очень высоко, когда мы дошли до дороги, нигде не было видно подвод, стоять было холодно. Февральский мороз с небольшим, но холодным ветерком залезал под шинель и холодил спину, и мы решили потихоньку шагать. Дорога была твёрдая, хорошо наезженная, костыли не проваливались в снег. Прошли с полкилометра и увидели, сзади приближалась повозка, конь, запряжённый в добротные сани-кошёвку, в которой был виден один человек. Мы уже и обрадовались: вот мы и доедем до Большой Букони, я поднял руку, но, смотрю, извозчик стал гнать лошадь быстрее, когда он приблизился к нам, то остановить мы его не смогли, он чуть нас не сбил, проскочил мимо. Мы крепко выругались, погрозили костылями, но он уже был далеко, от досады закурили. И чтобы не продолжать этих, бог знает каких нахлынувших на нас мыслей, я махнул сам на себя рукой, как бы отгоняя скверные размышления, и спросил Ивана Михайловича: «А что, ты мог бы выстрелить в этого промчавшегося мимо нас ездового?» Он помолчал и сказал серьёзно, не задумываясь: «Такого вредного смог бы и убить».

Я обернулся и стал с надеждой смотреть в сторону моста. Со стороны села Кокпекты показалась подвода, сначала одна, а затем ещё и ещё двигались повозки саней, на каждой из них виднелся груз: какие-то мешки, а на многих чернели бочки. Мой друг тоже увидел обоз, ну вот, дождались, теперь наверняка уедем. Подводы приближались быстро, после ночного отдыха лошади шагали быстро и кое-где переходили на небольшую рысцу. Мы посторонились и подняли руку, первая повозка, поравнявшись с нами, остановилась. На санях сидел пожилой казах, мы поздоровались, он ответил на ломаном русском языке, и тут же спросил: «Что, ранен? Домой шагаем?» – «Да, домой. Подвезите нас до села Большая Буконь», – говорю я ему. «Можно, только мы в село не поедем, а заедем на ферму № 3. Садись, довезём, а там село близко, всего пять вёрст».

Мы с радостью расселись, я сел на сани, где были мешки, Иван Михайлович тоже выбрал сани с мешками, где не было седоков, и поехали. День разгорался, февральское солнце немного стало пригревать, ехать было можно. Дул не очень сильный северный ветерок, он особенно стал чувствоваться, когда мы проехали до первого поворота и стали подниматься на подъём около двух километров длиной. Дорога в некоторых местах, а именно её левая сторона, была незначительно засыпана хрустящим под полозьями снегом-ползуном, нанесённым ветерком.

Я повернул спину против ветра, а спереди лицо и грудь подставил солнцу, которое немного пригревало. Незаметно выехали на увал, и дорога пошла под уклон, лошади перешли на небольшую рысцу. Впереди с левой стороны показалась ферма № 3 – отделение совхоза «Чигилек», до неё было километра три, но она хорошо просматривалась, домов в ней было не более двадцати.

Радостно становилось на душе, когда мы подъехали к ферме, теперь нам осталось преодолеть каких-нибудь пять километров, и уже созрел вопрос, как преодолеть это расстояние, чтобы до захода солнца быть в селе Большая Буконь.

Когда подъехали к общему двору фермы, нас встретил бригадир, он был одет в полушубок, изрядно поношенный, на голове была тёплая, из бараньей мерлушки чёрного цвета шапка, из-под которой были видны пряди седых волос. Он подошёл к нам, снял тёплую, из овчины рукавицу, протянул мне, а потом моему другу мозолистую, но тёплую руку, поздоровался душевно и спросил: «Дорогие воины, далеко следуете, в наш район или дальше?» Мы ответили, что недалеко, в село Малороссийка, а это уже близко.

Я попросил его отвезти нас в Большую Буконь. Он, не задумываясь, ответил: «Это сделаем, а если вам можно ехать верхом, то вот сейчас туда угоняют 16 лошадей, пожалуйста, садитесь на самых смирных лошадей и езжайте, только сёдел нет». Нам долго думать не пришлось, надели свои котомки, я сел на карего, он был самым смирным, а Иван Михайлович уселся на гнедого, и мы поехали. На ходу уже поблагодарили бригадира, даже не узнали его имя и фамилию. Ехать верхом без привычки было трудновато, но лучше, чем пешком, лошади шли быстро. Ребята, сопровождающие лошадей, один русский, второй казах, а им ещё не было и по 15 лет, нас подбадривали и расспрашивали о фронте. Мы рассказывали и в разговорах незаметно подъехали к селу.

Проехав немного по улице, мы остановились, здесь нам нужно было слезать с лошадей, поблагодарили ребят, они уехали, а мы свернули вправо и зашагали по улице. Затёкшие ноги сначала плохо слушались, опираясь на костыли, мы двигались к дому, в котором жила моя тёща – Анастасия Васильевна Калачёва. Чем ближе подходили, шагать было легче, ноги, давно не видевшие тепла и уюта, сами торопили нас. Совсем близко, вот он, рукой подать, дом с плоской глиняной крышей с покосившейся изгородью и воротами.

Мы подошли вплотную к воротам, я тихонько открыл калитку и шагнул во двор, пропустив товарища, и так же тихо её закрыл. Слева два небольших окна, их стёкла затянуты белым, почти непроницаемым инеем. Прошли во двор, остановились, сени были закрыты. Я посмотрел в одну сторону двора, а затем в другую, никого не было видно, вдруг из-за сеней выскочила собачонка и стала сердито на нас лаять. В это время открылась в сенях дверь, на пороге в проёме двери показалась моя любимая тёща, Анастасия Васильевна. Она увидела меня, сразу заулыбалась, в её глазах переливались блёстки, потом они наполнились слезами, и они, капля за каплей, покатились по её уже изрядно покрытому морщинами лицу. Она протянула руки вперёд и повисла на моей шее, приговаривая: «Мой ты родной, как долго мы тебя ждали. – И вдруг как будто чего-то испугалась, убрала руки и скороговоркой сказала: – Заходите в избу». А сама почти бегом побежала в сенцы и открыла дверь в избу.

Мы зашли в избу, прикрыли за собой дверь, тёща прошла по скрипучему полу, села на лавочку возле стола и, не переставая, говорила: «Да вы проходите, раздевайтесь, я сейчас согрею чайку. – Потом немного призадумалась и тихо сказала: – Да вот уж не обессудьте, наверное, хлебушек закончился. Ну, ничего, я сейчас соскребу в закроме мучицы и спеку оладьи».

Но мы раздеваться не стали, а попросили показать нам, где находится кладовая колхоза. Пока ещё не зашло солнце, мы сходим и получим продукты, которые мы имеем право получить, как раненые солдаты. Анастасия Васильевна ничего не сказала, поднялась со скамейки, утёрла слезу вынутым из кармана платочком и, тихонько ступая, пошла к дверям, не доходя до порога, повернулась и говорит: «Пойдём, я провожу вас к складу». Я взял вещмешок, и мы втроём вышли на улицу. Солнце уже катилось к горизонту и было красно-оранжевое, мороз стал заметно усиливаться, и мы, насколько могли, прибавили шаг.

Подошли к конторе, и нам повезло. Нам навстречу шёл председатель колхоза, тёща его остановила и представила нас. Мы предъявили документы, председатель бегло посмотрел их и сказал: «Идите на склад, вам выдадут положенный для проезжающих раненых солдат паёк. Гражданка Калачёва знает, где кладовая, и проведёт вас туда».

Мы получили почти два килограмма хлеба и полтора килограмма жирного говяжьего мяса и уже через полчаса были дома. Разделись и присели на скамейку, стоявшую возле стены. Из передней комнаты к нам подошли родные сёстры жены Нади: Нина, Зина, Мария и Тамара, а также её брат Евгений. Мы поздоровались, и они наперебой стали рассказывать о своей жизни и расспрашивать нас о войне, о фронте, где и как ранило.

В это время тёща Анастасия Васильевна готовила ужин, Нина растопила плиту, а Зина с Марией стали помогать матери готовить пельмени. Поужинали хорошо и сытно, девчата забрали пустую посуду и ушли в угол её мыть, а у Анастасии Васильевны в душе будто что-то поосело. Она была какая-то рассеянная, порывалась кое-что делать по дому, а в руках было какое-то онемение, ни тряпка, ни веник у неё в руках не держались. Я смотрел на неё, и мне стало её жалко. Подошёл к ней, нежно тихонько обнял за плечи и ласково сказал: «Присядь, мамаша, возле нас, передохни, расскажи нам о своей жизни в тылу».

«Да разволновалась я что-то, часто наплывают разные тревожные мысли, да и сны разные снятся, всё думаю, как там, на фронте, мой первенец Костя, уже, может быть, и не живой, убит, и тело его

даже некому в землю зарыть, вороньё, поди, объедает. И вот от этих дум муторно становится на душе, и сердце покалывает, да и голова часто стала болеть».

Анастасия Васильевна, пошатываясь, подошла к нам, села на скамейку и стала, не торопясь, рассказывать о жизни, натруженные свои руки со вздутыми посиневшими венами положила на свои худые колени. «На моих плечах ещё пятеро детей, хотя старшие уже помогают, но всё равно хлопот с ними много. Нужно всех накормить, одеть и обуть, да ещё и учить. Очень тяжело мне приходится в эти военные годы. Кое-как перебиваемся, живём впроголодь, но пока ещё от голода не пухли, обошлось, хотя по весне приходилось мёрзлую картошку на поле собирать. Тёрли её, да оладьи потихоньку пекли на сухой, без масла сковороде. А когда земля прогревалась и появлялась зелень, собирали разную траву – щавель, крапиву, одуванчики, полевой лук, чеснок – и варили из неё супы, добавляя немного картошки. Летом сынок Женя из речки не вылезал, ловил рыбёшку, она была хорошей добавкой к нашему питанию. Вот так и живём», – закончила свой рассказ Анастасия Васильевна и глубоко вздохнула. «Да, невесёлая жизнь в тылу, – подумал я и, чтобы подбодрить тещу, сказал ей: – Верь, Костя живой и скоро вернётся. Вот разобьём фашистов, и жизнь будет прекрасной».

Спать легли поздно. Мы с другом разлеглись по-домашнему, в мягкую постель, и спали крепким сном. Проснулся я от скрипа саней за окнами, прислушался к голосам и угадал, прежде чем увидеть, теща уже пригнала лошадь, запряжённую в сани, чтобы на этих санях везти нас домой в родную Малороссию.

Анастасия Васильевна вошла в избу, когда мы уже были полностью одеты и обуты. Позавтракали подогретыми пельменями. Взяли вещевые мешки и вышли во двор. Лошадь ожидала нас в готовности к не ближнему пути – до Малороссии по существовавшей дороге было более 35 километров. Мы уселись в сани, теща в роли кучера взяла вожжи, и мы тронулись в путь. Лошадь шла весело, но эта гнедая лошадь, по кличке Гнедко, была такой худой, что на ней можно было пересчитать все рёбра.

Выехали из села Большая Буконь, Гнедко шагал умеренным шагом, но на рысь разогнать его было нельзя, уж очень он был замученным. Проехали мы всего 18 километров, солнце клонилось к вечеру, а наш Гнедко уже кое-как переставлял ноги. Мы проехали колхоз им. Димитрова, лошадь уже не в силах была тянуть сани. Дорога пошла в гору, я с другом на костылях пошли позади саней. Анастасия Васильевна тоже шла пешком, подгоняя кнутом лошадь, но она часто останавливалась и отдыхала. На первую гору мы въехали, когда солнце уже скрылось за горизонтом, а до нашего села ещё было 10 километров. Мы подошли к саням, мама невесело присела на задок саней и, извиняясь, говорит: «Через километр будет заимка, где зимуют овцы, придётся там переночевать, покормить лошадь, она отдохнёт. А завтра утром поедем дальше». – «Конечно, – согласились мы, – лошадь совершенно выбилась из сил. Она едва тянет пустые сани и хотя бы дотянула до заимки».

Мы въехали на очередной не крутой, но длинный подъём, дальше дорога пошла под гору, мы сели в сани и проехали метров двести, потом одолели ещё один подъём. Стало совершенно темно, лошадинка наша пошатывалась и уже едва держалась на ногах. Анастасия Васильевна уже стала подталкивать сани, последние метров триста мы двигались черепахой скоростью. Подъехали к избушке чабанов, нас встретили две собаки громким лаем. На их лай вышел хозяин заимки, широкоплечий, среднего роста казах, его седая клинышком борода была видна в темноте. Мы поздоровались, он подошёл вплотную, посмотрел на нас, как бы изучая непрошенных гостей, и на ломаном русском языке сказал: «О, раненый солдат, айда, айда в изба, а я лошадь распряжём и дадим воды и сена».

Мы зашли в полутёмную грязную избушку, на полу была расстелена кошма, у стенки стоял сколоченный из досок топчан. На нём лежал тоже пожилой казах, его подушка была грязно-серого цвета, и он спал крепким сном уставшего человека.

Вошёл встретивший нас старик, снял с плиты ещё тёплый чайник и предложил нам чай. Мы достали краюху хлеба и выпили по касешке чаю, забелённому овечьим молоком, и легли спать одетыми и обутыми прямо на кошме. Уснули быстро, но сон наш скоро прекратился, спать не давали перешедшие с кошмы к нам блохи. Я проснулся и уже не мог уснуть. В избушке было тепло, под плитой сверкал огонёк, он не затухал всю ночь.

Было ещё темно, когда мы встали и засобирались в путь. Старик-хозяин тоже встал, пошёл на улицу, а через полчаса пришёл и сказал, что «лошадь поил, мало, мало апса дал, можна ехать». Я сел на кошму и стал стягивать валенок с раненой правой ноги. С чувствительной болью снял валенок, развязал бинт. Нога была немного опухшая, а стопа опухла сильно и имела синеватый оттенок. Я не-

много её протёр, сделал массаж, снова забинтовал, чтобы не нарушить зарубцевавшиеся нежной кожей раны, и надел валенок.

Старик угостил нас баурсаками и выпили чаю. Поднялись как по команде и вышли на улицу. Лошадь стариком уже была запряжена в сани. Мы поблагодарили его за ночлег, угощения и кормление лошади и тронулись в путь. На востоке едва забрезжил наступающий рассвет. Сразу от заимки дорога пошла в гору, и, чтобы лошадь снова не выбилась из сил, мы решили идти пешком. Наши раненые ноги сильно болели, но мы, преодолевая боль, опирались на костыли и продвигались вперёд.

Анастасия Васильевна шагала вплотную за санями, боялась отстать, но лошадь шла медленно. Анастасии Васильевне даже приходилось подталкивать сани. Выехали, вернее, поднялись на гору, а утро ещё не наступило. Только на востоке значительно засветлело. Когда мы подошли к саням, Анастасия Васильевна уже сидела в санях и держала в руках парусиновые вожжи. Я с другом присели сзади, придерживаясь друг за друга. Лошадь с трудом тронула сани, они заскрипели полозьями. Гнедок наш тянул сани тяжело, пока не начался спуск под горку. И потом даже пошёл рысцой.

Следующий подъём нам также пришлось преодолевать пешком. И вот последний спуск, впереди долина Кожайдак. Мы доехали до главной дороги, по которой все ездят в наш райцентр – с. Самарское. Эта дорога была хорошо накатана, и лошадь пошла быстрее. Мы сидели лицом к востоку и наблюдали восход ярко-оранжевого солнца.

Вскоре проехали небольшой ключик Малонефтяное, и дорога пошла на последний перед родным селом увал. Нам снова пришлось встать на костыли. Было больно, но пришлось стиснуть зубы и терпеть, Гнедко нас везти не мог. Скоро, совсем скоро покажется наше родное село Малороссийка! Это ожидание придавало нам силы.

Я в душе сознавал, что быстрее, чем шагает наша лошадь, домой не придёшь. Поднявшись на увал, мы уселись в сани, проехали метров триста, я поднялся в санях на колени, впереди в утренней дымке открывалась родная сердцу панорама. «Иван Михайлович, смотри! Уже видно наше родное село!» Мы оба приподнялись повыше, вытянули шеи и стали вглядываться, а из наших закалённых на фронте глаз потекли слёзы. Село, родное село, вот оно, рукой подать! Прямо не верилось, что мы уже подъезжаем к селу Малороссийка. Девять дней мы добирались на Родину. Сначала поездом, потом на машине от станции Жангиз-Тобе, с пересадкой в Георгиевке до заимки рядом с перевалом Байбура, от этой заимки до Кокпектов на санях, запряжённых верблюдами, а дальше ехали на лошадях.

От речки Кумай навстречу нам двигалась небольшая колонна из трёх саней. Впереди показался отворот с дороги, мы попросили Анастасию Васильевну остановиться на этом отвороте, чтобы встречные сани могли нас объехать. Подъехавшие стали нас объезжать. На первых санях сидел мой двоюродный брат Семён Иванович. Он остановил лошадь и, хромя на ногу, расставил руки и двинулся на меня. Мы обнялись, прижались друг к другу, я спросил его: «Моя жена Надя дома?» – «А где же ей быть? Она дома ждёт! Уже четыре дня, как получила телеграмму, и каждый день выглядывает. Да вон она уже вышла из дома. Давай, брат, езжай, встречай жену, а я поехал за сеном».

Я увидел Надю и задохнулся от радости. Надя шла медленно, опустила голову и о чём-то думала. Тёща Анастасия Васильевна крикнула ей: «Надя, встречай мужа!» Надя услышала, остановилась, подняла голову, посмотрела, увидела нас и побежала, часто спотыкаясь на неровной дороге. Я встал и пошёл ей навстречу, а она уже вытянула вперёд для объятий руки. И я прибавил шаг. Мои руки обхватили жену, и она крепко обняла меня за шею. Мы больше минуты стояли в объятиях.

«Вот я и встретила тебя на том же месте, где простилась с тобой осенью 1941 года! Ох, как долго мы были в разлуке!» По её щекам лились слёзы, но это были слёзы радости, такие же слёзы капали и из моих глаз.

Иван Михайлович взял из саней свой вещевой мешок и пошёл потихоньку в село, а я с женой, прижавшись друг к другу, свернули и пошли в сторону дома. Анастасия Васильевна ехала на санях сзади вслед за нами и подгоняла лошадку. Незаметно за разговорами мы зашли во двор своего небольшого, на две комнаты, домика с плоской глиняной крышей. В этом домике жили две семьи. Одна половина принадлежала старшему брату Степану, который тоже сражался на фронте, а во второй комнате жили мы. Входы в комнаты были отдельные с улицы.

Я тихонько открыл дверь и шагнул в избу. Моя родная мама, Варвара Мироновна, с радостью и словами «Мой родненький сынок вернулся с войны домой» обняла, расцеловала, а сама плакала и смеялась.

На лежанке ещё спал наш первенец Коля. Я тихонько подошёл к нему, прикоснулся к его розовой и нежной щеке и поцеловал. От моего поцелуя сын проснулся, увидел меня и заплакал, признав меня за чужого человека. Ему ведь было всего полтора годика, когда я уходил на фронт, а теперь уже 3 года и 9 месяцев.

Часа через три в комнате уже было многолюдно. Пришли родственники и соседи. Каждому было интересно увидеть фронтовика и узнать, что делается на фронте. Я рассказывал про бои под Ленинградом, как тяжело было отступать под ударами фашистских танков в 1941 году и в начале 1942 года, как наша 2-я ударная армия попала в полное окружение. Но мы и в окружении, пока были боеприпасы, дрались стойко, не склонили головы. Но меня контузило, меня спас Быковский, товарищ, житель Жангиз-Тобе, он принёс меня в полевой госпиталь, который находился рядом с узкоколейной железной дорогой в Мясном Бору. Это было 26 июня 1942 года.

Пока рассказывал, жена собрала на стол, он был небогатый. Капуста, помидоры солёные да борщ и немного самодельного спирта-самогона, припасённого для встречи. Хлеба было немного, не хватило каждому даже по кусочку. Ведь хлеб тогда получали даже в житнице Малороссийке по карточкам.

Выпили за встречу по маленькой, закусили. Встреча прошла просто прекрасно. Вспомнили тот день, 9 ноября 1941 года, когда меня провожали на войну. Я его часто вспоминаю. Когда прощался с женой, я в слезах сказал, что не забуду тебя вовек! И вот я дома, просто не верится, что я могу снова вот так сидеть за домашним столом в кругу своей семьи – рядом с женой, матерью и сыном Колей.

ВСЮ ВОЙНУ НА ФРОНТЕ

Рассказ Степана Елисеевича Цымбала, ветерана Великой Отечественной войны

С чего начать свои воспоминания, чтобы рассказать, хотя бы вкратце, о тех трудных днях войны, о фронтовых дорогах, которые довелось мне испытать в годы нашествия гитлеровской фашистской чумы на нашу священную Родину в 1941–1945 годах.

Мне, пожалуй, лучше начать с того момента, когда я не стал быть гражданским и когда началась трудная жизнь и служба солдата.

Это было 19 июля 1941 года, нас, мобилизованных в Красную армию со всего района, собрали в райвоенкомат. Забрали у нас паспорта и послали в баню, там же нас постригли и вечером на машинах повезли в Усть-Каменогорск. На следующий день приехали мы на станцию Защиты, тут уже стоял эшелон, и сразу нас посадили в вагоны, и поехали мы на Рубцовку. Пока ехали до Рубцовки, то на каждой станции было нам пополнение, всё к нам прибывали новобранцы, и на каждой станции была одна и та же картина: плач, крик и душу раздирающий вой жён и матерей, провожающих своих мужей и сыновей на фронт.

Прибыли в Рубцовку с утра, сидим в вагонах, гадаем, куда же нас повезут, то ли на восток, то ли на запад. Отлучаться из вагонов нам запрещено. В нашем вагоне над нашей группой из Самарского района был назначен старшой Тимофей Рузанов, который за нас отвечал до прибытия в часть. Хороший был человек Рузанов, толковый и сознательный, и мы его все уважали и слушались.

Степан Елисеевич Цымбал

Наконец, к полудню наш поезд тронулся, и поехали мы на юг через Алма-Ату, Ташкент и прибыли в Туркмению в город Мары. Здесь на вокзале нас высадили военные представители и повели в расположение, где формировалась 44-я кавалерийская дивизия. Тут нас распределили по эскадронам и взводам. Я попал в 1-й сабельный взвод 2-го эскадрона 51-го полка. Повели нас в баню и там же выдали обмундирование. На следующий день старшина повёл на конюшню и за каждым закрепили лошадь, а также выдали нам шашки и карабины, и с этого дня начались занятия.

Лошадь мне попала хорошая, кадровая, по кличке Невод, и начали мы на лошадях выезжать на занятия. Вначале занятия казались мне очень трудными. Целый месяц не разрешали брать стремя, то есть ездили в седле, а ноги в стремя вдевать не разрешали, и так поездишь день, а потом и садиться на задницу неохота. А на следующий день снова садишься в седло, и без стремени, и тут уже понемножку учились держаться шенкелями, потому что зад болит. И так за месяц научили нас держаться шенкелями и иметь правильную посадку в седле. (Шенкель – в кавалерийской посадке часть ноги всадника от колена до щиколотки, служащая для управления лошадью.)

Потом разрешили брать стремя, и начали выезжать в степь на рубку лозы и брать препятствия. Трудновато доставалось нам, новичкам: утром чистка коней, потом занятия, в обед чистка коней, после обеда занятия, вечером опять чистка, да ещё и личное оружие надо чистить. Но постепенно втянулись, привыкли, и стало немного лучше. Делали переходы в пустыне Каракумы, тренировка была хорошая.

Шестнадцатого сентября по приказу верховного командования наша дивизия перешла границу Ирана, и на следующий день вступили в город Мешхед, там постояли с неделю и обратно той же дорогой вернулись в Мары. Потом были у нас манёвры, выезжали в пустыню, и наступали синие на красных, красные на синих. Многие наши солдаты там покалечились. Затем приехали в казармы в Мары, и с этого дня стали выезжать на железнодорожную станцию, где проходили занятия по погрузке лошадей в вагоны. Так несколько раз ездили и заводили лошадей в вагоны, потом выводили из вагонов и опять возвращались в Мары в казармы.

Однажды в октябре к нам в расположение полка приехали артисты и начали нам показывать концерт. Мы, солдаты, натаскали досок, наделали скамейки и сидим, смотрим. Тут одна певица начала петь песню, хорошая была песня, и мы слушали её внимательно. Вдруг заиграли боевую тревогу, и мы все солдаты соскочили и побежали в свои подразделения. Я когда бежал, оглянулся, то та певица стояла, разинув рот, и смотрела нам вслед, петь ей было уже некому.

Прибегаем в конюшни, раздаётся команда «по коням!». Быстро седлаем коней и выезжаем в строй. У кавалериста всё находится в седле, и свои немудрёные вещи и для коня, всё в перемётках и в тренчиках, и всё привязано, подогнано к седлу, накинута подпруга, затянул, и солдат готов в любой поход. Даже запас продуктов имеется с собой, называется «НЗ» – неприкосновенный запас: для лошади овёс в кобуре, свой НЗ в перемётке. Если тепло, то и шинель выючится к седлу. И так у кавалериста всё в седле, и всегда готов в любой самый трудный поход.

Построились по звеньям и поехали на станцию. Приезжаем, заводим коней в вагоны. Дело нам уже знакомое, всё рассчитано, каждый боец знает своё дело. Завели быстро и ждём команду «выводить», а этой команды нам не дают. Потом командиры назначили дневальных по конным вагонам, а свободных от нарядов в людские вагоны и строго приказывают никуда не отлучаться, тут же прицепили и кухню.

И так на этой станции мы больше коней не выводили. Поехали на запад, на фронт, а на западе в это время враг рвался к Москве. На подступах к Москве наши братья вели тяжёлые бои с озверелым и вооружённым до зубов противником.

И на колёсах в пути также идёт служба. Круглосуточное дневальство в конных вагонах, уход за конями, а свободные от нарядов люди размещаются в теплушках. За три месяца службы в Мары мы все товарищи, что в одной части, привязались друг к другу и стали как родные братья, а особенно, когда едем на фронт, и в свободное время у каждого открывается душа, предчувствуя, что нас ждёт впереди, и каждый переживает. Товарищи открывают свои души о своей жизни, как жил до войны. Частенько к нам в вагон заходил командир эскадрона старший лейтенант Мелютин. Хороший был командир, каких за всю войну я редко встречал. Зайдёт к нам в вагон, поздоровается и спросит, как самочувствие, а потом говорит: «Давайте, ребята, споём». И сам начинает запевать свою любимую песню, а мы все начинаем ему подпевать, и так споём, что копилка в вагоне тухнет, и в песнях всё забываешь, и легче делается на душе.

На фронт ехали быстро, на малых станциях не останавливались, только на больших, и то на малое время. На одной из станций нам выдали зимнее обмундирование, шапки-ушанки, телогрейки и ватные брюки.

От Рязани до Москвы в первый раз увидели следы бомбёжки, рядом с дорогой лежали изуродованные вагоны. В Москву приехали ночью, потолкали нас взад-вперёд, и утром выехали на Ленинград.

Это было 5 ноября 1941 года, где-то за станцией Крюково над эшелоном появился немецкий самолёт с крестами, а за ним гнался наш истребитель, и этот немецкий стервятник сбросил бомбу, но не попал в эшелон, а упала бомба впереди паровоза и немного повредила линию, поезд встал, и нас всех вывели из вагонов на помощь железнодорожникам. Дорогу быстро исправили, и поезд пошёл дальше.

На станцию Подсолнушная прибыли мы под вечер, остановились, и тут нам поступила команда выводить лошадей. Выводим, и быстрее в лес, а лошади застоялись в вагонах и не слушаются, потому что за всю дорогу мы их ни разу не выводили. Кое-как мы их дотащили в лес, и тут собрали весь наш эскадрон, привели всё в порядок. Коней подкормили и сами подкрепились. И ночью поехали вперёд навстречу фронту.

Ночью пошёл дождь, потом снег. Холод, мы в посёлки не заезжали, а ехали лесами. Стали подъезжать к фронту, это под Волоколамском. Волоколамск уже был у немца, тут всё горело, и ночью стояло зарево, а днём всё окутано дымом. Стояли в лесу, тут комиссар эскадрона нам сказал, что наша кавалерийская дивизия передаётся генералу Доватору. Дня через два наш полк ходил в атаку, хотели прорвать оборону и взять Волоколамск. Наш взвод был в резерве. Взводы, которые ночью пошли в атаку, утром вернулись примерно половина. У нас тогда не было тактики, а с шашками против танков ничего не могли сделать. На вторую ночь нас подняли и приказали в поводу вести коней. Подтянулись на передний край, тут трассирующие пули летают, остановились, стоим тихо, потом потихоньку дали команду отойти обратно.

А на утро стали отступать. Чуть свет подняли нас, и поехали на восток, мороз был крепкий. Заезжаем в маленький городишко Теряевская Слобода. На выезде из города речушка и мост, возле моста старинная каменная арка и через эту арку дорога на мост, и здесь перед аркой скопились машины, повозки и конница. Мы с товарищем, с которым служили в одном отделении, остановились в сторонке и вздумали закурить, пока там передние проедут, мороз крепкий, и руки застыли. Кое-как завернули сигарки, слышим гул самолётов, смотрим, летят бомбардировщики, много их было, подлетают, пикируют, сбрасывают бомбы и выходят из пике, за вторым – третий, и пошло. Мы с товарищем сразу повернули коней влево и пришпорили в лес, добежали до леса, спешно замаскировались, смотрим, что делают стервятники, в то время у нас здесь не было ни одной зенитки, ни самолётов, поэтому фашистские лётчики делали, что хотели. Те, что сбросили бомбы, снижались и строчили из пулемётов. Когда налёт закончился, стервятники улетели, я говорю своему товарищу: «Поехали искать свою часть, а то здесь скоро могут быть немцы». А он мне говорит: «Езжай, а я дальше не пойду, – говорит, – у немца техника, а у нас ни черта нет, и всё равно немец скоро возьмёт Москву».

Я его уговаривал, но ничего не помогло, он остался, а я сел на коня и поехал один на восток по Волоколамскому шоссе искать свою часть, своих товарищей. К вечеру я встретил своих в лесу, и опять собрались вместе. Кто остался живой. В то утро самолёты противника бомбили Волоколамское шоссе, по которому отступала наша конница, и когда я ехал один искать свою часть, то видел много разбитых машин, повозок и убитых лошадей. Особенно запомнился один случай: не доезжая одного мостика, на шоссе валялись останки машины ЗИС-5. Я остановился и зачем-то взглянул по сторонам, возле дороги стояли две большие ёлки, и на сучках этих ёлок я увидел развешанные лохмотья фуфайки и на одном суку висела нога вместе с валенком. Я удивился, как её туда занесло и повесили, ну, мне надо было спешить, чтоб скорее найти своих, и уже вечером я встретил ребят своего взвода, потом собрался весь эскадрон.

И так мы почти весь ноябрь месяц то отступали, то принимали неравный бой с вооружённым противником. В контратаку ходили пешком, лошадей коноводы уводили дальше в лес, а мы залегаем на опушке леса, и, как только появлялись немцы, мы в них стреляли, потом чтобы не попасть в окружение, бегом к лошадям, садимся и уходим дальше. Многие наши товарищи там остались, а мы похоронить их не могли и лошадей много там оставили, в одном месте и я потерял своего боевого коня Невода.

Однажды вечером мы перешли незнакомую реку, на которой был деревянный мост, километрах в трёх от моста остановились в лесу. Ночью нас с одним сержантом вызвали к командиру полка, и он нам дал задание: взорвать мост, который мы вечером перешли. Мы приготовили связки гранат, так как других средств у нас не было. Заготовили связки, вставили запалы, взяли их и пошли. Шли сначала лесом, дальше по-над рекой, потом лес кончился, а у опушки леса немцы непрерывно пускают осветительные ракеты. До моста осталось метров пятьсот. Перед нами чистое поле, ни одного кустика, по-над рекой виднеется маленький овражек. Полежали мы немного, осмотрелись и по-пластунски тронулись вперёд. Не проползли мы и полста метров, как вспыхнула ракета. Мы притаились, замерли. Как только ракета потухла, мы снова двинулись вперёд. И снова вспыхнула ракета, и начал строчить пулемёт. Нас заметили, пули начали свистеть над головой. Хорошо, что мы были в небольшой канавке. Как только ракета потухла, сержант срывается и делает рывок назад, я за ним, и снова ракета, пулемёты строчат. Было похоже, что нас потеряли из виду, а мы жмёмся к земле и по канавке ползём в лес. Связки гранат пришлось бросить. В руках оставили по две гранаты. Пули опять свистят над головой. Сержант мне говорит: «Бросаем гранаты – и в лес». Мы одновременно бросили гранаты и вмиг добежали до леса, упали под ёлку. Пули щёлкают по деревьям, а мы уползаем дальше в лес. Потом поднялись, немного пробежали и остановились. Сели под ёлкой, закурили и думаем, что делать. Задание не выполнили, его нельзя было выполнить, потому что мост находится в тылу у немцев и местность не позволила приблизиться к мосту. Пообдумав, сержант говорит: «Пойду доложу командиру, пусть хоть расстреляет, всё равно эту задачу никто выполнить не сможет».

Не знаю, что командир сказал сержанту, но на следующий день я его видел, когда мы отбивали атаку немцев. Утром немцы пошли в наступление на позиции эскадрона, хотя в то время от эскадрона осталась примерно одна треть. Залегли мы на опушке леса, лошадей коноводы увели в тыловую часть леса. Противник начал обстрел из миномётов, но мины ложились сзади нас в лесу.

Пехота противника с автоматами пошла через лужайку прямо на нас, автоматы держат на пузах и строчат в белый свет, нас они ещё не заметили. Мы приготовились, но командир приказал без команды не стрелять, и, когда гитлеровцы были совсем близко, дали команду «огонь!», и от тех фашистов, что бежали на нас, мало осталось в живых, и те, что остались, начали отползать.

Группа автоматчиков противника правее прорвалась через лужайку на нашу сторону в лес, и наш комэск дал команду «по коням!», чтобы не попасть в окружение.

Быстро бежим к лошадям, садимся – и в лес, а по лесу в тыл была просека и узкий проезд, так что более двух лошадей рядом идти не могли, и так по этой просеке скачем. И вдруг эта просека выводит нас на поляну, и только мы показались на поляне, немцы накрыли нас миномётами и пулемётами. Справа метров пятьсот опять лес, и мы направились туда, а мины рвутся кругом, и пули свистят. Я прижался к луке седла и жму своего Невода во всю мощь, а лошади убитые валяются, мой Невод перепрыгивает через них.

Уже около самого леса меня рвануло из седла, и когда я опомнился и взглянул, то Невод метрах в десяти от меня как-то сидел, а передними ногами упирался в землю, шею вытягивал, а под брюхом у него увидел все внутренности. Очень жаль своего коня, но ничего не поделаешь, и я тут уже попластунски добрался к лесу.

В лесу опять собрались все, кто остался в живых. Уже в то время, в конце ноября, у нас говорили: «Отступать некуда, за нами Москва». Ну что могла сделать наша конница, ведь у нас было оружие, карабины, шашки, гранаты. Гранат, правда, хватало. Однако коннице воевать гранатами тоже несподручно, все мы на конях, а, чтобы поразить противника гранатой, надо залечь, замаскироваться, подпустить противника на бросок гранаты. И наше командование начало применять такую тактику: мы спешиваемся, коноводы отводят коней в тыл, а мы залегает где-то на опушке леса и ждём, пока немцы подойдут поближе, и тут внезапно мы их атакуем из карабинов и гранатами.

И так я потерял своего первого боевого коня. Когда в лесу мы снова собрались, кто уцелел, мне попалась лошадь боевого наездника, и я её поймал, а её наездник, видно, там же остался, где и мой Невод.

Собрались мы в лесочке своим эскадром, точнее, остатки эскадрона, здесь был и командир эскадрона Мелютин. Раненых подобрали, и которые из них могли сами двигаться, ушли в тыл, а те, что не могли двигаться, то мы их унесли в одно место и кое-как перевязали, не знаю, отправили их в тыл или они так и остались здесь, в лесу.

К нам подъехал комиссар полка и дал приказ: во что бы то ни стало задержать противника. Мы отдали коноводам лошадей и группой человек десять побежали через лес навстречу противнику. Пробежали лес, впереди поля, и тут на опушке попалась нам валежина дуба, и мы за ней залегли. Смотрим, немцы бегут с автоматами и строчат на ходу. Их группа автоматчиков была человек пятнадцать.

Нас они не видят, а просто стреляют в белый свет, прочёсывают лес, были бы у нас в то время автоматы, мы бы их там сразу всех и положили. Но беда наша в том, что у нас в сорок первом не было автоматов, а с карабинами против автоматов очень трудно было нам воевать.

И так подпустили мы их поближе и закидали гранатами, несколько фрицев упали, остальные бросились в лес. Потом, видно, к ним присоединилась другая группа, и они начали нас обходить. Из автоматов палят почём зря, и пули только по деревьям щёлкают, одного нашего товарища там убило, разрывная попала в голову. Потом мы, чтоб не попасть в окружение, начали отползать. Хорошо, лес нас спасал, а потом немцы сами себя выдавали, так как они всё время стреляют из автоматов, а мы по их стрельбе определяем, где они есть.

К вечеру мы вышли и нашли своих коноводов и лошадей. Ночью опять контратака и опять отступление. В посёлки мы не заезжали, а всё время в лесу, в снегу, а морозы уже были сильные. Бывало, остановимся ночью в лесу, холод, а костёр разводить нельзя, чтобы не выдать себя противнику, и так наломаешь лапок еловых, постелешь на снегу и уснёшь, а то и в седле засыпали.

В последних числах ноября мы отступили на станцию Крюково, здесь была и стрелковая дивизия генерала Панфилова. На станции Крюково мы дня два занимали оборону, потом пришло пополнение, много пришло пехоты. Нам давали листовки, где было написано: «Ни шагу назад. Отступать некуда — за нами Москва!», затем подпись Сталина. Первого декабря нашу конницу отвели в тыл километров пять от Крюково, где мы отдыхали до 6 декабря.

Мы остановились на отдых в дачном селе Фирсановка, от передовой километров пять, но и сюда противник из дальнобойных орудий постреливал. И там погиб наш военврач, он жил в одной квартире, и ночью фугасный снаряд пробил стену дома и внутри разорвался, и убило в том доме нашего врача и хозяйку дома, а девочка лет семи осталась. Я эту девочку видел в штабе нашего полка, потом её отправили в тыл.

В эти дни с 1 по 6 мне пришлось первый раз услышать голос нашей родной «катюши».

Как-то наши командиры поехали на передовую и нас, двух солдат, взяли с собой. Едем по лесу, вдруг рядом раздался такой звук, какого, я уверен, до того никто не слышал (писатели много и по-разному описывают этот голос «катюши», но я думаю, кто его сам не слышал, то всё равно не поймёт). Один наш командир упал с лошади на землю и прижался, а мы вытаращили глаза и смотрим друг на дружку. Второй командир догадался и говорит: «Это “катюша”». Милая ты наша, «катюша», как ты нас напугала в первый раз. А потом, уже после, как мы рады были её голосу. Бывало, как сыграет «катюша» свою песенку, так у нас на душе радостно и легко, зная, что наша «катюша» несёт немцу страх и смерть.

И как только мы пришли в себя, смотрим, мимо нас едет машина ЗИС-5. Над кузовом что-то высокое, закрыто брезентом, это и была та самая «катюша». В то время «катюши» только появились на фронте, и они вели себя очень осторожно. Подойдёт, даст залп и сразу уходит в другое место. А в эти дни наше правительство и верховное командование готовились к большому наступлению, и поэтому «катюши» и вся наша артиллерия вели пристрелку по огневым точкам и живой силе противника.

Утром 6 декабря загремело, заработала наша артиллерия, мы готовились и знали, что пойдём в наступление, но всё равно это нам казалось неожиданно. Даже здесь, в Фирсановке, в 5 километрах от передовой, и здесь земля дрожала. Нас подняли по тревоге, оседлали коней и пошли вперёд. На передовой всё было окутано дымом.

В первый день нас в бой не ввели, день мы стояли в лесу на передовой, а ночью пошли в прорыв и начали действовать по тылам противника, который начал отступать. Помню такой случай: ночью мы пробились в тыл противника, нас было 10 человек во главе с лейтенантом, командиром разведки. На рассвете остановились в одном месте, и тут нам командир объяснил задачу: по этой дороге должен пройти немецкий обоз, наша задача перехватить его и уничтожить. Коноводы увели лошадей в лес, а мы залегли у дороги в лесу, ждём, и только рассвело, смотрим, движется к нам обоз, а у нас на дереве сидел разведчик, который их далеко заметил, передаёт нам: 16 подвод и один верховой. Командир приказал без команды не стрелять и лошадей не стрелять, солдат противника уничтожить,

а подводы быстрее в лес. И когда они с нами поравнялись, мы каждый уже взял по фашисту на мушкету, верховой ефрейтор ехал впереди, и тут мы по команде дали залп, ефрейтор свалился с лошади, и многие ездовые свалились, остальные подняли руки и орут: «Гитлер капут», но тогда им не было пощады, нам был приказ в плен не брать, быстро с фашистами покончили и подводы повернули в лес.

Подводы были пароконные сани, и в каждой санях запряжена пара битюгов – бельгийские куцехвостые ломовики. Снегу в ту зиму было много, и мы с трудом пробились с подводами в лес подальше от дороги. На своих лошадях торили дорогу и завели обоз в гущу леса, и тут мы увидели, какой они груз увозили. Там были в большинстве посылки – связанные шпагатом костюмы, джемпера, шали, и на каждой связке бирка с адресом в Германии. Гитлеровские солдаты грабили всё и посылали посылками в Германию своим семьям. Были там и продукты: масло сливочное, сало, мука и разные крупы. С этим обозом мы стояли в лесу до ночи и только наблюдали за движением противника, нас немцы искать не думали. Снегу было много, да они и боялись кидаться в сторону от дороги, а мы добыли себе немецкие автоматы и вооружились хорошо. Ночью здесь уже были наши, и мы сдали свою добычу.

Итак, мы были в наступлении под Москвой, выбили немца с обороны под Крюково и пошли вперёд на запад. Противник при отступлении всё сжигал, и всё пылало в огне. Всего не запомнишь, а только помнятся хорошо отдельные случаи. Хорошо помню, когда меня ранило и я выбыл из кавалерии.

13 декабря вечером мы подъехали на передний край, в овраге спешили. Командир эскадрона нам объяснил: в 500 метрах от нас село, в этом селе немцы, и мы вместе с пехотой должны их ночью выбить. И как только стемнело, мы лошадей оставили коноводам, а сами пошли лесом к селу, не доходя до села метров триста, лес кончился, и мы на опушке леса засели и ждём команды в атаку. Немцы всё время ракеты пускали. Мороз был сильный и снег глубокий, и мы застыли окончательно. На этот раз у нас был за командира помощник командира эскадрона Бисимбаев, крикливый без толку и просто трус. Как видно, у нашего командования был план такой: тихо подползти поближе к селу и внезапно напасть и уничтожить врага. Пехота шла с флангов, а мы шли прямо в лоб, и когда дали ракету условную для атаки, то наш командир Бисимбаев заорал во все горло: «Вперёд!», что немцы, конечно, услышали и сразу повесили ракеты на парашютах и перед нами поле осветили, и стало видно как днём. И сразу, как только мы выткнулись из леса, немцы начали бить из пулемётов и многих сразу срезали, тогда мы залегли и начали пробиваться по снегу вперёд, так половину пути мы лезли по снегу, а потом поднялись и сколько есть духу помчались на противника. В это самое время с обоих флангов пехота начала врываться в село. Противник установил пулемёты в окнах кирпичных домов и оттуда вёл сильный огонь. А напротив нас на краю села стояла скирда ржи, и под этой скирдой были пулемётные точки противника, и, когда мы добежали до села, эти пулемёты открыли по нам сильный огонь, тут же двоих моих товарищей убило, ребята были со мной с одного района и служили мы в одном отделении – Павел Жаров и Иван Долганов. Упали мы, зарылись в снег, потом поползли в обход скирды, подползли по снегу к пулемёту и гранатами их уничтожили. Когда мы забежали в село, то там бой уже кончался. В центре села стояла немецкая полковая кухня, и в этой кухне оказался готовый хороший мясной суп, и наша братва накинута на эту кухню, кто котелком, а кто каской черпает, и тут же подкрепляемся горячим супом. Около кухни лежит ободранная туша коровы, видно, готовили к завтраку. Тут же вокруг кухни лежат и фрицы, один офицер ещё хрипит и ногами дрыгает, а сапог на нём уже нет, кто-то их уже сдёргнул, но на это никто не обращал внимания. Потом появились наши старшие командиры и стали запрещать нам кушать с немецкой кухни, говорят, что, может, оно отравлено и нужно прежде проверять, но было уже поздно, потому что мы, солдаты, уже проверили и взяли полный анализ по полному котелку или по полной каске. И этот суп оказался даже очень полезным, так как мы были очень голодны.

Появился и наш помощник командира эскадрона Бисимбаев. Собрал из нашего эскадрона всех, кто уцелел, и повёл нас в один из домов, там была всего одна комната. Потом ещё к нам набилось пехоты полно так, что нам негде было лечь и пришлось уснуть сидя, кто как смог.

Уснуть мне там пришлось ненадолго, но сон успел увидеть, и почему-то этот сон мне запомнился: как будто я оказался дома, и мать моя поставила мне кушать. Я посмотрел, а там конина, и много, а мне так хотелось молока, и я говорю: «Дайте мне, мама, молока, я не хочу конины, она мне и так надоела». А мать говорит: «Нет молока, кушай мясо». Ну, я мясо кушать не стал и так обиделся на мать, что хотел заплакать. И тут раздался крик командира: «Подъём! Выходи на улицу, выходи на

улицу». Наши коноводы лошадей уже подвели. Разобрали мы своих коней и повели в поводу по улице. На краю села нас остановили, стоим, ждём, а мороз был очень сильный, и мы застыли, рядом со мной стоит сержант. Я ему и говорю: «Закурить бы, да пальцы не гнутся». А он мне говорит: «Давай забежим в дом и там закурим». Мы с товарищами договорились, отдали им поводья своих коней, а сами быстро в дом. Забегаем в дом, там сидят наши командиры, в карты смотрят и о чём-то спорят между собой. Присели мы в уголочке, кое-как завернули сигарки и не успели ещё прикурить, как загремели разрывы мин, и мы выбежали на улицу. Смотрим, а нашей конницы на том месте уже нет, они поскакали в лес, а на том месте остались раненные и убитые. Наших лошадей не оказалось, и мы с сержантом бросились пешком догонять свою кавалерию. На краю села нас остановил пехотный командир, какой-то лейтенант, наставил на нас пистолет и приказал вернуться назад. Мы ему доказывали, что мы кавалерия и что наши уехали вон в этот лес, но он ни в какую, приказывает вернуться и занимать оборону вместе с пехотой. И нам пришлось пойти в пехоту. У села протекала речка, у речки крутой овраг, и на этом овраге залегла пехота, мы к ним и примкнули. У пехоты были пулемёты «Максим», и миномёты 82-миллиметровые были.

За рекой был хутор, и в том хуторе немцы засели, и оттуда они по нам с миномётов бьют налётами. Наши миномёты тоже по хутору стреляют, винтовочный и пулемётный огонь ведут. Мы с сержантом залегли и начали стрелять, тут нам патронов подвезли в ящике. Стреляем, а сами договариваемся между собой, как бы нам с пехоты улизнуть в свою кавалерию. Тут близко стоял один дом, самый крайний, и мы начали отбиваться поближе к дому. Немец дал миномётный налёт, одна мина разорвалась близко, и меня что-то стукнуло в ягодицу так, что я перевернулся на другой бок, поднял голову, смотрю, а мой сержант уже за угол дома скрывается, я поднялся и за ним, догнал его, остановились под стеной дома и планируем, как бы нам в свою кавалерию удрать.

Тут я почувал в левом валенке что-то тёплое и мокрое. Снял валенок, а в валенке кровь и тряпка вся в крови, тогда я понял, что я ранен и почувствовал боль. Перевязать было нечем, и мне сержант дал свою тряпку, я переобулся. Потом он взял меня под руки, а я на карабин упираюсь, и отправились к лесу, куда бежала наша конница. Только мы вышли за село, как нас опять встретил тот же командир с пистолетом и опять хотел наставить пистолет, но понял, что я ранен и начал по-хорошему говорить: «Вон там находится санчасть, идите, и вам сделают перевязку». Но мы пошли к своей кавалерии, и только вошли в лес, увидели костёр, и у костра наши товарищи греются, тут же оказался и наш санитар, и он мне возле костра сделал перевязку. Потом попалась подвода из пехоты, и наш санитар отправил меня с этой подводой. Попрощался я с товарищами и поехал, отъехали километра два, возчик мне говорит: «Я заеду в свою санчасть, а ты если можешь сам двигаться, то иди помаленьку по этой дороге, здесь часто ходят санитарные повозки, и они тебя доведут в санбат». Нашёл возчик мне палку, я попробовал идти, можно, и так, опираясь на палку, я поплёлся по дороге в тыл. Не прошёл и километра, как навстречу попал повар с кухней. Он вёз на передовую завтрак в пехоту, так хорошо запахло гречневой кашей от котла, что я стал просить повара дать мне покушать, так как я был голодный как волк, но повар не хочет со мной разговаривать и каши не даёт. Я крепко на него выругался по-солдатски и пошёл.

Не успел повар проехать и ста метров, как над дорогой появился немецкий самолёт. Я посмотрел, а он идёт низко и прямо на кухню, повар бросил свою кухню и драпанул в лес, а я упал в кювет. Когда взорвалась бомба, я поднялся, смотрю, а кухня сбоку дороги перевернута, лошадь отбросило в сторону, и она уже не шевелилась, а повар с опаской подходит к кухне, смотрит на своё хозяйство и кричит мне: «Иди, товарищ, покушай, всё равно теперь каша пропала», и я подошёл к нему. Котёл лежал на боку в нескольких местах пробитый осколками, и каша гречневая в эти осколочные отверстия вылезает и расплывается во все стороны. Повар нашёл котелок и набрал мне полный, и я тут же его уничтожил. Подкрепился хорошо, и не успел отойти, как догнала меня санитарная повозка, и меня подобрали. После обеда мы приехали в медсанбат. Там раненных было очень много, и врачи не успевали делать операции, мне там дали уколы и сделали перевязку и вечером нас отправили на машине в Москву. В это время мы находились под Солнечногорском и до Москвы ехали почти всю ночь. Машина часто буксовала, дорога скользкая, и на любой подъёмчик машина буксует. Но нас выручала пехота-«матушка», которая двигалась от Москвы на фронт пешим строем, как забуксует наша машина, шофёр крикнет пехоте: «Братцы, подтолкните, а то я раненых поморожу», и братцы подходят, подтолкнут, и машина пошла дальше.

В Москву мы приехали уже перед рассветом. Нас привезли в Тимирязевскую академию, где в то время находился эвакогоспиталь. Нас сразу направили в баню, а оттуда в операционную, мне там удалили осколок. Я читал книгу Чуйкова «Начало пути», где он пишет, как в Сталинграде поругал врачей за то, что они одному раненому солдату вырезали всю ягодицу. Так же и мне тогда сделали врачи: пока вынимали осколок, то и большую часть ягодицы удалили.

Потом положили в палату, где я первый раз проспал круглые сутки. С неделю я там находился, а потом отправили на вокзал и оттуда санитарным поездом повезли нас в Казань.

В Казани прибывших раненых поместили в стационарный госпиталь, который размещался недалеко от вокзала в большом четырёхэтажном здании, где я и находился до 1 марта 1942 года.

В госпитале жизнь однообразная, утром врачи делают обход, потом завтрак, затем те, кому назначена перевязка, идут на перевязку, а кто не может сам идти, тех унесут в перевязочную, остальные, кто чувствует себя хорошо, или в домино играют, или бродят по коридору и с нетерпением ждут обед. Рана у меня заживала быстро и уже в начале февраля почти зажила. Мне назначили кварцевание, и я ходил туда каждый день, где под большими электролампами полежишь раной к лампе, потом сделают массаж – и опять в палату, иногда ходил на кухню картошку чистить, от нечего делать, чтоб время скорее прошло. После ужина сестра спросит: «Кто желает помочь поварам почистить картошку на кухне?» Соберёмся мы на кухне человек 10–15, чистим и песни поём, и время быстрее проходит.

1 марта 1942 года меня выписали и дали мне справку, где значилось: «временно в нестроевую». И так, первый текущий ремонт прошёл я за 2,5 месяца.

Таких, как я, приняли в запасной полк, который находился тут же недалеко от госпиталя, там же были «покупатели», посмотрели наши документы, расспросили, откуда родом, где служил, и меня один «покупатель» с артиллерии записал к себе, и ещё человек пять из нашей группы. И в тот же день мы прибыли поездом в Бугульму, где в то время формировался 280-й артполк. В полку меня назначили в артмастерскую, так как я был временно негоден к строевой службе. Начальник артмастерской старший лейтенант Николай Николаевич Башкиров, пожилой, лет под шестьдесят, хороший был человек, душевный, каких редко встретишь в армии. Меня он назначил ездовым, так как я из кавалерии и умею ухаживать за лошадьми.

В Бугульме я был неделю, так как полк наш уже был почти сформирован, в половине марта мы поездом отправились на Москву, оттуда в Тулу. В Туле стояли с неделю. Из Тулы поездом поехали на фронт, последняя остановка поезда была недалеко от Мосальска, здесь выгрузились из поезда и на своем тягле добрались на передовую. Там в одном месте по Варшавскому шоссе, называется Зайцева гора, и там под Зайцевой горой наша 146-я стрелковая дивизия впервые вступила в бой. Наша артиллерия заняла огневые позиции и вела огонь. Я был в артмастерской полка, на огневых бывал редко, только иногда возил в батареи артмастеров, которые проверяли гаубицы и пушки, иногда ездил туда за пустыми гильзами и отвозил их на пункт сбора. И так весь апрель месяц мы стояли на одном месте, наши хотели на Зайцевой горе прорвать оборону, но ничего не вышло.

А с 1 мая нас и нашу дивизию перебросили правее Масайска, и там заняли оборону. Наша артмастерская находилась в селе Покровка, от передовой километров пять, здесь стояли и наши дальнобойные пушки, и противник иногда сюда постреливал из своих дальнобойных. Я здесь также был ездовым, у меня была пара лошадей, бричка с ящиком, и я ездил на склад, получал там пушсало, противооткатную жидкость и т. д., отвозил это на огневые позиции, иногда и снаряды на позиции подвозил. И так я служил до октября 1942 года. В начале октября армейская медкомиссия признала меня годным к строевой службе, и меня направили в шестую гаубичную батарею, где меня сразу поставили подносчиком снарядов. С этого времени я стал привыкать и изучать артиллерийскую технику. Всю осень и до февраля 1943 года мы стояли на одном месте, только огневые меняли, то переедем вправо, то влево, чтобы противник не засекал наши позиции. Часто вели огонь, не давали противнику покоя.

В феврале 1943 года мы пошли в наступление, прорвали долговременную укрепленную оборону противника и пошли вперёд. В конце марта уже были вблизи Спас-Деменска, помнится село Куприно, за которое бились дня три. Здесь мы били по целям беглым огнём, и жарко нам, огневикам, приходилось. Потом, когда взяли Куприно, нашу батарею перебросили левее, и здесь стали в оборону и начали окапываться. Мы построили хорошие и надёжные блиндажи для расчётов, а для орудий окопы для круговой обороны, а затем поделали ниши для укрытия орудий и всё замаскировали, выставили дёрном, в общем, окопались по всем правилам. В артиллерии земли копают больше всех,

сколько времени стоим в обороне, и всё время копаем и окапываемся, иногда окопаешься так, что кажется, уже нечего копать. В это время дают команду «Отбой!», бросаешь все укрепления, все свои труды, переезжаешь на другое место и опять окапываешься, зарываешься в землю. Так было и на этот раз, когда мы окопались так, что казалось, уже нечего больше копать, нам дали команду «Отбой!», и передвинулись мы своей батареей километра на два левее и начали опять окапываться. Здесь меня послали на курсы минёра, которые были организованы при штабе дивизии, в каждой батарее должен быть свой минёр. Учились мы там две недели, учили нас основному: найти, обезвредить и снять мину. Противотанковые и противопехотные курсы я сдал хорошо и получил благодарность командира. В это время я был установщиком зарядов.

С 28 июня правее нас загремело, это наши соседи пошли в наступление, а 1 июля и мы пошли в наступление, прорвали оборону и 2-го были в Спас-Деменске, тут много взяли пленных, при наступлении нам окапываться было уже некогда. Стали, сняли оружие с передков, станины развели, сотники в землю и делаем пристрелку, ведём огонь. Копали только щели для укрытия.

Вскоре нам дают команду «Отбой!», и мы снимаемся быстро – и вперёд. И так до самого Смоленска мы в обороне не стояли и сильно не закапывались, почти всё время были в движении. Людей в расчётах осталось мало, люди выходят из строя, кто убит, кого ранит. Особенно не везло связистам и разведчикам, их заменяли из состава огневиков – в расчётах оставалось людей мало, и каждому приходилось работать за двоих. Под Смоленском нашу дивизию остановили как будто на отдых, это было уже 25 сентября 1943 года. Постояли мы там в лесу дня три, нам дали команду «Отбой!», и мы на своих колёсах поехали обратно на Спас-Деменск. Едем, а ребята шутят: «Поедем в Москву, будем там салюты давать».

В Спас-Деменск прибыли под вечер, это был уже глубокий тыл. Гражданское население нас встретило хорошо, как фронтовиков-освободителей. На ночь нас расквартировали в домах, мы своей батареей ночевали в одном из них. К нам в гости пришли девушки, у нашего старшины оказался хороший баян, и мы хорошо провели вечер – под баян пели фронтовые песни и танцы были.

А утром нам была команда грузиться в поезд, погрузили оружие и пушки на платформы, а бойцы разместились в вагонах. В обед мы тронулись в путь и поехали на Ржев. Ехали глубокими тылами, и на каждой станции нас встречали и провожали женщины, старики, дети. В Ржев прибыли с утра, и сразу выгрузка из вагонов, выгрузились быстро и до самого вечера были свободны. Удалось нам походить по Ржеву и посмотреть город, он был разбит, всюду встречались развалины и пустыри.

Вечером того же дня мы тронулись на своих колёсах на запад. Проезжали Великие Луки, но это были места, где раньше были Великие Луки, там только изредка торчали обожжённые печные трубы. На второй или третий день мы прибыли под Невель, где в то время проходила оборона, и заняли огневые позиции. А на второй день наши пошли в наступление, ночью наши танки прорвались через оборону противника и ворвались в город Невель, где находился штаб немецкой дивизии. Немцы в панике бежали, а многих уничтожили, склады немецкие все остались. Наутро противник стал спешно окапываться за городом и упорно сопротивляться. На Невель пустил много самолётов, чтобы разбомбить свои склады, но это им не удалось, так как наши истребители и зенитчики действовали хорошо.

На этом рубеже немцам не удалось удержаться. Примерно через сутки наши выбили противника, и мы пошли вперёд. В это время я уже находился во взводе управления батареи. Под Невелем в нашем взводе батареи многие выбыли со строя, а пополнения не было, и мне командир батареи капитан Дроботёк предложил взвод управления, где я стал связистом.

За Невель немец крепко упирался, там были сильные бои, и нам, связистам, трудно приходилось. Нитку перебило миной или снарядом, а связь дай, без связи нельзя, это глаза и уши батареи. И вот с телефоном на поясе, с катушками на спине бегаешь и по-пластунски ползаешь под обстрелом, связываешь нитку и тянешь её и день и ночь.

Как тут противник ни сопротивляется, а под сильными ударами наших войск немец откатывался на запад. 10 ноября мы были уже километров семь-десять от Невеля. Вечером мы остановились в одном большом селе, батареи замаскировали в лесу, а мы, взвод управления, пошли в дом, где и переночевали. Утром поднялись, и хозяйка дома пришла к нам, и тут у нас с хозяйкой зашёл разговор, она нам начала рассказывать, как они жили при немцах, а мы всё расспрашиваем, и так сидим в прихожей и балагурим. Вдруг слышим гул самолётов, я глянул в окно: на наш дом спикировал немецкий бомбардировщик, завывли бомбы, тут все кинулись кто куда. Командир батареи и с ним пять человек

в передние комнаты, хозяйка с пацанами в кухню и под русскую печь, двое выскочили на улицу, а я остался тут же, где сидели, в прихожей, только прижался к полу. У меня как-то выработалась такая привычка: где настигнет снаряд, мина или бомба, то я никуда не бегу, а тут же в воронку или какую-нибудь ямку, а если ничего нет, то плотнее прижимаешься к земле и ждёшь отправки на тот свет. Также мы научились по звуку определять, куда летит бомба, снаряд или мина. На этот раз бомбы падали прямо на нас, и они меня прижимали к земле. И тут произошёл взрыв, меня подкинуло вместе с прихожей, и я поднялся. В это время с передней комнаты выбежал мой товарищ связист. У него рука перебита выше кисти, и кисть руки болтается на коже, а из руки кровь струйкой бьёт. Я его остановил, достал быстро бинты из карманов и у него нашёл бинты, перетянул ему руку выше локтя, чтобы кровь немного остановить, и повёл на улицу. На углу дома были две большие воронки, и тут же были обугленные руки, ноги и лохмотья шинели, это наш разведчик, что выскочил на улицу и попал прямо под бомбу. Только мы с товарищем зашли за угол дома, как нам встретился наш батарейный санитар, и сразу кинулся ко мне. Я ему говорю, что у товарища рука оторвана, а он говорит: «У тебя вся морда и шинель в крови». Тогда я глянул на шинель и увидел, что вся грудь шинели в крови. Я достал зеркальце из кармана, посмотрел, а у меня в лице щепки торчат и лицо всё залито кровью. Тогда я санитару говорю: «Беги в дом, там, наверно, есть ещё раненые», а сам побежал к речке, что протекала рядом, и начал холодной водой обмывать лицо и щепки вытаскивать. Потом я пришёл на батарею, туда же санитар доставил раненых, в доме были ещё двое ранены. Один тяжело – с повреждением позвоночника. Их санитар перевязал, погрузил на машину и отправил в санчасть, хотел и меня отправить, но я отказался.

Царапины на лице от щёпок быстро зажили, а левое ухо долго звенело, и я стал на него хуже слышать. Ещё я сходил в тот дом поискать свою шапку, что потерял при взрыве. Шапку я нашёл в углу, но у ней вверх был разорван и остались одни клочья, а в том углу, где я лежал, в стене дырка с кулак. Не знаю, судьба, или случайность, или кто-то за меня крепко Бога молил. Этот осколок, что вынес дыру в стене и мою шапку испортил, прошёл, может, на сантиметр от головы, и я остался цел!

В этот день мы пошли вперёд и к ночи были на передовой, выбрали себе НП (наблюдательный пункт) и вели пристрелку. Дня через три пошли в наступление и погнали немца на запад.

Примерно в конце ноября 1943 года мы стали в оборону. Помнится эта оборона под Юрьеве – это так называлось село, через которое проходила оборона противника. Здесь был наш НП на выгодном месте, на высотке, с которой хорошо просматривался весь передний край противника и все подъезды к нему, и мы своей батареей пристреляли все подъезды и огневые точки противника.

Однажды утром немец решил взять у нас эту высотку. Часов в 6 утра противник дал по нашей высотке сильный артналёт. Когда рвались кругом мины и снаряды, мы были в блиндаже, а блиндаж у нас был надёжный, три наката врезанные в землю и три сверху, стереотруба была тоже установлена в блиндаже, и отсюда мы вели наблюдение. Когда после артналёта немецкие автоматчики пошли в психическую атаку, наша пехота не выдержала и отступила. И когда немецкая пехота была уже на нашей высотке, наш командир батареи дал команду «Огонь на себя!», а это значит, что наша батарея будет бить по нашему НП. В это время мы заметили, что пулемёт «Максим», который стоял впереди нас и бил по немцам, вдруг замолчал, а немцы бегут прямо на нас. Я команду командиру передал на батарею, но ответа не было, так как нитка была перебита, и тут мгновенно пришла мысль: не бежать по нитке, а бежать к тому пулемёту, что замолчал, и мы вдвоём с товарищем связистом, не сговариваясь, бросились к пулемёту. В несколько бросков мы были у пулемёта. Первый номер был убит, а второй, видно, не выдержал и драпанул. Пулемётчик убит, а ручки пулемёта держал. Я отцепил его руки, отвалил немного в сторону и взялся за рукоятки, нажал гашетки, и «Максим» заработал. А немцы уже метрах в пятидесяти, с искажёнными рожами, рукава засучены, орут что-то по-своему, видно, все были вдрызг пьяные. И когда от нашего огня эти рожи начали валиться, у нас с товарищем появился лихой азарт, лент для пулемёта было в достатке, мой товарищ закладывает их, а сам кричит мне: «Жми!» Те немцы, что бежали на нас, все полегли, а задние опомнились и начали обратно отползать. И когда уже перед нами не осталось живых немцев, тогда мы прекратили огонь. В это время правее нас бежал командир пехотного батальона Римир в одном кителе с автоматом и кричит: «Вперёд!» Пехота, которая драпала, теперь бежит вперёд и обгоняет своего командира. И тут на помощь пехоте заработала наша артиллерия. Мы с товарищем вернулись к своим, командир нас похвалил и приказал быстро наладить связь. Так психическая атака немца была отбита.

Хочу несколько слов сказать о капитане Римире. Недавно я прочитал книгу «Дорогой мужества», где есть один рассказ под заголовком «Сын древнего острова», и из этого рассказа я узнал судьбу капитана Римира, которого хорошо знал. Наша батарея долгое время поддерживала огнём его батальон, и мы с ним были вместе на НП и во время затишья вели разговор, а на войне как-то у каждого душа открыта, и почти каждый своим боевым товарищам рассказывал о своей жизни.

Так же и капитан Римир нам рассказывал о своей жизни. Он украинец, и был ещё совсем молод, на фронт пошёл добровольцем, учился в офицерском училище, воевать начал в 1942 году, его знали во всей дивизии как хорошего, смелого и толкового командира.

Помню, как он говорил: «Сколько уже воюю, в каких только переплётах не бывал, а ещё ни разу не царапнуло, наверно, кто-то крепко молится за меня, но, наверно, уж если тяпнет, то сразу». И вот когда я прочитал рассказ «Сын древнего острова», то и узнал его судьбу, оказалось, что, наверно, смерть была мгновенной, а похоронен он в городе Острове, который мы брали летом 1944 года, где мне ещё пришлось побывать в госпитале в конце 1944 года.

В начале декабря 1943 года нас сняли с обороны под Юрьеве и перебросили вправо, где мы пошли в наступление на Пустошки и Новосokolьники. Мне как связисту особенно трудно досталось в эту зиму, с начала декабря до марта 44-го. Мы всё время были в наступлении, в боях, а зима там была плохая, то ударит мороз, то оттепель, пойдёт дождь со снегом. Наш НП часто менялся, и огневые позиции мы также всё время меняли.

И вот снялись и идём. Впереди взвод управления батареи: командир батареи, разведчики, связисты. У командира планшетка с картами, разведчики несут стереотрубу и буссоль, а мы, связисты, несём по две катушки телефонных ниток и телефоны. И вот командир выбрал место НП, в первую очередь надо дать связь на батарею. Тянешь нитку, протянул, связь есть, а тут противник начал бить из артиллерии, и перебило нитку, и бежишь под обстрелом и ищешь порыв, связываешь и даёшь связь. Также нам, связистам, очень вредили наши танки, пройдёт танк, замотает твою нитку и вырвет, а ты ищешь потом, где второй конец: а если ночь, темно, а связь надо дать? Связь – это глаза и уши батареи. Всего не запомнишь, да и много надо писать, а для меня это трудная работа.

Вспоминается один случай в боях под Новосokolьниками. Противник здесь сильно укрепился и крепко сопротивлялся. Наши войска подготовили наступление, и в одно утро наша артиллерия дала сильную артподготовку, не менее часа гремело, и земля дрожала, и небо окутало дымом. Свой НП мы строили ночью на высоте в 100 метрах от противника, и мы, то есть командование наше, думали, что противник нас не заметил. Но когда в это утро отгремела наша артиллерия и пехота наша поднялась в атаку, немец начал бить из миномётов по переднему краю, и нитку – нашу связь – сразу перебило. Я побежал по нитке, нашёл порыв, связал и вернулся назад. Не добежал до блиндажа метров пятьдесят, как наш блиндаж взлетел на воздух. Я сразу растерялся и не знал, что делать, так как все, кто был в блиндаже, погибли. Потом я увидел своего командира батареи капитана Тропина, он был убит, я взял его и потащил. По пути мне попались лыжи, и я положил его на лыжи и потащил. Потом подключился под свою нитку, передал на батарею о случившемся и потащил дальше. Не доходя до батареи метров пятьсот, встретил майора Амелянова, командира разведки полка, и с ним двух разведчиков. Он мне приказал следовать с ним, и, когда он выбрал себе новое НП, я протянул нитку и наладил связь. Он вызвал на НП другого связиста, а мне приказал доставить труп Тропина на батарею, и я дотащил командира на батарею, где его похоронили с почестями, как положено по артиллерийски.

К вечеру этого дня прорвали оборону противника и пошли вперёд, и опять мы, связисты, тянем нитку по снегу, по лесу напрямую от НП на батарею. Много там осталось наших товарищей связистов.

Хочу немного сказать о капитане Тропине и о нашей первой встрече, когда он прибыл к нам в батарею. Это было ещё весной 1943 года, когда мы встали в оборону под Спас-Деменском. Как-то утром я побежал на кухню за кашей, захватил четыре котелка на четырёх человек, так как каждому ходить не охота, то мы установили очередь. Получил я кашу на кухне и бегу: в одной руке четыре котелка с кашей, а другую руку в карман, так как по утрам было ещё холодно. Не добежав до своего блиндажа, меня окликнули, я посмотрел, стоит наш старший лейтенант и с ним стоит какой-то новый младший лейтенант. И этот младший лейтенант меня подзывает к себе, я подошёл, поставил котелки на пол и доложил: «Ефрейтор Цымбал», а он мне говорит: «Товарищ ефрейтор, зашейте карман и доложите»,

и я так же ответил: «Есть зашить карман и доложить». Потом взял котелки, пошёл в свой блиндаж и рассказал своим ребятам: «Какой-то новый младший лейтенант, да ещё почти пацан приказал мне зашить карман». Ребята, как водится, подняли смех и начали меня всяк по-своему поучать, как надо зашивать карман, а командир расчёта старший сержант Веселов говорит: «Это к нам прибыл новый командир огневого взвода». Покушал я и начал зашивать карман у брюк, а товарищи, мои боевые друзья, каждый даёт свой совет, главное, что в том кармане был кисет с махоркой, и я спрашиваю: «Зашить кисет в кармане, а вы будете мне на это время давать курить?» А они: «Нет, давай кисет нам, карман надо зашить пустой». Я им отдал свой кисет и кое-как зашил карман. Пошёл в блиндаж командира, там были старший батареи и новенький, который дал мне такой приказ. И тут я, чтобы не оконфузить своего командира, доложил по всем правилам: «Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться к младшему лейтенанту». И когда получил разрешение, доложил младшему лейтенанту: «Товарищ младший лейтенант, ваше приказание выполнил», и он меня отпустил. И так до обеда я ходил с зашитым карманом, и ребята все смеялись, и курить приходилось у них просить. В обед нам дали команду «К бою!», мы дружно выбежали к орудию и начали вести огонь. Расчёт у нас был дружный, и каждый своё дело выполнял точно и быстро, и, когда нам дали команду «Отбой!» и мы почистили оружие, замаскировали и пошли в блиндаж, меня позвал младший лейтенант и сказал: «Расшейте карман». Ещё долго ребята меня шкилили, а потом забылось, когда пошли в наступление. И так уже через шесть месяцев, как товарищ Тропин стал у нас командиром батареи, так как мы были в боях, то командиры выбывали из строя, а Тропин был толковый и хороший командир. Как-то мы сидели в окопе на НП, он мне и говорит: «Товарищ Цымбал, ты извини меня за то, что я приказал тебе зашить карман», а я говорю: «Товарищ капитан, я это давно забыл и вообще я на вас не обижался, так как мы на фронте разболтались и дисциплину забываем». И как-то после этого я стал его больше уважать. И когда его убило, я не мог его оставить и постарался хоть мёртвого доставить на батарею, чтобы похоронить как положено.

После освобождения Пустошки и Новосokolьников в марте 1944 года нас отвели во второй эшелон. В начале апреля мы прибыли на станцию Локня, где и стояли недели две, потом пошли на запад, проходили Новоржев, Пушкинские Горы и стали в оборону недалеко от города Остров.

В начале мая меня командир батареи Нефёдов направил на курсы радистов, которые проходили при штабе дивизии, где мы учились до 25 июня, а 25 июня неожиданно был приказ командира дивизии: срочно сдать экзамены радистов. Мало с нашей группы сдали на радистов, потому что мало времени учились, и тем, кто сдал «хорошо», командир дивизии вынес благодарность за успешное освоение воинской специальности. Такую же благодарность получил и я. В тот же день мы отправились по своим частям. Я зашёл в штаб полка, у начальника связи получил рацию и вечером прибыл на свою батарею.

И так я снова сменил военную профессию и стал радистом. На второй день я пошёл на НП и доложил командиру о своей учёбе. Он поздравил меня, так как ему уже передали о благодарности мне от командира дивизии. Потом он меня предупредил о том, что на днях идём в наступление и что связь в наступлении будет только по радио, и приказ мне готовиться, чтоб рация работала в боях безотказно.

1 июля утром мы пошли в наступление, прорвали оборону противника и в тот же день прошли вперёд километров двадцать. Связь у нас была по радио, и мой приёмопередатчик работал хорошо. На реке Великой немец стал спешно окапываться и оказывать нам сильное сопротивление, с нашей стороны подход к реке был с чистого места – до самой реки чистое ровное поле и рожь спелая не убранная. Сели мы во ржи, стали наблюдать и вести огонь, но оттуда обозреваемость была плохой. Потом смотрим, на самом берегу реки сараюшка. Командир послал разведчика Брагина узнать, нет ли в сарае немцев, и Брагин полез по ржи. Скоро назад вернулся и говорит: «Немца в сарае нет, сарайчик забит». Мы полезли к сарайчику и с тыловой стороны забрались на чердак. Сарайчик оказался весь забит льном, и на чердаке был лён, мы пролезли к переднему фронту. Смотрим в щели, а немцы против нас на другом берегу реки окапываются и устанавливают миномёты. Командир батареи приказал мне вызвать батарею и узнать координаты, потом дал команду: «Первое, один снаряд огонь для пристрелки», прошумел над нами снаряд и разорвался сзади немцев, они посмотрели и, что-то покалякав по-своему, опять принялись за работу. А наш командир тем временем вычислил точнее прицел и дал мне команду: «Батареей беглый огонь», я передал команду на батарею. Наши родные зашумели и начали рваться точно в цель в расположении, где окапывались фрицы, их миномёты вместе с прислугой полетели в воздух. Потом командир дал команду «Отбой!», и когда дым рассеялся,

то на том месте, где немцы окапывались, ничего не осталось, всё перепахали наши гаубицы. Потом командир говорит: «Давайте, ребята, отсюда быстрее смыться, а то немец может догадаться, что здесь наблюдательный». Мы быстро выбрались и по ржи отползли на прежний НП, и точно командир наш угадал, немец начал бить по сарайчику, и он загорелся, но немец опоздал. Толковый был у нас командир батареи, капитан Нефёдов.

На этом рубеже противнику удержаться не удалось. На следующий день наши войска подтянулись, и мы, артиллерия, дали хорошую артподготовку, пошла наша пехота, и опять погнали немца на запад.

В конце июля мы взяли город Остров, здесь мне помнится один случай. Со дня наступления я всё время находился с командиром батареи на передовой, и всё время в движении, так что переобуваться некогда было, и вот когда мы подходили к Острову, у меня один сапог начал тереть ногу. Я спросил у командира разрешения переобуться, и он разрешил, а сам с разведчиками пошёл вперед. Со мной остался мой друг, разведчик Брагин.

Я переобуваюсь, а он сидит, курит. Вдруг к нам подбегает мальчик лет двенадцати и говорит: «Дяденьки, а здесь есть фрицы». Мы удивились и спрашиваем: «Где?» А он говорит: «А вон там у ржи сидят с пулемётом», и сам забрался на дерево, что стояло у обочины дороги. Залез на дерево и говорит: «Вон там они во ржи». В это время заработал немецкий пулемёт, и мальчик свалился с дерева, но мы заметили, откуда бил пулемёт, и решили его уничтожить. Я начал из автомата вести с ними перестрелку, а Брагин полез по ржи в обход, зашёл им в тыл и из автомата расстрелял их на месте. Потом подбежал я, там, у ржи, был окоп, пулемёт, двое немцев СС и большое количество патронов. Это эсэсовцы оставались на смерть, лишь бы как можно больше уничтожить нашей пехоты. Но, благодаря нашему маленькому разведчику, мы их уничтожили. Мальчик был ранен в бедро навывлет, мы его быстро перевязали и понесли, по пути попала нам санчасть, и мы его сдали в санчасть.

Своего командира и разведчиков нашли в городе Острове, доложили о нашей задержке. Ночь проводили в городе, а наутро пошли вперёд. Помню, за Островом мы в одном лесу захватили немецкий продуктовый склад. Немцу, наверно, круто здесь пришлось, потому что склад остался в полной сохранности и ничего не было нарушено. Командиры нас пугали, что может быть отравлено, но наша братва сняла пробу, и ничего вредного не оказалось. Времени нам не было разглядывать, прошли через весь склад, двери, что были на замках, поотбивали, выбрали самого лучшего вина французского с маркой «Париж», галет взяли в карманы на закуску и пошли вперёд.

После Острова мы вступили в Латвию, потом в Эстонию, брали город Виру, потом город Тарту. Трудным был наш путь, на бумаге его не опишешь.

Противник здесь крепко сопротивлялся, и каждый шаг брали с боем и жертвами. Здесь, под Тарту, я потерял своего друга радиста, он находился на НП, а я на огневой, мы менялись через три дня, это нам командир дивизии дал такую установку, чтобы хоть немного радисты могли отдохнуть. Итак, мы сменились, я пришёл на огневые, а он на НП, а через сутки меня командир дивизиона вызвал срочно на НП, я быстро рацию на спину и пошёл. Не доходя НП, меня встретил мой товарищ, у него рация вышла из строя, я ему говорю: «Иди, Саша, к начальнику связи полка и замени рацию». А он говорит: «Я проведу тебя немного вон за тот лесок и оттуда покажу, где наш НП», так как без меня они НП уже сменили. Мы пошли, идём рядом, разговариваем, вдруг впереди нас метрах в двадцати разрыв снаряда, и мы оба падаем в кювет. Конечно, мы падали уже после взрыва, потому что осколки в это время уже прошли. Свиста снаряда мы не слышали, а если услышишь свист снаряда, то этот снаряд тебя уже прошёл и разорвётся он где-то сзади, а этот взорвался впереди. У нас уже такая привычка, как разрыв, так падаешь и, как говорится, нюхаешь землю. Упали мы в кювет вместе, я немного обождал, не будет ли ещё рваться, было тихо. Я быстро поднялся, а друг мой лежит, я ему крикнул: «Саша, давай быстрее в лес, а то ещё накроет», а он лежит. Я его схватил, перевернул на другой бок, а он уже готов. Быстро осмотрел я его и увидел в груди отверстие, осколок прошёл навывлет, и, вероятно, он падал со мной уже мёртвый и даже не крикнул, осколок попал в сердце. Мне мешкать некогда, надо спешить на НП, там нужна связь, прибежал я на НП и доложил командиру. Он приказал мне вызвать батарею, я вызвал, и он взял микрофон и сам приказал старшине: «Выехать немедленно, подобрать труп и похоронить по всем правилам по-артиллерийски». Много тогда мы на латвийской и эстонской земле своих лучших товарищей потеряли.

Город Тарту полностью очистили от немца 25 августа, и километрах в пяти севернее мы встали в оборону. Здесь нам выдали благодарности от верховного главнокомандующего Сталина за взятие города Тарту (Юрьев).

В начале сентября нас с этой обороны сняли, перебросили под город Валгу. Здесь, под Валгой, у немца была сильно укрепленная оборона, и мы начали готовиться к прорыву. Находились мы тогда в 280-м артполку 146-й гвардейской стрелковой дивизии 1-й ударной армии 3-го Прибалтийского фронта. 14 сентября в 6.00 утра наша артиллерия начала артподготовку, я находился на передовой. Наша батарея поддерживала пехотную роту, и поэтому меня послали к командиру роты, чтобы по требованию командира роты вызывать огонь своей батареи. Мы находились в маленьком блиндаже на берегу реки, а на противоположном берегу немцы. Артподготовка наша длилась не менее часа. Земля дрожала, а на обороне противника всё пылало и стояли сплошные султаны взрывов. Поднялась пехота в атаку, а противник начал бить из артиллерии со второй линии обороны, у него здесь оборона была построена в несколько рядов, и, когда наша пехота поднялась в атаку, он начал бить со второй линии обороны из дальнобойных, и пехота наша залегла. Пулемётные точки у немца здесь были железобетонные, и наша артиллерия им мало принесла вреда, и эти пулемёты не давали ходу нашей пехоте. Командир роты просит огня, я передаю на батарею, и наша батарея ведёт огонь. Но противник бьёт из артиллерии и из пулемётов и не дает ходу нашей пехоте, пехота несёт большой урон. В наш блиндаж попал снаряд, одного разведчика убило, двух ранило, у моей рации передатчик вышел из строя, и я оставался без связи. Командир говорит мне бежать на командный пункт и заменить рацию. Я надел рацию за плечи и побежал на КП дивизиона. Несколько раз меня накрывали разрывы снарядов, но мне удалось добраться до КП командира дивизиона. Я доложил о вышедшем из строя передатчике, и командир велел бежать на батарею и заменить рацию. Я побежал на батарею, заменил рацию и обратно вернулся к командиру дивизиона. В это время командир дивизиона получил приказ сверху о передислокации и меня пока оставил у себя, а вечером я отправился на батарею. Ночью мы стали переезжать правее по фронту, и здесь в одном месте на рассвете мы, взвод управления батареи вместе с пехотой, под прикрытием нашей артиллерии и авиации форсировали реку Валке и к утру заняли плацдарм на том берегу реки. За тот день 15 сентября мы прошли с боями километров десять. Противник здесь всеми силами старался задержать нас и оказывал сильное сопротивление.

Ночью под покровом темноты мы, взвод управления батареи, подошли к противнику вплотную, нашли пустой сарай, сеновал, стены каменные, а крыша тесовая. В сарае стояли какие-то сельхозмашины, и здесь мы выбрали себе НП. Спать в ту ночь нам не пришлось, я сел, облокотился на рацию и так, сидя, задремал, но спал я не более получаса, и за это время успел увидеть сон, и этот сон мне тоже запомнился. Я оказался на родине, и мы с братом Иваном идём по утёсу скалы, а скала скользкая, и ноги прямо скользят на край обрыва, а там такая пропасть и дна не видать. Брат прошёл впереди, а я что ни ступлю, ноги скользят в пропасть, тут попались мне кустики крыжовника, и я стал хвататься за колючие ветки и, придерживаясь за них, прошёл эту пропасть, и мы с братом вышли на поляну. И только начали разговаривать, как меня окликнул командир батареи, я глянул, а в сарае уже видно, начало светать. Командир батареи с разведчиками забрались под крышу и начали наблюдать, а мне приказал вызвать батарею и узнать координаты. Потом сделали пристрелку первым орудием, затем немного погодя дали артналёт, пошли наши танки и пехота, немец начал бить из дальнобойных. Когда мы закончили артподготовку, я на батарею дал «аз 10», это значит, что я не буду включаться 10 минут. Только мы с разведчиками о чём-то заговорили, как у самых ворот сарая разорвался снаряд и меня ударило в бедро. Я дошёл до рации и сел, ребята подбежали, осмотрели меня, оказалось, что у меня пробито правое бедро, осколок прошёл насквозь, а в левом остановился. Ребята меня кое-как перевязали. Командир батареи по моей рации вызвал батарею и передал, что Цымбал красный и нужно его немедленно подобрать, и передал, в каком месте я нахожусь. В это время наша пехота уже пошла вперёд, немца погнали, и нашему взводу управления надо было также идти вперёд. Попрошались со мной, пожелали всего лучшего и пошли мои боевые товарищи вперёд, а я остался в сарае один, полежал немного, потом стал сам выбираться наружу. Двигать ногами я уже не мог, особенно правой ногой, и каждое движение вызывало сильную боль, и так я добрался до ворот и здесь, в воротах, потерял сознание.

В память пришёл, когда меня клали на подводу. Это было уже после обеда, на подводе меня доставили в полковую санчасть, здесь врач осмотрел, сделали мне уколы, дали спирту выпить грамм

сто, перевязали хорошо и на подводе повезли в санбат. Приехали туда уже вечером, сразу занесли меня и положили на операционный стол, подошёл хирург, посмотрел и говорит: «Газовка, приготовьте наркоз». Медсестра накрыла мне нос марлей и начала что-то посыпать, а сама мне приказывает: «Дышите глубже, считайте». И я считал.

Проснулся я и сразу вспомнил, что меня же усыпляли и хотели делать операцию. Сестра, та, что давала нюхать, стоит около меня, я её спрашиваю: «А почему не делали мне операцию», она улыбается. Я посмотрел на свои ноги, а они все в шинках от пальцев до пояса и всё забинтовано. Сестра спросила, из какой я части и откуда родом. Я сказал: «Потом». Она принесла мне кушать и стакан вина – красного кагора. Кагор я выпил, а кушать не стал. Сестра мне сказала: «Благодарите нашего хирурга, что хорошо сделал вам операцию, он очень хороший хирург, и он уже трое суток не спит, день и ночь оперирует, а другой бы вам отнял ногу, у вас была газовая гангрена», и посмотрела на мои ноги. Я понял, что если бы отняли, то всю ногу, а всю ногу отнять, тогда и жить не надо, я ей сказал: «Передайте хирургу спасибо, и вам большое спасибо». Потом нас, четырёх человек, положили в санитарную машину и привезли в город Выру. Здесь сделали обработку ран, и врачи тоже хвалили хирурга, что хорошо и удачно сделал мне операцию. Не знаю, за что они его хвалили, ведь он мне на бёдрах вырезал все мышцы: я как увидел, сам испугался и думал, что эти раны не заживут. Здесь же врачи измеряли раны, и я помню, как в истории болезни было записано: «Одна рана 10 × 20 сантиметров, вторая 8 × 15 сантиметров и третья 8 × 12 сантиметров». Здесь, в Выру, обрабатывали раны, забинтовали, наложили шины. Через сутки погрузили в санитарный поезд и повезли нас дальше в тыл. На следующий день привезли нас в город Остров, где находился стационарный госпиталь.

И так через два месяца я опять попал в город Остров, который мы брали 20 июля, теперь здесь уже был глубокий тыл.

Так началась опять госпитальная жизнь раненого солдата. Вначале мне было трудно, так как я не мог ходить. Эти утки и судна я страсть не любил. А потом, когда сняли мне шины, я с костылями начал ходить, раны мои заживали быстро, и всё шло хорошо.

В госпитале жизнь однообразная: утром подъём, поднимаемся, умоемся, кто может, делают зарядку. После завтрака врачи делают обход, потом на перевязку, после всей процедуры кто лежит, кто шляется с костылями – то по территории, то земляков проведуют. Потом обед, после обеда отдых, затем опять всё повторяется до ужина. После ужина через час сёстры всех больных загоняют в палаты и строго приказывают ложиться спать, и так протекали все дни в госпитале.

В начале декабря наш госпиталь получил приказ перебазироваться ближе к фронту, и начали наши врачи делать сортировку и отправлять нас, больных, кого куда. Тех, кто уже отвоевался, эвакуировали подальше в тыл, а тех, кто ещё должен после ремонта повоевать, отправляли поближе к фронту, в числе последних был и я. Нас санитарным поездом привезли в город Выру (Эстония), и здесь в госпитале продолжалось лечение.

К концу января 1945 года у меня раны зажили, но правая нога не разгибалась полностью, и я ходил на ЛФК (лечебно-физический кабинет), здесь мне эту ногу парили в торфе, а затем разрабатывали, приучали её быстрее разгибаться. После процедур 1 марта у меня нога стала почти полностью разгибаться, и комиссия признала меня годным к строевой службе. Таким образом, прошёл ремонт на отлично.

1 марта 1945 года меня выписали и направили в запасной полк, в запасном я побыл одни сутки, отсюда меня взяли опять в артиллерию – 122-й отдельный Псковский миномётный полк. Здесь я тоже был радистом в батарее, находился этот полк в Курляндии. Курляндская группировка противника была отрезана нашими войсками от Восточной Пруссии. В этой группировке находилось более 30 дивизий вражеских войск, и эту группировку войска Ленинградского фронта доколачивали.

Помню выступление Сталина в начале 1945 года, где он говорил: «Курляндская группировка врага доколачивается нашими войсками». Легко сказать «доколачивается», а на самом деле это был самый трудный участок фронта в то время.

Эта группировка была прижата к морю между Ригой и Клайпедой. Противник здесь настроил с помощью местного населения множество укреплений, на всех выгодных местах были построены линии обороны с железобетонными огневыми точками. И из таких укреплений приходилось нам их выколачивать, была весна, кругом вода, грязь, а земля стылая, и как следует не окопаться, а если

немного закопался в землю, там холодная грунтовая вода, и приходилось нам сидеть частенько в этой холодной снеговой воде. Выбили немца из одной линии обороны, он переходит в другую приготовленную линию, а мы опять окапываемся.

К 1 мая мы находились недалеко от Балтийского моря. С 1 по 5 мая мы отдыхали, то есть стояли в обороне. Пятого мая пошли в наступление и к 7 мая мы прошли вперёд километров двадцать. С 7 на 8 мая ночью противник неожиданно отступил, и мы всю ночь шли вперёд, шёл дождь, грязи по колено, темнота. За ночь мы прошли километров 30–40. Утром 8 мая погода сменилась и взошло солнышко. Часов в 8 утра мы обнаружили противника на занятой им обороне, подошли поближе, выбрали себе НП и начали вести наблюдение. Потом подтянулась наша артиллерия, и мы начали вести огонь по противнику. После артподготовки наша пехота пошла в атаку, противник отбивался. Потом вдруг немцы сразу бросили свои миномёты и убежали, много фрицев пришли к нам сдаваться в плен. Пошли мы взводом управления вперёд преследовать противника, немцы, видно, быстро отходили, потому что многие растеряли свои вещи, наверно, получили срочный приказ.

И так мы прошли вперёд километров 5–6 и обнаружили линию обороны противника. И вдруг видим, они выбросили белый флаг, а солдаты сидят кучками, курят, винтовки воткнули штыками в землю. Мы вышли из леса на опушку, и пехота вышла – целый батальон. Немцы нас увидели. Смотрим, отделяются двое и идут к нам. В бинокли было видно, что идут офицеры, левые рукава перевязаны белыми платками, и идут к нам. Подходят и что-то на немецком лопочут. Один наш офицер подошёл к ним и начал с ними по-немецки калякать. Потом обратился к нам и перевёл: «Это офицеры, командиры пехотных батальонов пришли к нам договариваться, как мы будем принимать их пехоту, враг капитулирует, их командир дивизии находится в штабе нашей дивизии, а эти боятся, что мы будем их убивать или издеваться и поэтому пришли нас уговаривать». Тут наша братва заговорила, каждый выкладывает своё мнение, потом наш командир батареи крикнул мне: «Цымбал, давай связь». Я быстро развернул свою рацию и вызвал дивизион. Командир дивизиона уже нас давно слушал и, как только я их вызвал, сразу начал говорить: «Война закончилась, товарищи, враг капитулирует». Я дал комбату микрофон и наушники, он стал говорить с командиром дивизиона и получил все данные, куда нам нужно двигаться. Объявил всем, что вся наша дивизия стягивается в одно место, и на карте нашли место нахождения нашей дивизии. Потом командиры приказали немцев отпустить, и мы все пошли к штабу дивизии, прошли немного влево, потом назад, здесь был хутор и хорошая паровая мельница стояла. Здесь уже почти вся наша дивизия была вместе, только танковые части, полк «катюш» и часть пехоты окружили власовскую 19-ю дивизию, которая воевала против нас. В этот день они ещё не пожелали сдаваться.

Только мы пришли в расположение дивизии, как начали подходить к нам колонны немецкой пехоты. У нас уже были назначены люди для приёма оружия. Подходят немцы батальоном, командиры первые отдают своё личное оружие, отходят в сторону и командуют своим солдатам, «наводят порядок». Каждый немецкий солдат подходит, снимает своё оружие и отдаёт нашим, а наши кидают его на кучу, разоружённые немцы строятся, и наши их сопровождают, где им уже были намечены лагеря.

И так 8-го ещё засветло наши разоружили немецкую стрелковую дивизию. Власовская 19-я дивизия не сдалась, и её наши окружили так крепко, что ни один солдат-власовец не мог выйти. Артиллерию 8-го не стали принимать. С 8 на 9 мая всю ночь наша братва пускала ракеты в воздух, и всю ночь небо горело.

Утром 9 мая я в 8 часов включил приёмник послушать Москву и слышу Левитана: «В 9:00 слушайте важное сообщение». И я к девяти приготовился, поставил на стол приёмник и тут же на стол поставил солдатский алюминиевый котелок и в котелок положил запасные наушники. В 9:00 начал говорить верховный главнокомандующий генералиссимус И. В. Сталин. Все слушали его затаив дыхание, некоторые плакали. Многое пришлось нам пережить за войну. И мы, старые, закалённые в боях солдаты, были скупы на слёзы. И тут, вспомнив свой пройденный путь, мы плакали, плакали от радости, что нам посчастливилось дожить до этого светлого дня, которого не суждено было увидеть миллионам наших лучших товарищей.

9 мая был праздник, мы гуляли, а ночью опять ракеты пускали, и музыка была, песни и пляски.

10 мая наше командование предложило власовской дивизии во избежание кровопролития к 10:00 утра сложить оружие, и они сдались, сложили своё оружие, и наша пехота под усиленным конвоем повела их в тыл. А мы как артиллерия начали принимать немецкую артиллерию. Числа до 15-го

принимали, техники здесь у немца было много, и когда приняли, то большую площадь забили их техникой.

Позже мы остановились на берегу Балтийского моря, простояли там с неделю, затем на своих колёсах поехали на восток и дня через 3–4 прибыли в Ригу, и здесь в лесу начали строить летние лагеря. Корчевали лес, строили домики и линейки, через месяц здесь вырос городок.

Виктор Цымбал

Считаю необходимым дополнить воспоминания отца и дяди Степана об участии в боях выводами из архивных данных об итогах Великой Отечественной войны, опубликованных и передаваемых экспертами по цепочке в социальных сетях, о которых участники ВОВ знать не могли.

В Европе бояться трогать тему ВОВ. Причина в том, что вся Европа воевала против СССР. После снятия Минобороны секретности с военных архивов появилась возможность опубликовать факты, которые, очевидно в целях примирения, СССР долго скрывал.

История свидетельствует:

В 1941 году на СССР напала не только Германия. Напала и вся остальная Европа, за исключением сербов и греков. На СССР шли испанские дивизии и французские легионы, армии Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, части Чехословакии, Хорватии др. Так, Брестскую крепость штурмовали австрийцы, а Севастополь – румыны и итальянцы. Даже Албания послала воевать в СССР дивизию СС «Скандербей». Рвались отщипнуть себе кусочек от СССР румыны, венгры, хорваты, словаки. В танках Гудериана чуть ли не каждый второй водитель был чех. И все они зверствовали покруче немцев. Венгров-карателей советские солдаты в плен не брали. Совсем как в Гражданскую войну, когда они уже показали себя чудовищами. Под Ленинградом и Ржевом зверствовала голландская дивизия СС «Норд-Ланд». Итальянцы, испанцы, 60 тысяч французских добровольцев из дивизии СС «Шарлемань» и охранно-карательных отрядов, швейцарцы, фламандцы, валлонцы... Дания и Испания послали своих солдат даже без официального объявления войны Советскому Союзу!

Другими словами, в момент нападения, постоянно пополняя «убыль», в армии Гитлера насчитывалось около миллиона солдат стран – союзников фашистской Германии, входящих сегодня в НАТО. Это без учёта «засланных казачков», или хиви.

Остаётся историческим фактом – до 1943 года численное превосходство в живой силе на советско-германском фронте постоянно было на стороне государств фашистского блока! Вместе с ними воевали против СССР целиком сформированные из предателей, а точнее, из изменников Родины – литовская, латышская и эстонская дивизии СС, дивизия СС «Галичина», Грузинский, Туркестанский легионы и др., всего более 400 тысяч коллаборационистов, из которых украинские хиви составляли 250 тысяч. Они не считались военнопленными, после поимки предавались военному трибуналу.

Национальный состав военнопленных в СССР в период с 1941 по 1945 год составлял:

немцев – 2 389 560 чел.,	голландцев – 14 729,
японцев – 639 635,	финнов – 2 377,
венгров – 513 767,	бельгийцев – 2 010,
румын – 187 370,	люксембуржцев – 1 652,
австрийцев – 156 682,	датчан – 457,
чехов и словаков – 129 977,	испанцев – 452,
поляков – 60 260,	норвежцев – 101,
итальянцев – 48 957,	шведов – 72.
французов – 23 136,	

На конец Второй мировой войны в русском плену (исключая немцев) побывало до полутора миллионов европейцев.

Вот поэтому мы празднуем 9 мая День Победы! А они 8 мая – День примирения и траура.

Скорбят возрождающиеся фашисты о своей непобеде в непроходящей злобе на нас! Разные у нас праздники и поводы.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Рассказ Ивана Елисеевича Цымбала, ветерана Великой Отечественной войны

На следующий день после возвращения домой я вышел за ворота, опираясь правой рукой на костыль, а левой держал за рученьку сынишку Колю. Он был одет в старенькую, во многих местах заштопанную фуфайку, на ногах были не по росту валенки, а на голове моя старая шапка. Шапка постоянно сползала на глаза, и Коля её поднимал вверх. На дворе февраль. Оглядел поля и горы, перевёл взгляд на родное село. На душе было радостно – я снова вижу эти родные места! Вспомнились замечательные слова о Родине:

Есть у каждого Родина Малая,
край, где родился и рос,
там и зря по-особому алая
и всё трогает душу до слёз.

а в мыслях родились слова:

Край любимый, край родной,
Здесь родился в декабре зимой.
И вот, сынок любимый, я стою с тобой.
Знай, сынок, с войны я возвратился ведь домой!

Мы с Колей стояли за воротами, и я ему рассказываю: «Я твой папа, три с лишним года находился на фронте, практически всё время в ожесточённых боях, на передовой, в окопах. Под Ленинградом было очень тяжело, были в полном окружении, но я сумел выбраться из этого страшного окружения в Мясном Бору в составе 2-й ударной армии. Мы, восемь человек, вышли к своим 9 сентября 1942 года, а 23 ноября уже снова воевал под Воронежем. Наша 3-я танковая армия занимала оборону, но недолго. Нас перебросили под Кантемиров, где вступили в бой. Наступали на Россошь, Чугуев, Харьков, где меня ранило осколком вражеского снаряда. Был в полевом госпитале № 2953, подлечился и продолжал участвовать в боях. Враг был силён, пришлось отступать, под ураганным огнём противника уцелел. А 18 июня 1943 года прибыл в маршевой роте на передовую южнее Белгорода на Донце, вернее, между Волчанском и Белгородом.

Враг и день и ночь посылал на нас смертоносные снаряды из орудий и миномётов, часто бомбил с самолётов. Почти месяц я смотрел смерти в глаза, каждый день по несколько раз отбивали атаки врага. В это время, особенно после 5 июля, жестокие бои шли в Белгороде и пригородах. Враг пошёл в наступление на Курск и Белгород. Было ужасно слышать и видеть этот ураганный смерч войны, 14 июля меня тяжело ранило осколками мины. Вот так, сынок Коля. Я даже и не думал и не гадал, что я выстою, уцелею в огневом, осколочном и свинцовом смерче. Но вот выстоял, правда, изрядно покалечило, но главное, живой! И вот я дома, стою с тобой, сынок. Дома я буду шесть месяцев, а когда заживут раны и окрепнет кость, я опять пойду бить гадов, которые напали на нас, и буду сражаться, чтобы победить, чтобы вам жилось хорошо и вольно». Так мы в разговоре погуляли на воздухе более двух часов.

Коле было всего 3 года и 9 месяцев, но он по-взрослому ходил с суровым лицом, и было заметно, что он всё понимал, кивал головкой и поддакивал.

В первую неделю сходил на рудник и получил продовольственную карточку на хлеб, крупу и сахар. Продукты в то время выдавали по карточкам за наличный расчёт. Съездил в райцентр, встал на учёт в райвоенкомате и сдал документы в райсобес. Мне назначили пенсию 75 рублей. Приехал домой и до 20 марта никуда не ходил. По вечерам занимался подшивкой валенок и сапог и даже пошил пару сапог для жены Нади. Ходить было больно, нога после нагрузки болела. Жена Надя работала на руднике в столовой официанткой, она и приносила полученные по карточкам продукты.

В конце марта я пошёл на почту, там нужен был работник в отделение связи, и мне предложили осваивать новую профессию на практике. С 20 марта я стал через день-два ходить учиться. Мне

дали книгу «Почтовые и телеграфные правила». Я изучал их и одновременно выполнял отдельные операции, мне рассказывали и показывали, как и что в каких случаях нужно оформлять.

В конце апреля 1944 года по-настоящему вступила в свои права весна. Я вышел на улицу, остановился у калитки, время было к обеду, день выдался ясный и тёплый. Сынишка Коля стоял рядом со мной, он от меня не отставал. Надя была на работе, а мама, Варвара Мироновна, в избе готовила обед. За двором на зелёном лужку паслась наша рыжая корова. Стою и смотрю на знакомые мне с детства поля, луга и окружающие со всех сторон горы. Правда, со стороны они увалистые и почти все вспаханы, только справа и слева на расстоянии 5–7 километров от села виднелись высокие сопки, непригодные для пахоты. На вершинах сопок были скалы и камни, а в лощинах между ними сплошной высокий кустарник.

Так я простоял больше часа. Снег уже весь растаял, и речка Кумая катила по своему извилистому руслу мутную снеговую талую воду, шум её быстрого течения заглушал наш с Колей разговор. Я его спрашиваю: «Как вы жили без меня эти три с половиной года?» Он отвечал: «Хорошо!» Конечно, он ещё не мог понимать состояния жизни. А жизнь была очень тяжёлой, это сразу бросалось в глаза. Большие проблемы были с питанием, одеть было нечего, вся одежда была старая, штопаная-перештопаная.

Настала пора пахать огород, а он был маленьким, всего 15 соток вместе с домом и двором. Но пахать весной 1944 года было нечем, пришлось копать лопатой и вилами. Пришлось трудно, за день намаешься и нога так разболится, что болит и на другой день, от боли ночами было невозможно уснуть. Но огород вскопали, большую часть огорода вскопала Надя, а я с мамой сажали картошку. Ещё вынуждены были возить грузы на нашей кормилице-корове, её, бедняжку, запрягали в небольшую, сделанную мной тележку, и она помогала нам выживать. Вскопали ещё 10 соток в поле, посеяли просо для каши.

В начале июля 1944 года меня вызвали на военно-врачебную комиссию, где продлили негодность к строевой службе ещё на один год, признали инвалидом Отечественной войны второй степени.

Весь июль косили сено для коровы. Участки для сенокоса давали в тех местах, где нельзя было косить сенокосилками. Однако колхоз забирал две брички сена из трёх накошенных. При этом сено отнималось бесплатно, объяснялось, что сено косили на колхозной земле.

Каждую неделю по 3–4 дня я продолжал ходить на работу и изучать свою новую специальность. Это длилось до августа. 1 августа я уже принял отделение связи и стал начальником почтового отделения. Оклад был небольшой – 320 рублей, на продукты хватало, но приходилось трудно, несмотря на то что в этот год урожай и в поле, и на огороде был хорошим.

К середине августа с одним из родственников, несмотря на мою слабость и боли в ноге, на телеге съездили на золотоносный участок, на котором перед войной мы не завершили выработку. Но, к моему удивлению и огорчению, он был полностью перерыт. Как оказалось, один из моих компаньонов не сдержал слова, не дождался окончания войны и вскрыл весь оставшийся невскрытым участок и лишил меня возможности добыть свою долю на открытом мной достаточно богатом, вышедшем на поверхность месторождении золота.

В один из приездов сына Виктора в отпуск я рассказал ему об этом. Сын с внуком Игорем на велосипедах посетили и поработали на этом участке, но он был так тщательно выработан, что на нём и вблизи него не было обнаружено, ни грамма золотоносного песка.

Осенью, вернее 7 ноября, мы решили отметить 27-ю годовщину Октябрьской революции. Собрались родственники и соседи, уже был поздний вечер, в небольшой избе – 20 кв. метров, где помещалась русская печь с пристроенной лежанкой, а между лежанкой и стенкой стояла кровать. В комнате было одно окно, возле него стоял небольшой стол.

Надя в торжественном радостном настроении принесла где-то припрятанную керосиновую семилитровую лампу и поставила возле коптилки, которая горела без стекла и едва освещала комнату. Надя протёрла тряпичей стекло, зажгла лампу, надела на неё стекло, подкрутила фитиль, и лампа стала освещать всю комнату. Сразу стало светлее и веселее. Расселись за столом, налили по полстопки спирта-самогона домашнего изготовления из Надиных припасов, долили стопки доверху водой и подняли тост за нашу победу. Погуляли, попели песни, погрустили о тех, кто пал на фронтах войны.

Настал 1945 год, он был очень тяжёлым для всей нашей семьи. Наша семья прибавилась. Я продолжал работать, а Надя не работала, нянчила сына Витю, который родился 22 ноября 1944 года.

Продукты мы получали по карточкам. Я получал на себя 600 грамм хлеба и на иждивенцев по 400 грамм в сутки. Ну что хлеб, к нему ведь нужен хороший приварок, а его почти не было.

Особенно тяжело переживали март и апрель месяцы. Корова была, но она ещё не отелилась, а основного продукта на селе – картошки – осталось только для посадки. Пришлось голодать, экономили каждую крошку.

Когда снег растаял, а весна была ранняя и тёплая, растения на лугах стали расти буйно. Мы стали рвать щавель, крапиву, полевой лук, чеснок и из зелени варили суп, добавляя 1–2 картофелины на 7-литровый чугунок. На картофеле перед чисткой срезали верхушки, которые хранили для посадки. Супы получались жидкие, гущи не было, была зелёная жидкость, которую в прикуску с небольшим кусочком хлеба и хлебали. Желудок наполняли, но все ходили полуголодные, потому что пища была малокалорийная, без жиров и белков.

В конце апреля наша кормилица-коровка отелилась, появилось молочко и стало намного легче. К Первомаю мы вскопали 10 соток огорода, посадили картошку, сделали грядки под чеснок, лук, свёклу и морковь, и их тоже засеяли. Колхоз нам выделил в поле в 4 километрах от села 11 соток земли в сторону Кокпектинского района в урочище под Ключами.

3 мая день был выходным, мы собрались чуть свет в поле на свой участок, чтобы его докопать и засеять просом. Взяли вилы, лопату, грабли, сумку с хлебом и молоком. «Денёк сегодня, наверное, будет ясный», – говорит Надя, когда мы вышли из дома. Шли напрямую в Преображенский ключ, по которому была протоптана дорога, правда, по ней мало ездили, так как она подмачивалась, а в вершине круто поднималась в гору. Я нёс сумку и вилы, Надя лопату и грабли, шли достаточно быстро, торопились, чтобы до обеда посеять, потому что дома остались дети, а маленький Витя ещё сосал грудь, ведь ему было только неполных шесть месяцев. С детьми осталась наша мама, Варвара Мироновна.

Опираясь на костыль, я отставал от жены, но нужно было не обращать внимания на боль, а быстрее дойти до места. На сопках и вдоль дороги начинал зеленеть кустарник, тал распускал листья, травка уже зеленела и набирала рост. Надя сначала обходила лужи, которых было много на дороге, а потом шла, не обращая на них внимания. Её немудрёные сапоги промокли, стал мокрым от росы подол юбки, и он оплетал ноги. Холодная утренняя сырость поднималась к самому сердцу. «Ничего, – говорила Надя, – только бы быстрее добраться до нашей полоски, а там обсохнем и от работы согреемся».

Стали спускаться с пригорка, откуда уже виднелась наша полоска, она была почти вся вскопана и чернела среди поля. А рядом с нашей полоской уже какая-то женщина копала лопатой. Нас удивило, кто бы мог раньше нас начать пахоту. Женщину мы узнали ещё на подходе. Это была наша кума, Дарья Сергеевна Корчик. Когда подошли к ней, она приостановила работу, распрямила спину, держа в руках лопату, улыбнулась. «Сегодня, – говорит она, – я пришла раньше, ведь я одна, а хочется посеять, пока в земле есть влага». Да, она была одна, на её руках было двое детей и престарелая свекровь. На мужа она получила похоронку, теперь надеяться было не на кого, а детей нужно кормить и учить, сквозь слёзы говорила нам.

Мы с Надей украдкой посматривали на неё. На ней были совершенно растоптанные и уже рваные сапоги, заштопанные во многих местах чулки. Она трянула головой, вытерла наплывшие на глаза слёзы, поплевала на ладони натруженных рук, взялась покрепче за черенок лопаты и молча продолжила копать свою полоску в 10 соток.

Мы прошли на свой участок и принялись за работу. До часу дня мы докопали, засеяли и заборонили граблями свой участок. Потом подкрепились и, не теряя времени, пошли домой, ведь дома нас ждали, а маленький Витя давно уже проголодался.

Через час мы были дома, Надя покормила Витю, я кое-что сделал во дворе по хозяйству. Вечером мы с Колей пошли встречать корову, пригнали её ещё до захода солнца. Надя пошла её доить, а я пошёл за телёнком, он был недалеко. Пригнал, напоил его, загнал в сарай и пошёл в дом.

Ужинали не спеша, а после ужина быстрее улеглись отдыхать, так как за день сильно устали. Но спали недолго, наш Витя часто просыпался, плакал и приходилось по очереди его качать в подвешенной к потолку люльке.

На следующий день я в 8 часов уходил на работу. В отделении связи работы было много. Мы обслуживали более 700 дворов села Малороссийки и рабочего посёлка Джумба с рудником и обогатительной фабрикой. Жители много читали, большинство семей шахтёров выписывало газеты и даже журналы. Цены на подписку были доступными. Почта именовалась Джумбинская. Зарплаты

в 320 рублей из-за высокой инфляции уже ни на что не хватало, мы едва сводили концы с концами. Когда пошёл на работу, в пенсии отказали. На зарплату мы покупали продукты, но нужно было покупать ещё керосин для лампы и хотя бы какой-нибудь материал для одежды. Электричества ещё не было, радио не было, телефона тоже не было.

Весна была капризная, часто холодало. Но тепло наступало, дни становились длиннее и теплее. Как-то я после работы пошёл искать телёнка за околицу, весна была в полном своём разгаре, и жизнь заиграла повсюду. Прошёл первый весенний дождь. Везде зеленела трава, берёзы перелились зелёным пухом, и черёмуха, и тал, и тополя расправили свои пахучие листья. Уже все лощины в горах освободились от снега. По свежему изумруду первой зелени затеплели первые цветы подснежников, а на сопках с южной стороны зацвели синие цветы местного дикого миндаля – орешника. Я с наслаждением вдыхал в себя окружающий аромат природы.

Уже вокруг растаял снег,
Повеяло теплом, весною.
Поют нам песни соловьи,
А лес оделся первою листвою.

Плетни подправили в дворе
И сор сожгли вокруг до крошки,
Вскопали дружно огород
И посадили мы картошки.

Утром 9 мая я как обычно встал рано, жена подоила корову, в табун выгонял корову я сам. Ещё по утрам и после работы занимался ремонтом сарая. После завтрака пошёл на работу, время было полдевятого утра, а так как у нас не было ни радио, ни тем более телефона, никаких новостей мы не знали. Не дошёл ещё и до середины села, как услышал впереди на улице невероятные крики, плач и неопишное ликование выбегающих из домов людей. Все бежали в центр, в сторону сельсовета, бежали женщины, старики, дети, и все в один голос кричали, в их криках доносилась до меня всеобщая радость ликования!

Многие стали обгонять меня, мелькали в разноцветных платьях женщины и девушки. Опираясь на костыль, я добавил шаг. Я ещё толком не понимал, что случилось. Спросил у пробежавшей мимо женщины: «Что произошло? Почему все бегут к сельсовету?» – «А ты разве не знаешь? Сегодня День Победы! Конец проклятой войне, которая длилась почти четыре года. Наши войска разбили вдребезги фашистскую армию!» Я от радости заплакал. Эти солдатские слёзы редко текли из моих глаз фронтовика. Но в такой радостный день они потекли по моему исхудавшему лицу.

Прихрамывая на свою раненую правую ногу, я старался не отстать от радостных ликующих односельчан. Не доходя до школы, я увидел своего сродного брата Василия Митрофановича Герасименко. Он ставил красное знамя в честь Победы! Когда подошёл к толпе людей, находившихся на площади между школой и сельсоветом, то там уже делали трибуну.

Людей собралось очень много, пришли все, кто мог ходить. И сюда с полей на телегах и верхом на лошадях подъезжали радостные сельчане. Люди обнимались, целовались, плакали от радости, были и слёзы печали. Оплакивали тех, кто отдал жизни на полях сражений и больше не вернётся в наше село. До глубины души радовались все люди. На трибуну поднялись руководители села. Митинг в честь победы открыл председатель сельского совета, инвалид Отечественной войны Антоненко. Он в своей речи сказал:

«Великая Отечественная война, развязанная фашистской Германией, закончилась нашей победой! (По площади пронеслось громкое «Ура!».) Наши доблестные вооруженные силы победили коварного, вооружённого до зубов врага и добились его в его же логове – Берлине! Фашистская Германия капитулировала!» Радостное «Ура!» пронеслось над митингующими. Выступающих было много, митинг продолжался до обеда. После митинга я пошёл домой, пообедал и быстро пошёл на работу в отделение связи. На почту приходило много людей в радостном настроении.

Ко мне на почту пришёл инвалид Отечественной войны Емельян Иванович Мамай. У него была ампутирована до колена нога. Мы стали вспоминать жестокие бои на передовой. «Трудно сказать, – говорю Емельяну Ивановичу, – как я остался живой за три года этой войны. Вначале под Ленинградом

и на реке Волхов, где получил контузию, полевой госпиталь, потом полное окружение, но я с семьёй товарищами выбрались. Потом попал на формирование в город Череповец Вологодской области в 3-ю танковую армию. В начале ноября 1942 года мы уже были на фронте у реки Дон, недалеко от села Кантемировка. Начали наступление от села Пасюковка 14 января 1943 года. С боями дошли до города Харькова, где легко ранило 17 февраля 1943 года. Попал в полевой госпиталь № 2953, в котором находился два месяца. И опять на фронт, но уже попал в 57-ю армию. Участок передовой находился на реке Северский Донец южнее Белгорода. Бои были ужасные, а 14 июля 1943 года меня тяжело ранило. Лежал в госпитале до 4 февраля 1944 года, потом направили домой как инвалида, не годного к строевой службе. И вот дома застала Победа! Немного жаль, конечно, что не пришлось мне дойти до Берлина, но товарищи по фронту добились врага в его логове! Но я счастлив тем, что в общей победе над врагом есть и моя частица».

Урожай в 1945 году был неважный, овощи тоже уродили плохо. Огородик был маленький, всего с домом и двором 15 соток. Расширять огород не разрешали даже сотки лишней, хотя вокруг пустовало много земли, на которой росли полынь и другой бурьян. Местными властями был установлен жестокий порядок. Если посеешь больше, то весь урожай с посаженного и посеянного на большей площади отнимали и увозили, не заплатив и копейки.

Настал 1946 год, первый год после жестокой войны. Весна была ранняя, огород с трудом вскопали снова вручную лопатами. Картошку снова садили обрезанными верхушками, которые заготавливали всю зиму, потому что урожай картошки был неважный. Каждый день, когда чистили картошку, первым делом срезали верхушки, где было много ростков. Эти верхушки хранили в погребе до весны, а весной 1946 года посадили почти все 10 соток.

Снабжение села было также плохое, в магазинах рудника «Джумба» не было колбас, масла, сахара. Продуктов поступало очень мало, и выдавали всё, включая хлеб, по карточкам. Я получал продукты на руднике, так как до войны работал в шахте и на добыче россыпного золота. Мне по-прежнему выдавали хлеба 600 грамм, иждивенцам по 400 грамм. Один, а кое-когда два раза в месяц выдавали мяса или колбасы, масла и сахара, но понемногу. Этих продуктов хватало на 10–12 дней.

Наша мама, Варвара Мироновна, каждое утро ходила вдоль плетней и рвала крапиву. За огородом на зелёном лугу рвала щавель, лук, чеснок и из всей этой зелени варила борщ, добавляя немного картошки и кислой капусты. Борщ получался вкусным, этим и питались.

В хлопотах и заботах прошёл 1946 год, сыновья росли. Жена пошла на работу, я работал также начальником отделения связи, Надя почтальоном, а за детьми следила наша мама, Варвара Мироновна.

1947 год также был тяжёлым, продукты также выдавались только по карточкам в той же норме. В хозяйстве имели одну корову (больше не разрешалось). Огород был той же площади – 10 соток. На этом клочке земли много не вырастишь, а семья пять душ. Мы с женой также работали, а Варвара Мироновна присматривала за детьми и помогала по хозяйству. Огород поливали, вносили удобрения из перегнившего навоза. Выращенных овощей с натяжкой хватало.

В начале декабря объявили денежную реформу, старые деньги меняли на новые – 10 к 1. Хлопот было много. Я на почте принимал старые деньги и выдавал новые. Приходилось каждый день ездить в Мариногорку сдавать старые деньги и получать новые. Там был «кустовой» пункт обмена денег. Денег, как оказалось, у населения было много. Некоторые старики сдавали по 40–70 тысяч рублей. Обмен длился всего пять дней. Кто не обменял, старые деньги пропали, они были признаны неплатёжеспособными.

Мне особенно надолго остался в памяти второй день реформы. Ведь объявили постановление правительства в 20.00 по-московскому времени. У нас уже была ночь. А утром следующего дня на рассвете я получил телеграмму, привезённую нарочным верхом на лошади из Мариногорки. Там была телефонная и телеграфная связь, а у нас её ещё не было. Обмен денег был сделан в указанный срок, но обмен был коротким, и в некоторых семьях старые деньги остались, и уже в роли сувениров, как память о прошлой тяжёлой жизни.

В трудах и заботах мы и жили.

Осенью 1954 года, 22 октября, у нас с Надей родилась дочь, мы её называли Верой. В 1955 году меня повысили по работе и назначили межрайонным контролёром-инструктором почтовой связи. Мне приходилось часто уезжать из дома в командировки по своему и соседним районам. В разъездах приходилось быть по месяцу.

В 1956 году из-за нерентабельности в Джумбе была закрыта шахта «Параллельная», а ранее шахта «Фёдоро-Ивановская». Обогащительная фабрика также закрылась, её оборудование было демонтировано и вывезено. Сотни рабочих потеряли работу и начали покидать рабочий посёлок.

В феврале 1958 года после непродолжительной болезни скончалась моя мама, Варвара Мироновна. Мы её похоронили на кладбище в Малороссийке. Снега тогда было уже много, на кладбище дороги не было. И нам пришлось сани с гробом более 200 метров тащить от дороги на себе вручную.

Жене одной дома стало тяжело, и в конце 1959 года я решил уйти с этой работы. С 1 января 1960 года поступил на работу в торговую организацию. Принял магазин смешанных товаров в селе Малороссийка. Особенности работы продавца освоил быстро. Работал успешно, торговые планы выполнялись и перевыполнялись, заработок повысился.

В 1960 году в связи с закрытием рудника и массовым сокращением населения в Малороссийке закрыли среднюю школу. Школьникам после 8-го класса пришлось искать места продолжения учёбы в соседних сёлах. Вите мы предложили учиться в Большой Букони, где жила моя тёща, Анастасия Васильевна, и сестра Нади Зинаида. К 1 сентября он уехал в Большую Буконь, сын Николай служил в армии. Дома мы остались втроём, мы с Надей и дочь Вера. Присматривать за хозяйством стало сложнее. Приходилось прибегать в обед домой и выполнять неотложную работу – напоить корову, дать ей корма, быстро кушать и снова бежать на работу. Вечером кто раньше приходил, тот и управлялся по хозяйству.

Летом 1962 года сын Виктор окончил с золотой медалью 10 классов Больше-Буконской средней школы и поступил в Каспийское высшее военно-морское училище в городе Баку.

В декабре 1964 года я взял отпуск и поехал в город Алма-Ату к своим родным – сестре, Аграфене Елисеевне, и зятю, Павлу Ивановичу Петренко, гостил там неделю. Однажды на автобусной остановке я встретил начальника почтовой связи Восточно-Казахстанской области, у которого я был в подчинении, когда работал контролёром-инструктором. Он мне предложил бросить эту трудную торговлю и пойти опять начальником отделения связи «Джумба» в селе Малороссийка. В то время я уже подумывал бросить торговлю. Уж очень много было жуликов на перевалочных складах. Приходилось при приёме товара взвешивать каждую коробку, каждый мешок. При взвешивании выявлялась недостача практически по всем позициям. У меня не хватало нервов терпеть эти безобразия, и я со-

Семья Ивана Елисеевича Цымбала с родственниками, 1968 г.

гласился. Мы договорились, что с 15 декабря 1964 года моя жена Надя, она работала почтальоном, примет отделение связи, а работающий начальник пойдёт в отпуск. Я должен помочь Наде принять отделение и помогать ей до января 1965 года, а с 1 января перейти на работу начальником отделения связи. Я так и сделал.

После возвращения в Малороссийку я подал заявление на увольнение с торговой работы. Меня отказывались рассчитывать, но я на работу в магазин не вышел, а пошёл работать начальником отделения связи. Зарплата была меньше, но зато спокойнее. Я часто, когда было мало почты, выполнял работу и за жену, а Надя была дома и занималась хозяйством.

В 1968 году сын Виктор окончил в Баку Каспийское высшее военно-морское училище, женился, в звании лейтенанта прибыл с женой Олей в отпуск. К его приезду я пригласил в гости родственников. На торжество приехали мои братья и сёстры, сёстры жены Нади. Многие приехали с жёнами и супругами. Всего собралось около 60 гостей. По окончании отпуска Виктор и Оля уехали в город Североморск – главную базу Северного флота.

В 1970 году я вышел на льготную пенсию, мне исполнилось 55 лет. В соответствии с законодательством инвалиды Отечественной войны 3-й степени могли уходить на пенсию на пять лет раньше. Однако дома не сиделось, и я периодически летом работал то охранником, то заведующим током, а больше занимался ремонтными работами скотобаз в совхозе.

Мне без дела, без постоянной работы было очень трудно. Привык постоянно быть при деле, среди людей, и приносить пользу населению. Каждый пенсионер поймёт мою тоску. Я себя успокаивал: «Не тоскуй Ваня, неужели не наработался за 42 года постоянной работы? Ты ведь официально пошёл работать в старательскую артель по добыче россыпного золота, когда тебе ещё не исполнилось даже и 14 лет! После приобретения опыта по добыче золота продолжил работу в шахте, а с 1937 года уже руководил коллективом смены шахты в 145 человек. Да за эти трудовые годы ты заслужил получение пенсии до достижения пенсионного возраста, теперь отдыхай!»

Школа Горпромуч, 1937 г. Иван Елисеевич Цымбал второй слева в верхнем ряду

Коллектив Самарской конторы связи. Иван Елисеевич Цымбал первый слева в 3-м ряду

Легко сказать: отдыхай, но я привык постоянно работать, у всех на виду был и всем был нужен. Часто люди обращались за советом, а теперь даже раз в неделю никто не заходит ко мне и не интересуется, как он там.

Я просыпаюсь, как и раньше, спозаранку, вскакиваю, хватаю одежду, боясь опоздать на работу, и только поднявшись, понимаю, что спешить и опаздывать некуда, а домашняя работа может подождать. После этого не спеша одеваюсь, расправляю плечи, подымаю повыше голову, вздохну полной грудью и иду во двор заниматься своим хозяйством.

Иной раз возьмёшь вилы, подойдёшь к стогу сена, принесёшь навильник корове иловишь себя на мысли, что думаешь не о том, что делаешь, а о работе. Ведь столько лет изо дня в день без пропусков работал. За плечами 39 лет рабочего стажа плюс три с лишним года Отечественной войны. Есть что вспомнить. Только после войны с июля 1944 года 26 лет проработал в почтовой связи, начальником отделения. Начал работать, когда ещё ходил с костылём. Нужно было зарабатывать, ведь пенсия была нищенской – 75 рублей, а на почте стал зарабатывать 320 рублей. Так началась моя работа после войны.

Наступил 1971 год. Встретили его, как и положено, празднично. Ходили в клуб на бал-маскарад, а придя домой, посидели за столом до наступления Нового года, поздравили друг друга, подняли тост за Новый год, загадали желания под новогодние сны и легли отдыхать.

Особенного ничего нам не приснилось, 1 января, как и в предыдущий день, морозило, но немного сильнее. На душе становилось радостнее, дни становились длиннее. Приближалась и, наконец, наступила долгожданная весна. Первым делом я занялся посадкой деревьев. Сажал в основном вербу. Нарубил более 20 черенков у стоящей недалеко от дома большой вербы и посадил их вдоль арыка в низине у речки, из которого поливали огороды, и три черенка посадил недалеко от дома в овражке между нашим домом и домом Леоновых. По нему стекает талая и дождевая вода, и деревья в этом месте должны расти хорошо. Там же посадил четыре тополя, их периодически поливал, и они хорошо принялись и зазеленели вместе с уже растущими деревьями.

К Первомаю земля прогрелась, мы посадили на огороде картошку, в грядках лук, морковь, чеснок, свёклу, на небольшом огороде-капустнике у речки капусту и огурцы и стали за ними ухаживать. Вскоре подошла пора заготовки сена для нашей коровушки. Сено заготавливали сами, косили вручную. Для перевозки нанимали лошадь с телегой. Вот так из года в год жили пенсионной жизнью.

Подходил 1982 год. Мы с женой Надей написали новогодние поздравления всем родным и друзьям, всего 56 открыток. Многим писали так:

Встречая Новый год в застолье
В тот весёлый торжественный час,
Поднимите тост за счастье, здоровье,
Добрым словом вспомните о нас.

Поднимите тост за труд ваш новый,
За свет, что светит нам вдали,
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей Земли.

Поднимите тост, чтоб много было хлеба
И благополучие своё,
За чистое и голубое небо
И за то, чтоб не было войны.

Проводили 1982 год, встретили Новый, 1983 год и стали ещё на один год старше. Получили много поздравительных новогодних открыток от детей Коли, Вити, Верочки. Много было открыток от племянников, сродных братьев, родных сестёр, друзей. Мы с Надей много раз их перечитывали.

Зимой я часто ходил на лыжах за речку Кумая, выходил на небольшую сопку и подолгу смотрел на родное село Малороссийку. Мысли иногда рифмовались в стихи:

На лыжах на горку я выйду
За небольшою речкой Кумая,
Простор вокруг прекрасный вижу,
И радостно забьётся сердце у меня!

А иногда стоишь или шагаешь по белому снегу, а в сердце занозой колют воспоминания о той кровопролитной жестокой войне:

Мы на врага шагали в бой,
Шли в горах и по долине.
С траншей писали мы домой:
Добьём фашистов всех в Берлине!

В один из дней я ходил в Преображенский ключ, он от нашего села в 2 километрах. Там выросли густые высокие берёзы. Я, стоя, опёрся на один из стволов, приподнял правую ногу. Она от ходьбы на лыжах стала побаливать, особенно в том месте в стопе, где находился осколок. Он хотя и небольшой, но часто даёт о себе знать.

Мне напоминать о войне не надо,
Она всегда сидит во мне.
Осколок минного снаряда
Ношу с войны в своей ноге.

На природе хорошо отдохнул, а ходьба на лыжах в полной тишине угоняет плохое настроение. А хороший настрой развивает мышление и думается лучше. Шагая меж берёз и осин, я размышлял о природе. Как хорошо, что растут такие прекрасные высокие белоствольные берёзы. В каждой небольшой ложине недалеко от села растёт высокий и ветвистый осинник, а по речке много тополей и тала. Я шёл, размышлял о природе:

Мир вечен, только мы не вечны в нём,
Ударит смертный час, и нас не будет.
Но мы природу строго бережём,
Она необходима людям!

Лето 1983 года пролетело быстро. Не успели заготовить сена для коровы, как уже настала осень, её первый месяц на селе – время многотрудной работы. Нужно выкопать картофель и заложить его на зимнее хранение, убрать подсолнухи, мак, горох, огурцы, помидоры, тыкву. Хотя у нас всего понемножку, но хлопоты есть. К октябрю нужно убирать лук, чеснок, морковь, свёклу. Последней из овощей убираем капусту. Пока постепенно всё сделал, настал ноябрь, уже предзимний месяц.

Зима наступила неожиданно и быстро. 6 ноября с утра всё небо заволочло серыми, свинцового цвета тучами, и заморосил мелкий дождь с постепенным переходом в мокрый снег. За сутки он немного припорошил землю. Утром 7 ноября ещё прошёл снег, и к вечеру толщина снега была около 8 сантиметров. Три дня стояли морозные дни, мороз доходил до 15 градусов, но с 12 ноября резко потеплело, снег ненадолго растаял. Через неделю, а вернее 23 ноября, пошёл дождь, который к вечеру перешёл в снег, к утру подул северный ветер со снегом, а в ночь ударил мороз до 18 градусов, снег замёрз, земля оделась в ледяную корку толщиной более 6 сантиметров.

В этот осенний день, 24 ноября, я проснулся рано утром, когда ещё только начинало светать. За окнами едва растворялась сумрачная темнота. Я тихонько поднялся с постели, вышел на кухню, включил свет, не спеша тепло оделся и осторожно, без шума, чтобы не разбудить жену, открыл дверь и вышел на улицу.

Холодным севером дохнуло,
И небольшое наше село
Сильным ветром захлестнуло,
Дома под крыши занесло.

Во дворе сразу почувствовал, что воздух холодный. Термометр показывал 15 градусов мороза. Поднял голову и посмотрел на густо усеянное звёздами небо. Там, словно в бездонной глубине, хотелось увидеть свои прожитые годы. Как быстро летит время, подумал я, как далеко остались те дни, когда наши сыновья Николай и Виктор и дочь Вера были детьми, ходили в школу, а мы с женой Надей заботились о них, чтобы они были обуты, одеты и хорошо накормлены, а летом они бегали босиком по тёплой земле и зелёной травке.

Я глубоко вздохнул и почти вслух проговорил: «Что о годах горевать, года назад не вернёшь, в этом сила и закон жизни на белом прекрасном свете». Более часа находился во дворе, то медленно прохаживался от веранды до ворот, в раздумье остановился у калитки и стал прислушиваться к уличному шуму. Вот по улице, освещая фарами дорогу, на выезд из села прошёл автобус. Он, мигая на неровной дороге задними красными лампочками, катил в сторону села Мариногорки и вскоре скрылся за увалом. В соседнем дворе в сарае голосисто пропел петух, тут же ответил наш петух, но уже громче и мелодичней. С минуты на минуту должно взойти солнце. Его лучи уже подсвечивают небосклон на востоке. Надышавшись свежим воздухом, занёс в дом дрова и уголь, открыл трубу, положил под плиту дров, угля и поджёл их. Сухие дрова разгорелись быстро. Жена Надя уже проснулась и начала хлопотать возле плиты, чтобы приготовить завтрак.

Вот так мы и проводим зимние дни и ночи, а утром прогуливаемся на чистом воздухе на улице. 10 декабря мы с Надей послали почтовым переводом деньги в фонд мира 100 рублей. Мы хотим мира, пусть никогда не будет войны. Нам пришлось пережить самую кровопролитную войну с немецкими фашистами. На талоне перевода написали: «Мы уже пожилые люди, нам пришлось пережить ужасы войны. Я на фронте, а жена в тылу ковали победу. Наш небольшой вклад пусть поможет делу укрепления мира. Пусть наши дети и внуки живут без войны и не видят её ужасов». 18 декабря нас пригласили в клуб, где состоялся молодёжный митинг жителей села под девизом «Мы не дадим взорвать мир!».

Все присутствующие в клубе единодушно поддержали миролюбивую политику нашего правительства и гневно осудили гонку вооружений, особенно ядерных. Меня попросили выступить. В короткой речи я сказал:

«Товарищи комсомольцы, дорогие юноши и девушки. Нет ни одного человека, от молодых до престарелых, которому не нужен мир! А в настоящее время международная обстановка очень напряжённая. А почему? Да потому, что империалисты, враги трудового народа, из кожи лезут вон, чтобы остановить неумолимый наступательный ход истории, революционный шаг людей труда, национально-освободительное движение угнетённых народов, повернуть саму историю. Сознывая своё бессилие, президент США и его подручные из блока НАТО систематически клеветают, обманывают, пытаясь всячески очернить миролюбивую политику Советского Союза. Они призывают к перевооружению Америки и довооружению стран НАТО. И вот в декабре этого года приступили к размещению ракет “Першинг-2” и крылатых ракет у нашего порога. А поэтому я, как ветеран войны, призываю вас крепить оборону. Нам нужно трудиться честно и без усталости выполнять и перевыполнять нормы и этим крепить могущество и обороноспособность нашей Родины, и это будет гарантом нашей безопасности и мира».

В декабре послали 48 новогодних поздравлений родным и друзьям на различных почтовых открытках. В некоторых открытках я рифмовал строки:

Желаем вам счастья много,
Чтоб вы не знали горя,
Никогда бы не болели,
Очень долго не старели,
Чтобы в жизни вашей личной
Было всё всегда отлично!

Нам слава не даром даётся,
Мы честно и гордо живём,
Богатство трудом достаётся,
Награды добыты трудом!
Седина, ну что ж, ведь годы не вернёшь!
Года бегут, как весенние выюги.
Но забыть их нельзя,
С Новым годом, друзья!
С Новым годом, дорогие подруги!

Каждую открытку посылали в конверте.

Под Новый год ходили с Надей в клуб. Посмотрели маскарад, танцы вокруг нарядной ёлки, общались с молодёжью. Для нас практически все пришедшие на маскарад были молодёжью, так как мы были, пожалуй, старше всех. После праздничного общения в клубе пошли домой смотреть по телевизору праздничный новогодний концерт. В 00.00 встретили Новый, 1984 год, пожелали друг другу здоровья, в мыслях поздравили детей. А потом ещё долго вспоминали о нашей жизни.

В первый новогодний день я, как обычно, проснулся рано, когда ещё и на востоке не брезжил рассвет. Звёзд видно было мало, их закрывали серые тучки. Оделся потеплее в полушубок, на голову надел тёплую чёрную шапку. Прошёл к калитке и почувствовал, что воздух намного холоднее, чем вчера. Вернулся к веранде, зажёл спичку, чтобы посмотреть температуру на уличном термометре, он показывал 18 градусов мороза. Прошёл по двору, размял тело, принёс корове и козе сена. Появились первые деревенские утренние звуки, это начали просыпаться петухи. Один за другим голосистым пением они оповещали о наступлении утра нового дня нового года. Он прошёл в повседневных заботах и без особых событий.

И вот уже близится 1985 год – год сорокалетия нашей победы над фашистской Германией.

Времени много прошло,
Пусть морщины давно,
Только мы не стареем душою!
Седина, ну и что ж?

Ведь года не вернёшь,
Уж зажили военные раны.
Поздравляем с Победой вас,
Дорогие друзья-ветераны!

В преддверии наступающего юбилейного года мы снова приобрели и разослали родным и близким около 50 поздравительных открыток с новогодними поздравлениями:

Поднимите бокал, все кто молод и стар,
Поднимите на радости с нами!
Пусть играет вино,
Пусть морщины давно,
Не старейте душою вы сами!

Зима приходила быстро и просто незаметно. К Новому году снега насыпало около метра, и морозы стояли ночью 28–30 градусов, а днём 10–15. Под Новый год я с женой по традиции решили идти в клуб посмотреть новогоднюю ёлку и праздничный концерт. Из дома вышли около 19.00, шли не спеша. Нас то и дело обгоняли молодые люди.

Когда мы зашли в клуб, нас встретила сверкающая нарядами красавица-ёлка. Вокруг неё ходили Дед Мороз и Снегурочка. К ним присоединились персонажи из сказок в маскарадных костюмах и масках и организовали хоровод вокруг ёлки. Мы с Надей прошли мимо танцующих к сидящим на скамейках женщинам. Надя присела на свободное место, а мне уступила место молодая красивая женщина. Я поблагодарил её и уселся на плоской деревянной скамейке, снял шапку, положил её на колени и стал любоваться новогодним карнавалом.

Справа от меня сидели две женщины, одна лет сорока, с бледным худым лицом, вероятно, в молодости она была очень красивой. Её чёрные брови подчёркивали приветливо светящиеся карие глаза. Присмотревшись к ней, увидел её лицо в мелких морщинках, под глазами были заметны с синеватым оттенком мешочки, и стало ясно, что её опутала злодейка с 40-градусной наклейкой, вернее, любительница спиртного.

Другая женщина сидела чуть подальше, старушка лет 70 с седыми волосами и чуть сгорбленной спиной. Она внимательно смотрела на танцующих и улыбалась.

Танцевали под баян. Пожилой баянист, Александр Ильич Симков, ловко перебирал клавиши и растягивал меха баяна. Он играл разные мелодии, то плавные вальсы, то любимые в народе песни, то заразительные танцевальные мелодии, такие как «Подгорная», «Цыганочка», «Во саду ли в огороде». Играл красиво, и под голосистые звуки баяна веселящаяся публика танцевала удивительно хорошо.

Вдруг баян затих, танцующие остановились. Дед Мороз громко объявил: «Слушайте современную музыку, ансамбль “Трио”»! Тут же грохнули барабаны, запищали электронные гитары и ещё какие-то коробки. Они так загремели, что мои оставшиеся волосы начали подниматься дыбом, барабанные перепонки, выдерживавшие взрывы снарядов, едва терпели эту сумасшедшую музыку. А музыканты под эту музыку так подскакивали и вертели лохматыми головами и вдобавок топали ногами, будто кто-то их дёргал за хозяйство и колот в зад острыми иглами.

Вдруг певцы замолчали, музыка, прекратилась, в ушах зазвенело от неожиданной тишины. Я поднялся и быстро подошёл к жене и говорю ей: «Пошли домой, пока ещё целы барабанные перепонки, а то если ещё раз грянет гроб-музыка, так называемый современный электронный и барабанный ансамбль, то чего доброго могут не выдержать наши уши, и мы оглохнем и не сможем больше наслаждаться прелестями звуков нашей природы и общаться с родными, близкими и друзьями». Мы быстро вышли из клуба и огорчённые так называемой современной музыкой пошли домой. По пути домой под впечатлением чрезвычайно громкой музыки сочинил четверостишие:

На электронике играют
И ногами топают,
А у зрителей в ушах
Перепонки лопают.

Не спеша прибыли домой, зашли в тёплую избу, включили свет, уселись на мягкий диван и стали смотреть Новогодний огонёк. В 00.00 подняли бокалы с ароматным соком за наступивший 1985 год и поздравили друг друга. Потом ещё долго говорили о нашей жизни и смотрели праздничный концерт по телевизору. Вот так мы встречали юбилейный год.

Наступил март 1985 года, по календарю пришла весна, но весенний март не уступал зимним месяцам. Ночью стояли морозы 20–30 градусов, а днём 10–15 градусов мороза. 20 марта снег ещё не начинал таять, днём держалась температура 3–4 градуса мороза. Дни, конечно, стали длиннее и теплее, долгота дня 12,5 часа. Всё раньше и раньше всходило солнце над снежными горами, днём солнце пригревало, и под его лучами всё вокруг искрилось и сверкало. В горах и на поле нетронутыми лежали сугробы снега.

Бывало, в ясный день выйдешь за речку Кумаю, а кругом до боли в глазах искрится сплошная белизна! Но воздух уже начинает по-весеннему пахнуть, а чуткое ухо ловит знакомые звуки весны. На кудрявой ветке белоствольной берёзы накопилась большая шапка снега. Я смотрю на неё, думаю и почти вслух говорю: «Вот пригреет весеннее солнце, и эта шапка подтает, ветка освободится от тяжести снега, выпрямится и начнёт распускать зелёные почки».

Приближался май, я разослал открытки родным и знакомым, поздравил с днём 40-летия Победы. Ветеранам войны писал так:

Много времени прошло,
Пусть морщины давно,
Только мы не стареем душою!
Седина – ну и что ж,
Ведь года не вернёшь!
Поздравляю с Победою Вас,
Дорогие мои ветераны!

Ко Дню Победы меня наградили медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны 2-й степени. В День Победы, 9 мая, мне вручили ценные подарки: тёплое одеяло за 57 руб., часы наручные за 54 руб. и тульский электросамовар. Подарки хорошие, государство не забыло ветеранов и отметило своим вниманием за пролитую кровь и перенесённые невзгоды войны!

Мы с женой Надей снова послали почтовым переводом 200 рублей в Советский фонд мира.

Настал декабрь. 17 числа мне исполнилось 70 лет. Поздравить меня с юбилеем приехали сын Николай и дочь Вера. Погостили всего один день. Мы с Надей проводили детей, я зашёл на почту, купил 50 новогодних открыток для поздравлений родных и друзей. После поздравительных слов с Новым, 1986 годом писали:

Вместо водки чай себе налейте,
Им вы душу согреете свою!
Не ругайтесь, друг друга жалеите,
Не болейте вы в новом году!

Ещё налейте чай из самовара,
Вкуснее он и лучше, чем вино!
Сила в нём и бодрость от заvara,
А для здоровья очень хорошо!

Или к поздравлениям приписывали такие слова:

Встречая Новый год в застолье
В этот весёлый и радостный час,
Пейте чай на счастье, здоровье,
Добрым словом вспомните нас.

Пейте вы ещё за труд свой новый,
За солнце, что светит вдали,
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей земли!

Трудитесь, чтоб много было хлеба,
За мир боритесь все вдвойне.
Чтоб над нами было голубое небо,
Чтоб люди все не знали о войне!

Ведь в 1985 году было принято постановление правительства о борьбе с пьянством и алкоголизмом. И мы его поддерживаем!

Зима пролетела быстро, снег сошёл. В перерывах между работой в огороде я решил закончить очищение и оборудование родника в урочище Кожайдак, в долине ключа, впадающего в речку Кумаю. Эту работу я начал в прошлом юбилейном году. За прошедшие годы скот затапывал родники, их, как раньше во время сенокоса, уже никто не чистил, и ключ, в котором в детстве купались наши дети, начал мелеть и мог пересохнуть.

Чистку родника я начал с мая. Приток родника углубил, очистил, обложил камнем, к роднику прокопал канавку, чтобы обеспечить уклон, и уложил алюминиевую трубу так, чтобы вода стекала по трубе. У окончания трубы очистил грунт, чтобы под струю воды можно было подставить котелок. Для обеспечения стока воды и удобства уложил крышку от колеса трактора «Беларусь» и лист железа. Трубу обложил прочной серой глиной, а сверху выложил дёрн и хорошо его утрамбовал. Родник огородил штакетником и сделал калитку. Позже я привёз и установил у родника скамейку. Пожалуйста, заходи и утоли жажду чистой родниковой водой. Приток воды летом был хороший – литровая банка за 5 секунд, то есть 720 литров в час, а в сутки более 17 кубических метров воды обеспечивал приток в речку Кумаю!

Чистый маленький родник,
Журчит он еле-еле!
Ты случайно не сродни
Внучке нашей Лене?

Что-то хочешь нам сказать,
Журчишь, переливаешься,
Название просишь тебе дать
И на голос отзываешься.

Приблизилось и вступило в свои права лето 1986 года. Всё вокруг цвело. Цвели и луга, и горы, везде разносился аромат цветущих трав и цветущего на сопках кустарника. 10 июня прилетел сын Виктор, он приехал в короткий отпуск перед переездом на службу в Москву. Прибыл он для нас неожиданно, всего за полдня добрался из Москвы до нашего села. Транспорт стал несравнимо скоростным. Не то, что раньше, когда добирались поездом, а потом на лошадях.

Виктор приехал специально, чтобы помочь в заготовке сена. Урожай травы в этом году был хороший, и погода удалась на славу, как раз для сенокоса! На следующий по прибытию сына день я рано утром отклепал косу и подготовил её, а потом вместе пошли и подыскивали место для сенокоса на берегу речки Кумаи. Виктор, пока была роса, начал косить.

В перерыве, пока подсыхало накошенное утром сено, мы с сыном на велосипедах поехали посмотреть родник в урочище Кожайдак, который я очистил и огородил в мае. От просёлочной дороги, ведущей в сёла Мариногорка и Белое, которую закончили строить несколько лет назад, мы спустились пешком к ключу по зелёной в колено траве. Велосипеды поставили к изгороди, открыли калитку. Текущая по трубе вода тихо журчала. Я снял с гвоздя стеклянную банку, подставил под струю, банка мигом наполнилась хрустально чистой родниковой водой. Мы присели на скамейку и стали с наслаждением пить маленькими глотками прозрачную холодную воду.

Сидя на лавочке, любовались окружающей зелёной природой. Я задумался о прошедшей жизни, вспомнил, как раньше наши родители и деды заботились о природе, её красоте. Мне становилось обидно, что мы не сумели сохранить то, что было при наших родителях. А раньше и старики и старухи трудились до глубокой старости, они старались украшать нашу землю, сажали деревья, чистили родники, заботились, чтобы ключи и речки были чистыми и было больше в них рыбы. А на улицах села было много зелени, у каждого дома в палисадниках предписывалось сажать черёмуху, малину, цветы, чтобы каждый дом утопал в зелени и цветах. По воскресеньям, а иногда и в другие дни по вечерам собирались где-либо на лавочке, а то и просто на специально уложенных брёвнах возле палисадников и пели душевные песни – и весёлые и грустные. В такие часы отдыха было весело, люди хорошо отдыхали и после хорошего отдыха хорошо работали.

После Кожайдака мы проехали в долину Зелёную, где я также очистил и обустроил затоптанный скотом родник. Виктор на память сделал фото у этого родника.

Обустроенный родник на Зелёной, 1986 г.

Раньше, в двадцатые-тридцатые годы двадцатого века, в наших речках Джумба, Буконь, Сидоровка было много рыбы. Самой крупной вкусной рыбой был таймень. Ловили тайменей по 8, 11 и даже 16 килограмм. Таймень был и красивой рыбой, его плавники были красноватые. Он даже заходил в речку Кумаю. Было много мелкой рыбы, такой как пескарь, выюн и краснопузка (малявка). Эту рыбу тоже ловили, она очень вкусная. Было много птицы – тетеревов (косачей), рябчиков, перепёлок, уток, гусей. А зайцев было так много, что они по ночам подъедали снизу скирды сена. И об этом богатстве все заботились и учили, как нужно заботиться и сохранять окружающую нас природу, её богатство для детей и внуков.

Мы следуем наставлениям наших дедов и бабушек, отцов и матерей. Но, к большому сожалению, мы не сумели сохранить то, что оставили нам родители. Почему? Потому, что повсеместно нарушено самоуправление. Нет взаимопонимания между назначаемыми руководителями и населением. Все родники затоптаны скотом, а в отдельных местах и тракторами и машинами. Рыба подохла или ушла из речек, потому что она любит чистую воду. С мазутом, бензином, соляжкой и химикатами она

не ужилась. Техники стало много, механики и шофера моют машины и тракторы в речках. Стоянки техники делают вблизи ключей и речек. Весь пролитый бензин, солярка, масла смываются в речки. А больше всего повлияло на рыбу бесконтрольное хранение под открытым небом и применение на полях химикатов. Рыба от них дохнет мгновенно. Первыми покинули наши речки таймени, а потом и другая рыба. В последнее время начали борьбу за сохранение природы, но толку пока ещё мало.

За 10 дней Виктор накосил и сложил в большие копны восемь одноконок первосортного сена. На 11-й день он уехал, через сутки уже был в Североморске, а через неделю переехал с семьёй в Москву, к новому месту своей службы в должности заместителя главного штурмана ВМФ. Об этом он нас оповестил телеграммой.

В конце июня этого года приехали дети сына Николая – наши внуки Марина и Женя. Они уже окончили девять классов, стали взрослыми и нам помогли перевезти заготовленное Виктором сено. За два дня сено перевезли и сложили в скирду у дома.

В начале августа настало время внукам уезжать. Мы помогли им собрать чемоданы. Марине подарили некоторые платья и отрезы на платья, Жене – рубашки и наручные часы с браслетом. В сумки положили продукты на дорогу и в шестилитровый бидон налили душистого мёда. Провожать внуков до села Самарки поехала Надя. Мы решили их проводить, так как они самостоятельно приехали к нам в первый раз. Там Надя посадит их в автобус до Усть-Каменогорска. Я остался дома один. Первым долгом мне нужно было подоить корову и выгнать её в табун. Доить корову я люблю. Взял подойник (ведро для молока), зашёл в пригон, подоил, процедил молоко и быстро пошёл выгонять корову Зорьку в табун.

В житейских заботах наступила осень 1986 года. Она нас радовала, сентябрь стоял тёплый, сухой и ясный. Пришла пора убирать огород. 12 сентября было ясное тёплое утро. Мы с женой после сытного завтрака вышли на огород, располагавшийся рядом с домом, и начали копать картошку. Её было посажено всего 6 соток. Мы не спешили, убрали в день по 1–2 сотки, переносили в мешках и укладывали в погреб. В этот год мы накопили 120 ведер картошки.

В октябре, ко дню рождения Веры 22 октября, мы купили и отправили поздравительную открытку с днём рождения и пожеланием здоровья и счастья.

Года идут, мы живём не горюя,
Проходят незаметно и ночи, и дни.
Поздравляем тебя с днём рожденья, Веруня,
Будь здорова, счастливо живи!

Наступила весна 1987 года. Одна из первых примет весны – это появившиеся сосульки вдоль крыши избы и сарая. Тёплые лучи солнца пригревают крышу, под снегом просыпается и оживает вода, и днём вызванивает капель. Но морозный ветерок подмораживает, и зарождаются прозрачные ледяные сосульки. Сначала они маленькие, свешиваются белыми хвостиками, а потом вырастают в хрустальные гирлянды.

Дни становятся всё теплее, солнце всё ярче. Сосульки сначала растут, потом становятся ноздреватыми, сырыми, рыхлыми, потом вдруг обрушиваются и рассыпаются со стеклянным звоном.

В начале марта утреннюю тишину нашего села разбудил громкий рокот экскаватора. Его поставили между школой и конторой совхоза. Он развернулся, как бы обдумывая, как лучше начать рыть котлован для строительства трехэтажного здания школы. За 16 дней был вырыт котлован длиной 28 метров, шириной 24 метра и глубиной 3 метра. И приступили к закладке фундамента подвального этажа.

Приблизился апрель.

Не грозят ещё тучи грозой,
Но запели на ветках скворцы,
И вокруг уж запахло весной,
Это чувствуем мы, старики.

К 1 апреля мы послали открытки внукам Марине и Евгению, поздравили их с днём рождения. В этом году они заканчивают 10 классов. Марине написали:

Года идут, мелькают незаметно сутки,
В учёбе и хлопотах проходят твои дни.
Шлём открытку с днём рождения внучки,
Будь здорова и счастливо живи.

4 апреля послали открытку Клавдии Яковлевне Евланниковой. Её день рождения 17 апреля. Кроме слов поздравления, ей написали:

Идут года, и молодость осталась позади,
Она нам только снится.
В заботах и труде проходят твои дни,
Но не тужи, будь весела, сестрица!

А снохе Оле открытку послали 7 апреля, к её дню рождения 19 апреля.

Года идут, и юность осталась позади,
В жизни людям разная даётся доля.
В заботах и труде проходят твои дни,
Ты не тужи, счастливой будь, родная Оля!

К середине мая погода испортилась. 19 числа с самого рассвета небо заволокло серыми, свинцовыми тучами. Пошёл густой мелкий дождь, образовались лужи, и ручейки дождевой воды потекли по улице и со двора в огород. Уже скоро полдень, а дождь не перестаёт сыпать.

Дождь идёт сегодня с самого утра,
С юга тучи серые плывут,
Везде по улицам бежит вода,
Прекратили сев, людей домой везут.

Что за весна, холодна и дождлива,
Хлебороб начинает погоду ругать.
Хотя б немного подсохла нива,
Ведь хлеб посеять вовремя хотят.

Первого июня после обеда засверкала молния, гроза бушевала так, что под ногами дрожала земля, прошёл хороший летний дождь. Небольшой дождь прошёл 5, 6 и 7 июня. Потом установилась хорошая погода. 10 июня я начал косить сено за речкой Кумайей, вблизи капустника. И за 20 дней закончил косовицу. Сложил две большие копны по три одноконки в каждой и огородил их жердями из тала, чтобы скот не развалил их.

Июль был жаркий, без дождей. Хороший дождь прошёл только 8 августа, а потом ещё 25 августа. Остальные дни августа стояла жара от 30 до 42 градусов. Урожай выдался ниже среднего. Картошка уродилась плохая, кто её не поливал, то не сумел вернуть даже то, что посадил.

В конце августа подул сильный и холодный северный ветер, а 29 августа ударил первый мороз – 2 градуса. После мороза замёрзшая ботва картошки засохла. Однако к этому времени у нас она уже созрела, так как её мы сажали раньше всех почти на месяц. А помидоры и огурцы мы перед морозом закрыли тряпками, и они ещё росли. Мы всегда следим за прогнозом погоды и ориентируемся на местные признаки, которые помогают нам своевременно принимать меры по сбережению урожая.

Копать картофель мы начали 10 сентября. На участке, где не смогли полить, картошка почти не уродила, а где полили водой из колодца, там была хорошая. Возможность подачи воды из колодца в дом, в баню и полива огорода нам организовал сын Виктор. В один из отпусков он привёз два электронасоса, подвёл электроэнергию к колодцу, установил у него розетку. До этого нам приходилось воду из колодца носить ведрами. В более раннем возрасте это было не сложно, а с годами становилось

всё труднее. Тем более что колодец был значительно ниже дома, в огороде, на уклоне, и воду в дом носили по тропинке со значительным подъёмом.

С 5 соток мы собрали 75 вёдер крупной картошки и 12 вёдер мелкой. Так что нам хватит и ещё останется на продажу.

Сентябрь стоял сухой и тёплый, с небольшим дождём 9 сентября. После этого дождя ночью была температура 8–12 градусов, а днём 20–25 градусов. Ещё дождь прошёл 16 и 17 сентября, и снова было тепло. Пчёл занесли в подвал 23 октября, а 24 пошёл мокрый снег с дождём. К концу месяца выпало 20 сантиметров снега. В ноябре снег шёл семь дней. С 21 ноября наступили сильные морозы – ночью от 32 до 46 градусов мороза, а днём от 25 до 36 градусов. Такого мороза в это время не было более полувека.

В этом году, как и в предыдущие, мы снова направили почтовый перевод на 100 рублей в Фонд мира. Декабрь выдался не очень морозный, морозов больше 30 градусов больше не было.

Уходящий в историю 1987 год оставил в селе много хорошего. Построили трёхэтажную школу, четыре двухквартирных дома, ввели в строй АТС на 100 номеров и установили телефоны в домах. Теперь 63 квартиры обеспечены телефоном, нам тоже установили телефон – № 24250.

Расставаясь с прошедшим годом, всегда есть доля грусти. Как бы мы ни прятали её за бодростью слов и надеждами на новые встречи, она остаётся внутри нас. Оторвали последний листок 31 декабря, последний декабрьский денёк. И под холодными звёздами полуночи сойдёт он на землю наш Новый, 1988 год.

А 1988 год для нас особенно значимый, он юбилейный. Первого мая исполнится 50 лет нашей совместной жизни. Мы отметим Золотую свадьбу! Эти годы мы прожили дружно, несмотря на тяжёлые военные годы, которые разлучали нас более трёх лет. Да и послевоенные годы приходилось тяжело, но мы не унывали, в согласии и дружбе пережили все невзгоды!

Чествование И. Е. Цымбала и Н. М. Цымбал с 50-летием совместной жизни в клубе с. Малороссийки

Виктор Цымбал

Воспоминания отца, я счёл целесообразным дополнить информацией о чествовании 50-летнего юбилея родителей 1 мая 1988 года. В связи с этим юбилеем я взял краткосрочный отпуск, прибыл в районный центр Самарку 28 апреля и утром в предпоследний перед праздником рабочий день посетил военкомат и райком партии и попросил оказать содействие в организации чествования юбиляров в Малороссийке. К сожалению, и в райвоенкомате и райкоме КПСС не имели нужной информации о предстоящем юбилее родителей. Сотрудники хорошо знали родителей, посетовали о своём неведении и крайне малом времени для подготовки, но моя информация и просьба были с пониманием выслушаны и буквально в тот же час были даны необходимые распоряжения в существовавшие в то время органы власти Малороссийки.

Для чествования юбиляров 1 мая было оперативно организовано общее собрание жителей села. Основную часть работы по подготовке и проведению чествования выполнили Мария Мягкова и Людмила Писаревская (Апенько) – потомки первых переселенцев в Малороссийку. Сердечное спасибо им за душевное отношение к моим любимым родителям! Жители Малороссийки хорошо знали родителей и с большой теплотой поздравили их с 50-летием совместной жизни. Поздравить родителей прибыл брат Николай из Ставрополя, родственники из ближайших сёл Самарки, Большой Букони и жившие в Малороссийке. Поздравление юбиляров односельчанами совпало с Всесоюзным празднованием Первомая и удалось на славу.

*1 мая 1988 г.
Поздравления в клубе*

*1 мая 1988 г. Поздравления в клубе,
на трибуне Мария Мягкова*

*1 мая 1988 г.
Подпись юбиляров в книге бракосочетания*

*1 мая 1988 г.
Юбилейное обручальное кольцо*

ПОТОМКИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ О МАЛОЙ РОДИНЕ

Виктор Цымбал

Малороссийка раскинулась, вернее, приютилась в долине между двух речек – Кумайей и Буконью.

Географические координаты:

49°00'37" северной широты,

82°48'04" восточной долготы,

высота над уровнем моря: 718 м

(<http://foto-planeta.com/np/61513/malorossiyka.html>).

На карте географическое расположение села можно посмотреть по адресу https://satellites.pro/Google/Malorossiyka_map.East_Kazakhstan.Kazakhstan.

По данным Агентства Республики Казахстан, по статистике в 1999 году население села составляло 559 человек (283 мужчины и 276 женщин). По данным переписи 2009 года, в селе проживало 360 человек (189 мужчин и 171 женщина). (Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года [https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Казахстана_\(2009\)\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Казахстана_(2009)))).

По состоянию на 1960 год улицы Малороссийки были в длину от 200–300 метров до 1,5–2 километров. Центральная улица, по которой осуществляется въезд в село, – Школьная, к северо-востоку параллельная ей – Чапаевская. Вдоль речки Кумаи улица Ворошиловская, а вдоль реки Букони – Черниговская.

В центре села клуб, почта, магазин, библиотека, контора колхоза, школа. На основном въезде в село с востока «Общий двор» с загонами из жердей и длинными саманными сараями для зимнего содержания рабочего скота – лошадей, быков и небольшой отары овец – и домом для семьи, отвечающей за содержание скота.

На западной стороне вблизи левого берега реки Букони, вышедшей из ущелья, протянулась улица Больничная и размещалась хозяйственная часть колхоза: ремонтные мастерские, площадки хранения сельскохозяйственного оборудования и техники, пилорама, крытый ток для переработки и временного хранения зерна. От центра села (библиотеки) на юг шла небольшая улочка, название которой в обиходе не употреблялось. В селе все друг друга знали, и даже почтальоны расписывали и разносили почту по фамилиям жильцов.

К селу ведут две основные дороги: одна с востока – из села Мариногорка и одна с юго-востока – из села Ключи. Это село в настоящее время, по имеющимся у меня сведениям, уже не существует. Была ещё одна дорога на запад – в село Натальевка, но она использовалась только в летний период до предгорья и размещённой у склона гор пасеки.

Практически все дома в селе небольшие (пятистенки с сенцами), невысокие – не более 2,5 метра, сложены из самана, с двускатными почти плоскими глиняными крышами. Дома с высокими, крытыми камышом крышами были редкостью, считались роскошными и были очень огнеопасными. Два таких дома сгорели на моей памяти из-за шалости детей с огнём.

У каждого хозяина дома во дворе были сараи, где содержали коров, свиней, коз, овец, кур, гусей, погреб для хранения урожая и огород, где выращивали картофель, лук, чеснок, помидоры, тыкву, подсолнухи и другие культуры. Вдоль речек большинство жителей содержали небольшие огородики – капустники, где выращивали капусту, огурцы, помидоры. Эти культуры требовали ежедневного полива, а близость воды сокращала трудозатраты.

Как правило, у каждого дома у ворот были лавочки и палисадники с цветами. Содержание палисадника было престижным и подчёркивало трудолюбие и воспитанность хозяев. Однако не все могли это позволить или из-за возраста, болезни, а иногда просто из-за нежелания. Самоуправление уже было нарушено, а власти благоустройству села уделяли мало внимания.

Дорог с твёрдым покрытием ещё не было. Улицы и дороги весной и осенью раскисали, из-за грязи были непролазными, а летом пыльными. С конца апреля и до середины мая, а также с середины октября и до середины ноября движение транспорта, как правило, прекращалось. Эти периоды назывались распутицей. Дорогу, покрытую гравием, в райцентр – село Самарское (в обиходе райцентр называли Самаркой) – закончили строить к 1960 году.

Подавляющее число селян сами пекли хлеб, получали растительное масло из семян подсолнухов и льна, которые после сбора урожая сдавали на маслобойни. Как правило, маслобойни были созданы в сёлах, где выращивалось много подсолнечника, или в районных центрах. Из Малороссийки семена подсолнечника и льна возили в райцентр – Самарку.

В рабочем посёлке старателей Джумба была начальная школа, почтовое отделение, было организовано государственное снабжение (Продснаб) промышленными товарами и продовольствием. В магазине Продснаба в качестве оплаты от покупателей, кроме денег, принималось и намытое россыпное золото. Это позволяло трудолюбивым людям приобретать дефицитные товары и сводить концы с концами, особенно в неурожайные годы. Отец неоднократно сдавал в магазин намытые по выходным граммы золота и на них покупал ситец и другой материал, из которых мама шила одежду. Мне это было очень интересно и врезалось в память. Иногда он брал и большие куски сахара (их называли головами) на общую радость семье.

Представители органов Продснаба (заготовители) периодически приезжали в Малороссийку и Джумбу. От населения принимались излишки продуктов питания – молоко, сливочное и растительное масло, яйца, а также скот на дорасщивание, вторсырьё – стеклянные бутылки, кости, шкуры животных, шкуры пушных зверей. Продукты питания потом поставлялись в ближайшие города и рабочие посёлки, где население было занято на производстве и не хватало продуктов.

В горах, к северу от Джумбы, в верховьях рек Джумба, Буконь и их притоках, стояли пасеки колхозов, сформированные на основе пасек, изъятых при раскулачивании многих семей первых переселенцев.

Природные богатства позволяли жителям села обеспечивать себя и разнообразным питанием, и одеждой. В мае – начале июня многие семьи заготавливали алтайский сорт ревеня. Он рос практически на всех близлежащих склонах окружающих сопок и гор. Ревень чистили и сушили на зиму. Из него варили кисели и пекли пирожки.

Всё лето, как правило, дети и женщины рвали щавель для борща. На лугах было много дикого чеснока и полевого мелкого лука, а в долинах гор встречался высокий и сочный лук-сарымсак. Головки дикого чеснока и лука были небольшими по размеру и использовались, как правило, только весной, летом и ранней осенью. Зелень не хранилась. Её и хранить, кроме чеснока, было невозможно. Это в наше время появились морозильные камеры и новые рецепты хранения зелени и овощей. В хозяйствах предпочитали выращивать чеснок и лук на приусадебных огородах, они хорошо хранились до следующего лета.

В июне до сенокоса на лугах и в кустарнике вблизи лугов вырастал хороший урожай земляники. Из неё варили ароматное варенье и сушили на зиму для киселей и пирожков. Земляника была любимым лакомством в каждой семье. Лакомились дети и дикой малиной, но её зарослей было очень мало, поэтому малину начали выращивать на приусадебных участках.

Заготавливали на зиму также молодые листья малины и смородины. Чай из запаренных их листьев был ароматным и полезным.

Ближе к осени наступала пора созревания черёмухи. Черёмуха росла в некоторых дворах, вдоль русел ручьёв и на берегах Кумаи и Букони. Ею лакомилась детвора, а многие трудолюбивые семьи находили время и черёмуху заготавливали вёдрами. Её сушили и мололи на мельнице. Пареная перемолотая черёмуха применялась, как правило, в пирожках. Пирожки с черёмухой были вкусными и ароматными.

В сентябре в предгорье и горах созревали боярышник, шиповник, крыжовник, чёрная и красная смородина. Крыжовник и чёрная смородина росли на каменистых россыпях по руслу Джумбы и Букони и впадающих в них ручьёв, на отвалах промытой породы и в шурфах. Неурожайных годов для этих ягод в окрестностях Малороссийки, как правило, не бывало, так как зимы были снежными, снег в горах задерживался надолго и весенние морозы не влияли на урожай. Многие семьи также заготавливали эти дары природы.

Красную смородину собирали в последнюю очередь. Она после созревания не опадала, как другие ягоды, и держалась до зимы. Её кисти были хорошо видны на фоне кустарника после листопада. Но красную смородину любили собирать не только жители села, но и бурые медведи, которых в горах было много. Знающие сборщики красной смородины обычно заходили с вершины горы, шумели, свистели и предварительно запускали вниз крупные валуны, чтобы выгнать с территории лакомившихся

смородиной медведей, потом спускались сами. Часто красная и чёрная смородина росли большими зарослями до 5–10 метров в диаметре. На одном таком «кусте» можно было собрать 2–3 ведра смородины. Из крыжовника и смородины варили варенье. Сушёная чёрная смородина шла на кисели и пироги. Шиповник сушили. Зимой и ранней весной заварка из шиповника помогала справиться с недостатком витаминов в организме. Боярышником, как правило, баловались дети. А заготавливать решались немногие из-за необходимости соблюдения строгих правил употребления, так как плоды боярышника имели лечебное предназначение. Мне известны случаи летального исхода людей, превысивших меру употребления спиртовой настойки на боярышнике.

Из даров природы последней собирали калину, как правило, с веточками в декабре и при необходимости хранили на улице под стрехой. После серьёзных морозов калина приобретала особый вкус. Пареная калина или пироги с калиной были нередким блюдом у многих хозяек.

В некоторых семьях занимались сбором лекарственных трав и корней. Их обилие и многообразие позволяло знающим людям поддерживать здоровье не только в своих семьях, но и оказывать помощь в лечении односельчан.

Для любителей и профессионалов-охотников открывались широкие возможности для охоты. В окрестностях водился пушной зверь – лисы, волки, зайцы, тушканчики, выдры, солонгаи, горностаи, степные хорьки, сурки, барсуки, бурые медведи, несколько разновидностей козлов. Водились также дикие свиньи, утки. Весной и осенью район посещали и перелётные дикие гуси. Было много рябчиков, куропаток, тетеревов, куликов, перепелов, диких голубей. Мясо дикого зверя и дичи было большим подспорьем в питании. Шкуры пушных зверей пользовались особым спросом. Суровые зимы требовали хорошей тёплой одежды. Однако профессиональных охотников в Малороссийке было немного.

Мне хорошо запомнился охотник Байдыкпаев, живший в посёлке Джумба, и отец друга детства Назар Фисенко. Назар часто дораскивал во дворе медвежат. Однажды подросток и уже матерый медвежонок сорвался с цепи и напугал соседей. Назар погнался за ним и загнал на высокую сосну, росшую у дома. Медведь не хотел слезать, не реагировал и на медовую приманку. Назару ничего не оставалось, как силой стащить неповинующегося медведя с дерева. Назар залез на дерево, но медведь рассвирепел и ударил лапой Назара по голове и едва не снял скальп. Назар залился кровью, но не упал и без других последствий спустился с дерева. Медвежонок он всё же с дерева снял, но впоследствии ему пришлось его пристрелить.

По информации родственников, Байдыкпаев тоже пострадал от медведя на охоте. Медведей он брал, выгоняя из берлоги. Охотился на медведя, как правило, с помощником с рогатиной и ножом. Но часто охотился и в одиночку. В очередной раз, когда Байдыкпаев пошёл на охоту один, выскочивший из берлоги медведь на рогатину не наткнулся, а кинулся на охотника. Байдыкпаев был сильным и ловким охотником. Он оседлал медведя и схватил его за уши. Этим приёмом охотник пользовался и ранее и успевал убить его ножом в сердце. Однако в этот раз ему не повезло, медведь сумел схватить охотника за ногу и, несмотря на удары ножом, успел её перекусить. Но Байдыкпаев сумел победить разъярённого медведя, проявил невероятное самообладание и мужество. Как только сражённый в сердце медведь упал, охотник отрезал висевшую на коже ногу, перетянул от кровопотери её остаток, перевязал и добрался верхом до жилища.

В крае растёт очень много медоносных трав, кустарников и деревьев. Весной все склоны гор и пригорков буквально цвели всеми цветами радуги – это и акация, и орешник – дикий миндаль, и различные виды диких роз – шиповника. Цветы у диких шиповников с пьянящим ароматом, розовые, белые, жёлтые. Из-за обилия медоносов, цветущих в течение всего лета, в Малороссийке особое место занимало пчеловодство. Пасеки имелись у многих хозяев, пчёлы даже при минимальном уходе приносили хороший доход. Мёд из Малороссийки славится своим высоким качеством. Отец после выхода на пенсию имел у дома небольшую, в несколько ульев, пасеку и даже участвовал в конкурсе качества мёда в Москве. Он направил в адрес организации, проводившей конкурс, посылку с мёдом, и его мёд получил высокую оценку. Отцу было направлено свидетельство о занятии 2-го места на этом конкурсе.

Основными выращиваемыми на полях продуктами были пшеница и рожь, а зерно нужно было молоть. Мельница была крайне необходима. Однако переселенцы, а в последующем и созданный колхоз не осилили её строительство. И только после войны, в 1947 году, нашёлся энтузиаст, в про-

шлом мельник – Алексей Иосифович Бабаков. Общими усилиями селян был построен отводной канал, мельник поставил мельницу. Эта мельница длительное время обеспечивала потребности населения.

В селе до середины прошлого века помещения в домах освещались лампадками и свечами. Освещение керосиновыми лампами было последним достижением. Строительство электростанции на отводном канале Букони началось лишь в 1951 году. Отца, имевшего большой опыт подрывных работ в шахте, пригласили для проведения подрывных работ. В скале после подрывов был создан хороший перепад высот для потока воды на турбины. К сожалению, после этих подрывов у отца возник сердечный приступ (ему ранее запретили выполнять такие работы в шахте). Я хорошо помню, как ночью мама обратилась к соседям за помощью. Они с мамой на телеге съездили и привезли врача Ваулину, и она спасла отца.

В 1952 году строительство электростанции было завершено, и в домах на всех улицах уже загорелись лампочки Ильича, кроме пяти домов на левом берегу Кумаи. Жители этих домов, в том числе и мой отец, не были членами колхоза, и колхоз не захотел раскошелиться на установку нескольких столбов. Установка столбов была существенной проблемой, так как в ближайших и отдалённых окрестностях не было строительного леса. Тогда жители сами получили разрешение на вырубку нескольких тополей, что росли между протоками реки Букони, подготовили и установили столбы из них и наняли электрика для натяжки и подключения электричества в дома. На решение вопроса и работы было потрачено около двух лет.

К югу от Малороссийки и Джумбы по гористым склонам с востока на запад в сторону Натальевки, перевала Байбура и поселения Николаевка проходила скотопрогонная зона Скотоимпорт. Трасса прогона скота имела особое значение и была отражена на топографических картах издания 1942 года. По ней гоняли крупный рогатый скот, овец и коз из Китая на Семипалатинский мясокомбинат. Не кондицию дорасщивали в Жарминском районе Семипалатинской области. Некоторые жители знали эти места, промыслили охотой, а порой вылавливали отставших от прошедших гуртов ягнят и неспособных передвигаться поранивших ноги овец и коз Скотоимпорта. Через наш район гурты скота прогоняли, как правило, во второй половине лета до начала сентября.

Однажды вечером я услышал недалеко от дома на склоне горы блеяние ягнёнка. Он отстал от стада и метался в густых зарослях карагайника, был очень пугливым, и мне с трудом удалось его выловить. С тех пор я часто бродил по склонам вблизи села, и не напрасно. На следующий год я нашёл в карагайнике обессиленную овцу с повреждённой ногой. С отцом мы едва донесли её к дому (у отца ещё болела нога, и он передвигался с клюшкой, а я ещё был мал). Овцу отец вылечил, подкормил, и она помогла нам дожить не голодая до весны. Ещё через год, в начале сентября, я также невдалеке от дома услышал жалобное блеяние ягнёнка. Пошёл на его голос и обнаружил маленького козлёночка, запутавшегося в высоком и густом карагайнике. Я его освободил и принёс домой. К осени он привязался ко мне и, когда я был дома, как собачонка не отставал от меня ни на шаг, любил играть в догонялки. Козлёнок полюбил и мама, и папа, и маленькая сестрёнка Вера. Козлёночек оказался породистым, у него была отменная шерсть и пух. Родители держали его долго, взяли ему в пару такую же пуховую «даму». У меня до сих пор есть из их шерсти носки, как реликвия, которые мне связала мама в шестидесятые годы прошлого столетия.

Отец был очень любознательным и наблюдательным. И это качество помогло ему бежать из плена, безошибочно вывести группу пленных через передовую линию в расположение наших войск. На основании его наблюдений были нанесены удары по закрытым позициям фашистов. После возвращения с фронта, во время работы межрайонным контролёром связи, в целях оптимизации доставки почты он нарисовал карту Самарского района без каких-либо приборов и измерений. Впоследствии эту карту он передал в областной музей.

Отец очень любил природу и заботился о её сбережении, просвещал и призывал к этому молодёжь. Был нештатным корреспондентом районной газеты «Сельская жизнь», где периодически публиковались его статьи и заметки. Он знал и понимал, что все реки начинаются и подпитываются от родников.

Все переселенцы по неписаному правилу в районах своих участков пашен и сенокосных угодий очищали родники, по возможности обкладывали камнем (создавали криницы), не допускали, чтобы их русла затаптывались скотом. Такое отношение помогало не допускать обезвоживания обширных площадей вокруг села.

Выйдя на пенсию по инвалидности в 55 лет, когда появилось больше времени, отец ежегодно во многих местах высаживал деревца, в ближайшей округе очищал родники, подправлял криницы, а в урочище Нефтяное и на Кожайдаке, где часто скот затапывал родники, вокруг них поставил ограждение из штакетника с калиткой, поставил лавочки и прикрепил кружки для питья из родника.

Отец наблюдал постоянно за погодой, до последних дней своей жизни вёл дневник наблюдений за погодой и на основании своих наблюдений мог прогнозировать возможные катаклизмы. Так, в начале 1975 года отец спрогнозировал в районе сильнейшую засуху и давал настойчивые рекомендации односельчанам, руководству района и области по обеспечению запасов кормов для общественного и домашнего скота. Кроме прочего, он предлагал весной и в начале лета заготавливать молодые ветки тала и кустарника, а при заготовке дров, карагайник рубить и складывать в снопы вместе с травой. Такие дрова вначале давали козам и баранам, а потом использовали в печах. В Малороссийке к такой заготовке были привлечены школьники и молодёжь. Односельчане и хозяйства, руководители которых прислушались к предупреждениям и советам отца, сумели обеспечить кормом свой скот, несмотря на крайне засушливое лето 1975 года.

Основной и самой посещаемой достопримечательностью Малороссийки был и остаётся мост через реку Буконь. Он установлен на высоких скалах короткого и узкого ущелья и связывал рудник Джумбу с селом. Я помню его деревянным, с высокими перилами и аркой высотой более 3 метров. Он выглядел красиво и был действительно замечательной достопримечательностью. Некоторые взрослые смельчаки летом ныряли с перил и даже с арки. В 1961–1962 годах деревянный мост был заменён на металлический с невысокими перилами. Впоследствии перила были сняты, очевидно, из-за необходимости перевозки крупногабаритных грузов. В настоящее время мост выглядит заброшенным, убогим.

В половодье, когда прибывала вода, с моста открывалось восхитительное зрелище бурлящей воды. Иногда вода поднималась до уровня моста. Односельчанам нравилось любоваться стихией. Сюда приходили молодёжь и родители с детьми. Бурные потоки воды вызывали у нас, пацанов, восхищение и даже нервную дрожь. Талая вода мчалась из горного ущелья, шумела и превращалась в сильную магическую стихию. Шум воды был слышен даже в самых удалённых домах. Для большинства сельчан, особенно детей, время весеннего половодья запомнилось на многие годы!

Другими достопримечательностями являются водопады реки Букони, их три. Выглядят хорошо, ими можно любоваться в любое время года. После закрытия шахты «Фёдоро-Ивановская» осталась штольня в горе, которая по настоящее время используется для укрытия на зиму ульев размещённой рядом пасеки.

На сайте «Одноклассники» (<https://ok.ru/messages/559027829776>) малороссийцы публикуют в открытом доступе фотографии и видео Малороссийки и окрестностей, которые можно посмотреть.

Для любителей природы есть несколько интересных маршрутов, доступных для автомобилистов, мотоциклистов, велосипедистов, а также конных и пешеходных. Интересными являются маршруты на джайлау, по местам добычи золота по верхним течениям рек Джумба и Буконь с посещением расположенных на них пасек.

Практически на всём протяжении этих речек и впадающих в них ключей можно найти золотоносный песок и промыть на память о посещении этих мест. По данным экспертов, подтверждённым личным опытом, в промытых отвалах грунта осталось от 10 до 30 % находившегося там золота из-за несовершенства применявшихся в то время технологий. Малороссийцы-старожилы могут подсказать места с наиболее высоким содержанием золотоносного грунта. Мне такие места также известны и опробованы.

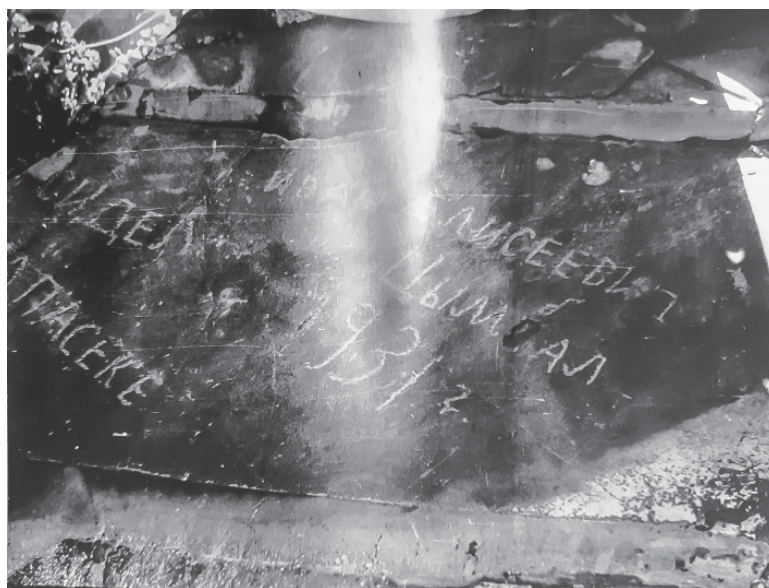
Отец брал меня с собой с малолетства в горы по руслу Джумбы на сбор урожая красной и чёрной смородины и крыжовника. И всякий раз мы обязательно посещали место расположения пасеки деда Елисея у устья ключа, впадающего в Джумбу, на которой отец в детстве проводил много времени, присматривая за пчёлами. Елисей пользовался авторитетом и уважением односельчан, поэтому этот ключ называли Цымбаловым. Название ключа в советское время было признано и нанесено на крупномасштабные топографические карты. В 1931 году по примеру Павла Ивановича Петренко, мужа старшей сестры отца Аграфены, отец выгравировал на скальной плите у пасеки надпись, которую я, будучи уже взрослым, сфотографировал. Кроме того, отец систематически насыпал в щели возвышающейся у домика скалы семена берёзы, которая на радость нам проросла и, возможно, красуется

Виктор Цымбал с отцом Иваном Елисеевичем на месте пасеки Елисея Цымбала

Виктор Цымбал у надписи отца на месте пасеки Елисея Цымбала

Надпись отца на пасеке деда Елисея Цымбала

до настоящего времени. К сожалению, у меня не сохранилась фотография этой красавицы-берёзки в расщелине на высокой скале.

В каких бы необычных и редких местах мы ни проживали, никакая красота природы не сможет затмить нашу добрую память о малой Родине, о нашей Малороссийке, которая осталась в нашей душе. У каждого здесь своё сокровенное, что бывает только в детские годы.

По рассказам мамы и брата, я родился из двойни слабым, а моя сестричка родилась мёртвой. Первые месяцы жизни, по рассказам родителей и брата, я постоянно плакал, скорее всего, от голода. После стресса от потери дочери у мамы пропало молоко, коровы не было и меня кормили соской из разжёванного мякиша хлеба.

Из самых ранних воспоминаний о жизни в детстве мне запомнился эпизод, над которым я размышляю до сих пор. Днём за мной присматривала бабушка Варвара. Моим спальным местом всё ещё была детская кроватка-качалка, хотя мне было, я, так думаю, около четырёх лет. В более раннем возрасте дети себя, как правило, не помнят. Самостоятельно вылезать из этой качалки я ещё не мог, она была на высоких ножках. Однажды после дневного отдыха я встал, в доме никто не отзывался. Бабушка занималась домашними делами во дворе, и начал раскачивать кроватку. Раскачал её так сильно, что она опрокинулась и я ударился головой о стоявший рядом сундук. Удар, очевидно, был сильным. И я вдруг увидел над собой широкую трубу в небо с поднимающимся в ней сиреневым туманом. Этот туман медленно кружился и начал поднимать и меня. Меня это удивило, значит, я могу и летать, подумалось мне. Приподнявшись на несколько метров, внизу неожиданно увидел себя, лежащим в своей кроватке. Это меня озадачило вконец. Так где же я? Летаю или лежу? Потом видение резко прекратилось, своего приземления я не увидел. После этого случая отец убрал из дома эту кроватку и переселил меня на лежанку у печки-голландки.

Уже будучи в более сообразующем возрасте, я пришёл к выводу, что от удара потерял сознание и душа моя направилась в мир иной, но ангел-хранитель меня спас и вернул к земной жизни.

В детстве я рос очень стеснительным, но проявлял самостоятельность и настойчивость. Эти черты характера родители и учителя старались во мне развивать и избавляться от стеснительности.

Самостоятельно мыслить и трудиться меня ненавязчиво приучали с детства. В семье у меня с раннего детства были обязанности кормить и поить корову, коз, чистить в сарае и вывозить на кучу за двор навоз, чистить зимой двор от снега и сбрасывать снег с крыши, а весной отбрасывать от стен дома снег, чтобы при таянии не намокали стены. Летом рыбачил, рвал щавель, дикий чеснок, лук, заготавливал на зиму ревеня, землянику, смородину, крыжовник, черёмуху, шиповник.

Основными обязанностями летом были участие в посадке огорода, ежедневный полив грядок и лунок с овощами, заготовка сена для коровы и коз и заготовка дров на зиму.

В летние каникулы после 4-го класса я начал подрабатывать в колхозе, а после его реорганизации – в совхозе. В мае 1956 года отец спросил, хочу ли я осваивать пчеловодство, и после моего согласия направил меня на колхозную пасеку помогать пчеловоду, участнику Великой Отечественной войны Ануфрию Фёдоровичу Фисенко. Для меня это была хорошая школа. Днём примерно с 10.30 до 14.30 я должен был наблюдать за пасекой и, в случае появления роя, следить, где он сядет. Потом мы с дедом Ануфрием разжигали дымарь, брали роевню, ведро с водой и пучком травы обрызгивали севший вблизи пасеки рой и стряхивали его в роевню. Роевню с роем на сутки ставили в подвал. Дед Ануфрий готовил улей для новой семьи и осторожно совочком вываливал пчёл на подставную дощечку к летку улика. Пчёлы устремлялись в открытый леток этого улья, как будто знали, что это их родной дом.

По вечерам и по утрам мы ставили капканы на сурков и барсуков, а иногда и на кротов, заготавливали зелень для стола. После 15 июня, когда отцвела и созрела трава, по утрам косили сено, а к вечеру уже подсохшее сгребали и складывали в копны. Ануфрий был знающим пчеловодом и охотником, умел жить на природе и кормиться тем, что даёт природа. А мне было всё это очень интересно, и я с большим энтузиазмом учился у него всем премудростям жизни на природе.

Там же на пасеке я научился ездить верхом на лошади, запрягать её в телегу, плуг, волокушу, управлять ей при выполнении различных работ. И конечно, самое главное, я получил навыки ухода за пчёлами и заготовки мёда, перги, прополиса и маточкина молочка. За эту работу мне были начислены трудодни, которые осенью колхоз отоварил продуктами – зерном и мёдом.

После завершения периода роения в этот год я приезжал домой на 2–3 дня и успел помочь отцу в заготовке сена и дров. Основным топливом тогда у нас были снопы из карагайника. Его рубили в лощинках ближайших сопков. Нормой заготовки на зиму в семье считалось 250 больших снопов. Владеть топором я научился лет в шесть и эти навыки постоянно совершенствовал и зимой и летом. Вначале дрова рубили вместе с мамой, братом Николаем, а после 5-го класса фактически дрова заготавливал уже сам. Единственное тогда у меня не получалось, плотно связывать снопы. Я аккуратно складывал срубленный карагайник в кучки, и снопы, как правило, вязала мама.

На первых порах (после 1-го класса, в 1953 году) нам с Николаем мама определила норму заготовки дров: мне 5, а Николаю 15 снопов в день. Сначала я рубил по одной палочке небольшим топориком, а потом появились и сила и сноровка. До начала сенокоса мне удавалось нарубить дров и себе, и даже по заказу соседям.

Брат Николай, когда мы вместе ходили на заготовку дров, часто, прогуляв ночь, отсыпался в тени кустарника. Однажды к нам на помощь пришла мама и, обнаружив Николая спящим, начала его стыдить. На следующий день, чтобы успеть к началу сенокоса завершить заготовку дров и выполнить определённый родителями план, я рубил дрова практически весь день, а когда посчитал количество снопов, то не поверил себе. Оказалось, что я нарубил 53 снопа, и это рекордное число мне уже не удалось увеличить. Рекорд остался непобитым ни мной, ни Николаем. В один из сезонов дрова мы рубили на продажу вместе с Гришей Гаркушей.

В период заготовки дров на пару дней мы переключались на заготовку ревеня. Сначала проверяли, вырос ли он, пешком на ближайших сопках, а потом, как правило, выезжали на велосипедах в горы и привозили по паре мешков. Его чистили и сушили. Этого хватало для компотов и киселя на всю зиму.

После завершения заготовки дров несколько дней посвящались заготовке земляники. Обычно на семью заготавливали её около ведра, а в урожайные годы набирали и два ведра. Часть отборной земляники шла на варенье, а остальное – на сушку для компотов и киселя.

Заготовку сена на зиму для своей коровы, как правило, мы начинали примерно на неделю раньше, чем в колхозе. Этого времени хватало, чтобы успеть заготовить основную часть сена.

В колхоз на заготовку сена я впервые пошёл после 5-го класса, в 1957 году, и из сверстников вначале был один. Вначале работал граблями при копнении в звене совместно с двумя женщинами. Они собирали в копну валок, а я за ними сгребал оставшееся сено. Потом, когда копны уже слегка слежались, их начинали скирдовать – укладывать в скирды. В колхозе на участке, где я работал, было создано две бригады. Каждой бригаде были выделены по одному копнителю и по 2–3 волокуши. В волокуши запрягали пару лошадей или быков и на них подвозили сено к скирдам.

Мы с братом Николаем попали в одну бригаду. Николай подавал сено на скирду, сначала и на завершающем этапе вручную, а основную часть скирды формировали с помощью копнителя. Меня определили погонщиком на одну из волокуш. Работа шла слаженно, я подъезжал поближе к копне сена, женщины переворачивали копну за копной на волокушу, и, когда волокуша становилась достаточно загруженной, я ехал к скирде. На удобном для подачи сена расстоянии поперечную жердь волокуши снимали, и сено оставалось у скирды, а я ехал за очередной порцией сена.

В очередной заезд я подъехал к копне и ждал, когда подойдут женщины и начнут погрузку сена. Было довольно жарко, лошади крутили хвостами, сучили ногами и отгоняли, как могли, надоедавших слепней. Оглянувшись назад, я увидел, что у лошади, на которой я сидел (естественно, без седла), одна из постромок волокуши попала между ног. В таком положении дальше ехать было нельзя, лошадь взволновалась. Я отпустил уздечку, поднял правую ногу и хотел прыгнуть влево с лошади, чтобы поправить постромки. Однако по непонятной причине обе лошади рванули с места, и я оказался на земле. По рассказам очевидцев, я попал под волокушу, и она проехала по мне как каток, а лошадей сумели поймать далеко в кустарнике. Я подхватился и хотел бежать ловить лошадей, однако подбежавшие женщины и Николай меня остановили, начали осматривать и ощупывать. Я был испуган от случившегося, но был, как говорят, в здравом уме и никакой боли нигде не чувствовал. Меня во второй раз спас мой ангел-хранитель.

После этого случая меня пересаживали на пару быков, и работа стала довольно скучной. Но не всё шло так гладко, как хотелось бы. Копнитель оказался не очень совершенным. Его захватный механизм часто не стопорился, сено вываливалось, и ребятам приходилось рисковать своей безопасностью. Однажды, подъезжая к формируемой скирде, я увидел, что Николай прижимает руками захваты копнителя, а они не фиксируются, и вдруг его руку зажал тросом этого механизма, он закричал, механик сбросил натяжение, а Николай отскочил в сторону, держась за пораненную руку, сквозь его пальцы сочилась кровь. Я бросил быков, побежал к нему, а работавшие с ним ребята начали перевязывать его руку чьей-то разорванной рубахой. По счастливой случайности он отделался повреждением одного пальца благодаря быстрой реакции механика, а мог потерять палец или даже руку.

Впоследствии копнитель начал ломаться, от перегрузки у него погнулась стрела и он не прослужил и одного сезона.

На следующий сенокос мне удалось организовать самостоятельное звено из шести сверстников. Мы в начале сезона копнили сено на Кожайдаке и в Нефтяном и вдохнули некоторое оживление в рутинный сенокос. Сено складывали в копны из валков, которые сгребались широкими граблями,

прикреплёнными к трактору, или на нешироких конных граблях. Мы разбились на две группы по два человека с вилами и один с граблями. Рядом с нами работали несколько групп женщин, и мы решили соревноваться и быть первыми. Чтобы ускорить копнение, мы вначале работали, как и женщины, вдвоём переворачивали сено вилами, а третий сгребал оставшееся сено граблями. Но потом приновились сено не переворачивать, а толкать – двое быстро и даже почти бегом толкают валок сена, пока хватает сил, третий сгребает, сначала с одной стороны валка, потом с другой. Из полученной кучи сена складывали аккуратную копну. Наша производительность увеличилась практически в два раза. К концу дня мы подсчитали сложенные копны и сообщили их количество пришедшему к концу дня счетоводу. Оказалось, что намного опередили женские звенья. Женщинам это не понравилось, и они вместе со счетоводом начали проверять фактическое число сложенных нами копен. Но мы были честными, что подтвердил пересчёт.

Работа спорилась, погода была хорошей. После завершения копнения на выкошенных участках началась скирдовка. По нашей просьбе за нашим звеном закрепили трактор с большой тракторной волокушей, и мы начали скирдовать. Тракторист подъезжал поочерёдно к уже слежавшимся копнам, и мы парами поднимали в два-три приёма копну и пластами укладывали на волокушу. Старались не отставать от других звеньев. Когда скирда была уже высокой, меня приподнимали на скирду, и я в роли скирдоправа её вершил, притаптывая пласты сена. После завершения укладки я спрыгивал со скирды, мы откидывали поперечину волокуши. Тракторист вытаскивал волокушу, мы подправляли скирду и приступали к следующей. К вечеру приезжал на лошади расчётчик, обмерял наши скирды и записывал результат для расчёта оплаты. К сожалению, нас в первые дни счётчик пытался обманывать при обмере. В результате у него и длина и ширина скирды становились до полуметра меньше, чем у соседней бригады, где работали взрослые ребята. Взрослые обмануть себя не позволяли.

На действия расчётчика у нас нашёлся и адекватный ответ. На следующих скирдах я не утаптывал сено по всей длине, как делал прежде, а стоял посередине, а сено раскладывал вилами по всей длине. Если расчётчик и обманывал в замере длины и ширины, то в замере «перекида» обмануть уже не мог, как ни натягивал мерную ленту. И мы были квиты, так как перекид замерялся посередине, а сено в этом месте было плотным, поскольку я там стоял и притаптывал, а расчёт объёма производился с учётом одинакового размера перекида по всей длине скирды. К зиме эти скирды стали похожими на одnogорбых верблюдов, но не замочали и претензий к нам никто не предъявлял.

За это лето я освоил и управление трактором ДТ-34. Сначала на переездах к месту скирдования тракторист доверял мне завести трактор и проехать, а потом и в процессе скирдования доверял подъезжать к копнам. К концу сезона, бывало, тракторист даже дремал в тени под скирдой, а мы самостоятельно работали и не отставали от звеньев мужиков-колхозников.

На следующий год колхоз был преобразован в совхоз. К сенокосу мы снова организовались в два звена, копнили, а затем и скирдовали сено. Лето было сухим, сенокос был закончен и нам предложили поработать на хлебоуборке. Вначале меня с товарищем направили на соломокопнитель. Соломокопнитель прицеплялся к комбайну. С обеих сторон соломокопнителя были небольшие площадки, с которых нам предстояло вилами расправлять поступающую от комбайна солому и иногда на ходу даже притаптывать, чтобы она после сбрасывания не распадалась. После наполнения соломокопнителя мы рычагом открывали заднюю стенку копнителя, и солома вываливалась. Вываливать солому нужно было ровными рядами, чтобы потом можно было удобно складывать их в скирды.

Работа на соломокопнителе была тяжёлой и очень пыльной. Конечно, о нашем здоровье беспокоиться было некому, кроме нас самих. Мы из платков, иногда и маек делали себе на лицо повязки, смачивали их водой, но это не спасало наши лёгкие. На соломокопнителях мы поработали недолго. Нас заменили по требованию женщин, которые видели, как к концу дня мы харкали месивом соломенной пыли. У меня до сих пор часто першит в горле и возникают ощущения, что в лёгких находится эта пыль и лёгкие внутри «чешутся».

Ребят, кто мог управлять лошадьми, пересадили на бестарки, в том числе и меня, и мы начали возить зерно от комбайнов на ток. Бестарка представляла собой короб из досок на всю длину и ширину телеги с небольшим лючком для быстрой выгрузки зерна. На бестарках мы проработали до конца августа.

Друзья детства и близкие родственники знают мой день рождения как 22.11.1945 года. Однако, когда я после окончания школы в 1962 году поступал в военно-морское училище, впервые увидел

своё свидетельство о рождении. А там была записана дата рождения 10.01.45. Поэтому далее во всех документах стояла эта дата. Сначала я особо не задумывался, ну, нестыковка, подумаешь, так как, например, у Алексея Герасименко была аналогичная история. Но потом пришлось следовать логике и самостоятельно распутывать историю. У мамы с отцом я ничего не спрашивал, чтобы не травмировать. После того как отец по моей просьбе начал писать воспоминания, я утвердился в своей правоте. Мой день рождения 22.11.1944 года.

Родители тогда жили очень бедно, отец не мог даже нормально ходить, передвигался на костылях. Исходя из такой ситуации, я вычислил, что родился в 1944 году, через девять месяцев после возвращения отца с фронта в феврале 1944 года. Отец в своих воспоминаниях о моём рождении также указал 1944 год, но они были написаны значительно позже, когда я уже служил после окончания училища на флоте.

Меня и в школу своевременно не хотели отдавать из-за моего малого роста, к тому же школьников для первого класса в 1952 году в Малороссийке не хватало, а ходить в школу в Джумбу было далеко. Отец летом 1952 года отвёз меня к бабушке в Большую Буконь и «забыл» к школе забрать. Накануне 1 сентября я стал теребить бабушку, чтобы она меня отправила в Малороссийку. С какими-то попутчиками 2 сентября я добрался в Малороссийку, а 3 сентября взял две тетради, карандаш и пошёл «записываться» в школу. В классах уже шли уроки. Я зашёл в учительскую и попал, по-моему, на завуча, она сказала, что в Малороссийке первого класса нет из-за отсутствия нужного количества детей и нужно идти на рудник, то есть в Джумбу. Я понял, что ещё один день учёбы пропущен, и в слезах вернулся домой. Родители убедились, что я буду очень обижен, если пропущу целый год. Оказывается, мой поход в школу сразу стал достоянием и учителей и родителей. И на следующий день я уже с отцом, он работал начальником почтового отделения рядом со школой, прибыл в школу в Джумбе. Школа от нашего дома по прямой по кладкам через реку Буконь была в 3,5 километра, а весной в половодье путь лежал только через мост – более 5 километров. Вот такие у меня были нестыковки.

Учёба мне нравилась, было интересно постигать новое. Был в учёбе, как и в труде, упорным, настойчивым. Старался быть пунктуальным, домашние задания всегда выполнял. Ответственность была и остаётся по сей день на первом месте. Часто из любознательности читал материалы учебников, которые предстояло изучать значительно позже, а потом задавал вопросы учителям. За всё время учёбы я не помню случая, чтобы кто-либо из родителей спросил, выполнил ли я домашние задания.

С 4-го класса мы учились уже в Малороссийке. До закрытия рудника в Джумбе учащихся в школе было около 1000, школа в районе была передовой. Однако детей военных лет было мало, а после закрытия рудника стало ещё меньше. В 6–8-х классах нас было 12–15 человек, несмотря на то что были ученики старше сверстников на два-три года – 1942–1943 г. р.

В 1960 году среднюю школу в Малороссийке закрыли, и кто мог и хотел получить среднее образование, были вынуждены искать новое место учёбы. Некоторые ученики пошли в ПТУ, некоторые, повзрослее, пошли работать, а я и Любовь Седова поехали учиться в Большую Буконь. Там в 9-х и 10-х классах нас, «детей войны», также было мало, всего 12 человек. В связи с этим учителя опрашивали каждого довольно часто. Меня, например, вызывали к доске практически на каждом уроке. Возможно, это было связано с тем, что восемь классов в Малороссийке я окончил на отлично и меня усердно проверяли «на вшивость». Такие требования, конечно, сказывались и на твёрдости получаемых знаний.

В одно из посещений школы в Большой Букони, уже будучи офицером, учительница – одноклассница Валентина Борзых – показывала мне школьный исторический уголок, где были выставлены мои дневники за 9-й и 10-й классы с отметками. Я даже сам удивился, на большинстве страниц дневника было более 20 оценок за неделю, из них кое-где четвёрки, остальные пятёрки. То есть меня опрашивали практически каждый день на каждом уроке.

В детстве пользовался свободой, шалил и иногда делал глупости. В одну из летних ночей я с ребятами в Джумбе в нескольких домах поменяли калитки и ворота ближайших соседей. Эту «процедуру» мы свершили за несколько минут, так как все калитки и ворота крепились к столбикам свитыми из лозы кольцами.

Моя мама работала почтальоном на руднике. В одну из зим она пришла домой и, заикаясь, рассказала, что на неё набросилась в одном из казахских дворов большая собака. Через пару дней я взял ружьё, которое сам купил на заработанные деньги, снял цевьё, отсоединил приклад от ствола, повесил

под пальто на шею, и мы, по-моему, с Анатолием Братковым, под вечер пошли «в гости» к этим казахам. Навстречу нам выскочила злополучная собака, потом она по снегу взобралась на крышу дома. Вот тут я её и взял на мушку. От выстрела её снесло с крыши, мы быстро ретировались от этого дома. Улица была пустынной, и свидетелей мы не видели. Я снова спрятал ружьё под пальто, и как ни в чём не бывало мы степенно вернулись по домам. На следующий день мама рассказала, что кто-то убил у казахов собаку, которая на неё напала, но она уже оказалась на привязи.

На ружьё я зарабатывал охотой. Ловил силками и капканами зверьков с ценным мехом – солонгаев, чёрных кротов, сурков, зайцев, а однажды даже поймал лису, и мне посчастливилось поймать горностаю. У нас тогда даже увидеть горностаю было в диковинку, но мне повезло. Шкурки зверьков я выделывал и сдавал заготовителю, который приезжал, как правило, под осень. Заправским, вооружённым ружьём охотником я стал в 12 лет.

В Малороссийке и окрестностях было очень много змей. Встречались в большинстве своём гадюки.

Гадюка меня укусила в километре от дома. Мне тогда было лет одиннадцать. Мы с Лёшей Герасименко в конце июня пошли на рыбалку на 3-й водопад реки Букони в надежде поймать рыбку покрупнее и, если повезёт, то рассчитывали даже на тайменя. В руках удочки, трёхлитровое ведёрочко (сделанное из консервной банки) и консервная банка с червями. Шли от нашего дома на юг по тропе в густом карагайнике через гору. Я был в парусиновых тапочках на босу ногу. И вдруг я почувствовал, что правую ногу в районе щиколотки что-то обожгло. Отскочил, оглянулся и увидел, что за ногу уцепилась гадюка длиной с метр. Лёша тоже отскочил, и гадюка скрылась в кустах. Я тогда уже знал, что нужно по возможности отсосать яд, но я губами не мог дотянуться до раны, а Лёша был ещё мал, и я не позволил ему это сделать. Укус пришёлся в вену на щиколотке. Я, как мог, выдавил яд с кровью, перетянул ногу выше укуса леской от удочки и на одной ноге поскакал в больницу. До речки Кумаи метров шестьсот с горки допрыгал быстро, прополоскал рану водой, а дальше дорога вела уже в горку. Доковылял до больницы, показал рану врачу Варваре Михайловне Сорокиной (Седовой). Она сокрушённо сказала, что уже поздно лечить, так как яд давно впитался в кровь, сделала мне укол, напоила водой и отправила домой, наказав побольше пить любой жидкости, чтобы ускорить вывод яда из организма.

Когда я пришёл домой, голова начала кружиться. Я, помня наказ, выпил с литр кислого молока, прилёг от слабости на кровать, стоявшую во дворе, а Лёша побежал домой. Через некоторое время у меня открылась рвота, меня выворачивало наизнанку. Но после каждого рвотного приступа я пил по кружке воды. Возможно, это тоже помогло справиться с последствиями укуса. Нога у меня начала пухнуть, стала как полено, а на следующий день посинела до бедра. Лето для меня было испорчено. С синей ногой я просидел почти до самой школы, передвигался с палкой в пределах двора, а дальше примерно через месяц только на велосипеде. Наперекор судьбе выжил! После этого случая я старался в горы ходить в сапогах.

Варвара Михайловна, по моим современным знаниям, сделала всё правильно. Яд уже был в крови. Отравление никакими лекарствами уже нельзя было уменьшить. Меня выворачивало от общего отравления. А пить нужно было больше, чтобы активизировать процесс вывода яда из организма.

Со змеями мне часто приходилось встречаться. В раннем детстве я обычно бегал за старшим братом Николаем и его друзьями и постигал жизнь под их покровительством. Однажды ранней весной они пошли в горы к югу от Малороссийки, и я с ними (тогда мне было лет пять). На южном склоне горы мы подкреплялись «заячьей капустой», и я обнаружил на солнцепёке между камней что-то продолговатое, похожее на кнут, и, со словами «Ребята, смотрите, я нашел бичик», потянулся, чтобы его взять. Брат подскочил ко мне и отдёргнул, а «бичик» зашевелился и пополз. Как оказалось, это была медянка, очень ядовитая змея. Парни камнями размозжили ей голову. Это было одно из первых знакомств со змеями.

И ещё был случай. Это было на сенокосе, после окончания 6-го класса. В колхоз на помощь прибыла группа студентов. Нас, несколько человек школьников и приехавших студентов, чтобы экономить на перевозках и на размещении студентов и увеличить рабочий день, разместили в полуразрушенном доме пастухов на заимке в Белашах. Спали на полу на сене, прикрытом дерюгой. С одной стороны парни, с другой девчата, ногами друг к другу, накрывались одеялами. Однажды утром мы проснулись, но ещё были под одеялом, я увидел под потолком (под стрехой) гадюку. От поднявшегося шума

*Иван Елисеевич Цымбал с женой Надеждой
у дома*

она упала к нам на одеяло, за ней упала другая. Поднялся гвалт. Но ребята быстро подхватили за углы одеяло и вынесли на нём наружу этих змей, с которыми потом расправились.

Мне хорошо запомнился зимний лыжный поход (это было в 7-м классе). С утра мы вышли группой человек 7–8 на лыжах под руководством Ивана Андреевича Колькова – нашего учителя физкультуры – к горам в восточном направлении. У меня за плечами была школьная малокалиберная винтовка. После выхода из села мы обнаружили след лисы, а потом на склоне метрах в трёхстах и лису, она «мышковала». Наш отряд остановился, наблюдая за ней, а я, как заправский охотник, взял её на мушку. Однако промахнулся, пуля попала ей под ноги, она подпрыгнула от испуга и бросилась наутёк.

На пути первый привал был на заимке Зелёной у пастухов-казахов. Нас пригласили в избу погреться. Казашка в казане начала готовить чай с молоком, бараньим жиром и баурсаками. Баурсаки делала из теста, которое раскатывала на своей ноге выше колена и жарила в бараньем жире в небольшом казанчике. Девочки сидели в уголке, хихикали и сначала не хотели пить такой чай и есть баурсаки, в которых иногда можно было увидеть волоски с ноги казашки. Однако ребята показали пример антибрезгливо-

сти, шутили, все вместе хорошо подкрепились, щёки у нас зарумянились, настроение поднялось. Мы поблагодарили щедрых хозяев. Довольны были все.

С Зелёной мы направились к горам на север к пасеке под горой Бык, как говорили тогда – пошли в Подбыка. Чья это была пасека, вернее, кто там был пасечником, я не знал и был там впервой. Наш учитель, очевидно, заранее договорился о посещении пасеки с руководством колхоза или с работавшим на пасеке пчеловодом.

Снега ещё было немного, дверь в дом пчеловода мы откопали быстро. В доме под потолком в мешке висели припасы – сухари, солёное сало и вяленое мясо, во фляге был мёд. Мы быстро растопили плиту, вскипятили чай, прогрели комнату. И здесь тоже не обошлось без курьёзов. Подготовкой обеда занимались ребята. Когда мы сняли мешок с продуктами, то оказалось, что они были покрыты слоем мышиного помёта, но ребята только переглядывались, и, по-моему, женская половина об этом так и не узнала. Мы все уплетали сало и мясо с сухарями и своими бутербродами, запивали горячим чаем с мёдом. Вели себя непринуждённо, всем было весело и уютно.

Возвращались в село мы уже к вечеру, нашу лыжную заметала позёмка, но настроение было отличным! Эта страница нашей юности мне помнится хорошо, но я точно не могу перечислить состав нашей лыжной группы. Вспоминаю эти времена, и «цепляет» душу ностальгия.

У меня сны часто совпадают с событиями и сбываются. Так, в 2000 году, когда сын Игорь после окончания училища в звании лейтенанта служил в Чечне, мне приснился сон, что мы с ним где-то в горах и он сорвался в бушующую реку, а я метался по скалам, пытаюсь выйти к потоку. В конце концов мне удалось вытащить его из воды. Через день, около двух ночи, Игорь позвонил и сказал, что на их часть (он служил в строительной части, которая строила укрепления для войск в горах на юге Чечни) было совершено нападение боевиков и он привёз в Ставрополь двух погибших.

Если я вижу себя во сне без одежды, то не было случая, чтобы кто-либо из близких не заболел. Однажды увидел подряд два намёка, при этом сначала один оказался без подтверждения. Однако позже я узнал о болезни внучатого племянника по линии жены.

Односельчанин Ваня Щитченко посещал Малороссийку, где по моей просьбе сфотографировал отчий дом. На снимках дом родителей, где я провёл детство, и сосна, которую отец привёз саженцем из-под Барнаула, когда я учился уже в Баку в училище. Сначала она была посажена у входа в дом. Но место посадки оказалось неудачным, один из корней начал приподнимать веранду. Деревце отец перенёс в пасеку, там земля плодороднее и вода ближе. Сейчас это одна из немногих сосен в Малороссийке!

Отчий дом, 2015 г.

Как видно из снимка, дом в запустении, в нём никто не живёт, но выглядит крепким. Стоит ещё даже кухня с баней, которая была жилым домом при покупке в 1959 году, сложена из самана первыми переселенцами и стоит до сих пор!

В 1996 году в связи с тяжёлым заболеванием отца мы с братом Николаем за копейки отдали усадьбу местным жителям – казахам, купили квартиру и перевезли родителей в райцентр Самарку. Но вылечить отца не удалось, в июле он скончался, и мы его похоронили на кладбище в Самарке, а маму в следующем году перевезли в Ставрополь, она жила у старшего брата Николая.

Земляк Николай Аратцев поделился своими стихами о нашей малой Родине Малороссийке:

В отрогах Алтая, вдали от дорог
Стоял наш посёлок – глухой уголок.
Здесь долгой зимою нередко бывало,
Посёлок снегами до крыш заметало.
И часто случалось – снега да метели
Гуляли в посёлке по целой неделе.
Но стихнет стихия, буран прекратится
И только под солнышком снег заискрится,
Мы мигом за лыжи и вон со двора.
Гуляет, резвится вокруг детвора.
Народ повзрослее в подворье хлопочет,
Тропинки пробьют и дороги протопчут.
Дороги протопчут – обоз проведут.
И вновь на работу и в школу идут.
Зимой мы живём, как медведи в берлоге.
Зато уж весной, как оттают дороги
И реки промчат на себе разный хлам,
Цветущей природа является к нам.

В зелёный наряд приоденутся чащи,
Мы в горы и в лес убегали всё чаще,
А в жаркий денёк на речные наносы.
Я часто с отцом уезжал на покосы,
Не всё же мне бегать, не всё же гулять,
Савраской тогда я умел управлять.
А позже быков погонять обучился,
И сено грести, и копнить научился.
Но больше всего тогда нравилось мне
В степи ночевать на душистой копне.
Поближе к отцу прикорнёшь на бочок,
А где-нибудь рядом поёт всё сверчок,
То крикнет вдали не уснувшая птица.
О, милый мой край,
Он и сейчас мне всё снится.

Травы здесь не скошены,
Дороги поразмыты.
Край ты мой заброшенный,
Но не позабытый!

О ПЕРВЫХ ЖИТЕЛЯХ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ СЕЛА МАЛОРОССИЙКИ И ИХ ПОТОМКАХ

Рассказ Олимпиады Порубаевой (Солошенко)*Олимпиада Порубаева (Солошенко)*

Первые переселенцы были из Малороссии, отсюда и название села. Мой прадед по маминой линии, Николай Жежер, с семьёй (старший сын Никифор, дочь Федосья – моя бабушка, сын Павел) приехали в 1910 году из Киевской губернии. Бабушка говорила, что по большим праздникам ходили молиться в Киево-Печёрскую лавру. Другой мой прадед, Михаил Матвиенко, с семьёй приехал в Малороссию в 1908 году. За год до его переезда моя прабабушка с кумом (фамилию не помню) на бричке с конём за три месяца доехали, наконец, до создававшегося села Малоросийки, где им понравилось. Там уже жили несколько семей «молокан». Эта народность малая, очень культурная, но потом они уехали из села. Мой прадед, Николай Васильевич Матвиенко, купил у одной из этих семей дом, в котором и моё детство прошло. Дом единственный на улице Ворошилова под крышей с чердаком, с летней кухней и баней. В доме было три комнаты, большие окна, высокие потолки. В каждой комнате была русская печь.

В семье прадеда Матвиенко было трое детей. Старшая Елизавета, мой дед Фёдор Михайлович и Прасковья. Первые два года обе семьи жили в землянках, занимались раскорчёвкой карагника. Он был выше человеческого роста.

В те же примерно годы приехали семьи Бондик, Герашенко, Бойко, Пацук. Многие из первопроходцев в годы раскулачивания пропали без вести. Вот фамилии я многих забыла, но хорошо помню Сергея Сергеевича (их родовой дом был напротив больницы с высокой вербой под окном, потом там жила семья Сергея Корниенко. Фамилию С. С. я забыла, но общалась с ним несколько раз, он жил последние годы в Усть-Каменогорске, работал в совете ветеранов, был одним из немногих защитников Брестской крепости, доживших до наших дней. Много рассказывал о войне и преследованиях после её окончания).

Вместе с моими прадедами приехали родная сестра моей прабабушки Марфа Бондик с мужем Прокопом. У них было четверо детей: Прасковья, Любовь, Андрей и Мария.

Прасковья (среди домашних Паша) вышла замуж за Григория Корниенко. У них было четверо детей – Николай (1922 г. р., погиб на фронте), Мария (1935 г. р.), Валентина (1943 г. р.), Людмила (1948 г. р.).

Мария замужем за Борисом Бурнашовым, у них две дочери – Алла и Оля. Оля младшая, умерла год назад, была гендиректором какой-то совместной международной фирмы. Осталась взрослая дочь Татьяна, живёт в Калуге, замужем. Старшая, Алла Еремеева, живёт в Севастополе, образование высшее, работает в представительстве правящей партии России. У неё сын Александр (женат, двое детей, живёт в Усть-Каменогорске) и дочь Алёна с дочкой живёт в Севастополе. Мария и Борис Бурнашovy живут в посёлке Бурятино Бурятинского района Калужской области. Валя живёт в Самарке, у неё два сына и четверо внуков. Муж Вали, Пётр Парий, умер рано. Старший внук Игорь, от первого брака сына Олега (он родился без ноги, но это не помешало ему успешно окончить школу и Высшее Баумановское в Москве), учится в техническом университете. Младший сын Вали Владимир – в Красноярске, женат, двое детей. Младшая дочь Григория и Прасковии Корниенко Люда (1948 г. р.) живёт в Семипалатинске, замужем, детей нет.

Любовь Прокопьевна Бондик (1910 г. р.) была замужем за Митрофаном Захаровичем Жоговым (1906 г. р.) (семья Жоговых приехала с Кубани, кубанские казаки-украинцы), детей у них не было,

но друзей и родственников целое село. Ни одна свадьба не обходилась без них, замечательно пели, играли на балалайке, мандолине.

Все сёстры Бондик очень хорошо пели. Был создан приходской хор в сельской Молельне. Церковь в селе так и не успели построить, а в доме, где собирались по церковным праздникам, была потом молоканка и даже школа. После пожара (зимой 1953 года старая школа сгорела) мы классами занимались по избам в радиусе школы. В этом домике я училась в 8-м классе. Потом из Кулуджуна перевезли камышитую-каркасную школу, и мы всем селом помогали её строить, собирали, мазали.

Андрей Бондик был женат на Евдокии (фамилии не знаю), у них было трое детей – сын Пётр, дочь Полина Андреевна (моя крёстная) и ещё сын, забыла имя, он рано умер. Полина Андреевна была замужем за Калачёвым, уже нет обоих, было у них три дочери, все живы, но как сложилась их жизнь, не знаю. Я с ними не знакома, в Интернете пересекалась однажды.

Мария Прокопьевна Бондик (1915 г. р.) была дважды замужем. Сын от первого брака Владимир Чесноков умер рано, остались ли дети, не знаю. Второй брак с Зиновием Захаровичем Жоговым. Две сестрички и два брата, как они пели! Это надо было слышать! Во втором браке родился Вадим Зиновьевич, в 2014 году отпраздновал юбилей – 60-летие. Женат Вадим на Елене Павловне Чаплиной, старшей дочери Павла Сергеевича Чаплина. В их семье самая младшая Света, моя сноха, жена младшего моего сына Александра. Чаплины приехали с Белоруссии в конце войны. У Вадима Жогова трое детей – сын Сергей, дочь Татьяна и дочь Люба, все живут в Новосибирской области. Внуков у Вадима шесть.

Из ранних переселенцев семья Близнюк, жаль, что нет уже Анатолия Сергеевича, но Вера Сергеевна ещё жива, живёт в Алма-Ате.

И ещё семьи Нихомяз и Белоножко, Ворошиловых. Возможно, нашу улицу одними из первых они и заселяли. Лидочка Ворошилова была первой красавицей, но это уже двадцатые годы. В неё был влюблён мой дядя. Но потом разъехались учиться, она в Алма-Ату, в мед, а дядя в горный техникум в Риддер, был распределён в Китай, где он проработал до 1955 года. Так и разошлись их пути. Дяде 86 лет, живёт в Москве. После Китая в Москве окончил институт, работал в военной строительной организации, строил на Валдае что-то при Брежнев. Писал: строим дачу «нашему дорогому», присылал посылки с клюквой. Горная специальность у дяди маркшейдер, приходилось работать на многих стройках.

Из ранних поселенцев в Малороссийку также семьи Климович, Бондик, Корниенко, Дроновых, Атамасовых. О них я знаю, как о дальних родственниках, но не больше, утеряна связь времён.

Ещё семья Чупрыны из первых переселенцев, Якова Сычёва. Дедушкина сестра Елизавета вышла замуж за Филиппа Чупрыну. У них было четыре сына и дочь Лидочка, (умерла от аппендицита), Иван, Алексей и Андрей воевали, Григорий – младший. Алексей погиб, Андрей вернулся по ранению в конце 1943 года. Младшая Прасковья вышла замуж за Ивана Яковлевича Сычёва. Было двое детей, старший сын погиб на войне, а дочь Антонида Ивановна уже умерла, остались сын и дочь, живут в Усть-Каменогорске. Многие односельчане должны помнить слепого баяниста Фёдора Викторовича Сычёва, это племянник Ивана Яковлевича. Эти семьи тоже из первопроходцев.

Один цыганский табор несколько лет подряд летом стоял вблизи Малороссийки в Ворониной долине, она тянулась примерно до холмов, вблизи которых и была улочка из нескольких домов у реки Кумаи. Барона я хорошо помню, с ним дружил мой дедушка, Фёдор Михайлович Матвиенко. Запомнился он тем, что на правой руке у него не было большого пальца. А летом 1944 года он заходил к нам опять и очень сожалел, что деда нет. Он замёрз 7 ноября 1943 года по пути на шахту, была лютая зима и буранило сильно, деда искали неделю и нашли в нескольких шагах от флюсплощадки. Известие нам привезла тётя Надя Цымбал, жена Ивана Елисеевича Цымбала.

Старые фотографии освежили память...
Деревня исчезла – остались берёзы
Да море черёмух над сонным оврагом...
Над светлой речкой танцуют стрекозы,
И птицы следят за моим каждым шагом.
Ромашки кивают наивной головкой,
Кусты иван-чая к ногам припадают...

Я здесь много лет не была – мне неловко...
И больше меня здесь никто не встречает...
Лишь ветер деревню мою навещает,
Да птицы хранят верность дому родному.
А я вдалеке по деревне скучаю,
С годами всё больше, как птица по дому...

МАЛАЯ РОДИНА. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Рассказ Григория Михайловича Гаркуши

Григорий Михайлович Гаркуша

Я Григорий Гаркуша (внук деда Бильдея). Коротко о том, как мне запомнились родные просторы в окружении рудника «Джумба» и села Малороссийка.

Я родился в Джумбе 14 мая 1945 года. Летом этого года мы с мамой переехали в Малороссийку, в небольшую избушку на улице Больничной, рядом с домом Седовых, там жила сестра мамы Оля. Мой старший брат Ваня был на войне. Маме со мной было трудно, так как нужно было работать, и в основном мама брала меня с собой в поле, но иногда за мной присматривали дети тёти Оли Седовой. У неё на войне был муж Михаил и два сына – Василий и Иван, а дома остались две дочери – Варя, Мария – и младший сын Николай. Николая я хорошо запомнил, видимо, потому что он мне показывал в окно и рассказывал о том, что происходит на улице.

Весной 1947 года пришёл с войны брат Ваня. Он после войны дослуживал два года в Чехословакии. Ваня сразу сказал маме, чтобы собиралась в путь-дорожку. Мама как ни уговаривала его, всё бесполезно. В конце мая мы уехали из Малороссийки в Хакасию, город Сорск. Но на новом месте маме было не по климату, и врач сказал: «С вашим больным сердцем здесь оставаться нельзя». И мы с мамой через три года оказались вновь в Малороссийке. Из Преображенки мы шли пешком через село

Ключи. Когда мы оказались на последней горке перед Малороссийкой и открылся вид на село и река течёт посреди поселений, то меня охватило что-то неопишемое, видимо, сердце чувствует свою родину.

Мы первое время жили на улице Чапаева. Дом был на два хозяина, во второй половине жили Раскотовы (мама с сыном Григорием). Григорий был старше меня, но мы подружились, потом он познакомил меня со своими друзьями – Геней Макиенко и Васей Мицуком, и я с ними ходил купаться и познавал ближайшие окрестности.

К осени мы переехали на улицу Больничную, первый домик под горкой, и здесь я познакомился с Геннадием Бабаком, Любой Седовой и её подругами. Эта дружба сохранилась, как говорят, на века. А на следующий год Гена познакомил меня с Витей Цымбалом, с которым на следующий год мы пошли в 1-й класс на руднике «Джумба», там оказалась и Люба Седова. Мне с друзьями повезло, а Люба, несмотря на то что родственница (племянница), стала хорошим верным другом. Но с Геней мы были как братья, и описать наши похождения нужен не один том.

В один из летних дней мама сказала: «Завтра пойдём за ягодами». Я проснулся рано, и мне хотелось узнать, куда пойдём и какие ягоды. Мама сказала: «Всё увидишь сам, сейчас придёт тётя Оля Седова, и пойдём в Подбыка». Я удивился, но ничего не сказал (я с дядей Федей ездил на быках, но никаких ягод не видел. Мы прошли далеко от села, и я спросил: «А когда будет бык?» А тётя Оля говорит: «Мы почти пришли, вот эти поляны, где в траве растёт клубника, а дальше гора Бык. Весной мы ходим сюда за ревенем. Зимой ты пил компот и ел кисель, это из сухого ревеня».

И вот мы на поляне, я увидел ягоды и закричал: «Это земляника, мы в Сибири такую собирали!» Мама сказала: «Это клубника, и если сам не поймёшь, то я объясню». Потом мы ходили и на Зелёную за клубникой, и за Белую гору. Я узнал это название, когда мы ходили в Натальевку к тёте Агафье на свадьбу, она выдавала замуж дочь Ирину, есть фото.

Когда поспела смородина в горах, мы пошли вверх по реке Букони до первой пасеки, не переходя реку, направо в ключ (Рештак). Мама меня предупредила о том, что здесь везде ямы и поэтому будь внимательным и не попади в шурф (шурф – это вскрытие верхнего слоя почвы, и при появлении гальки и песка начиналась их промывка в поисках золота). Ягод мы набрали немного, так как там смородина была ещё зеленоватой. Но для меня впечатлений было предостаточно.

В шесть лет я решил уже самостоятельно покорять родные просторы, пригласил Любу Седову с подружками, и мы пошли вниз по течению Букони. Но наше путешествие быстро закончилось. Дойдя до второго озерца, мы услышали непонятные громкие звуки и быстренько убежали домой. С тех пор самостоятельных походов не совершал, пока не пошёл в школу. После я узнал, что это ворковал дикий голубь.

С улицы Больничной мы временно переехали на горку в небольшой домик. Эта улица, по моему, была без названия. Рядом с нами жили Жунусовы, а напротив – Седневы, у них была девочка Нина, с которой я и подружился. Летом мы вместе играли, я приходил к ней, она приходила к нам, и моей маме она понравилась. Мама как-то спросила меня: «А Нина тебе нравится?» Я сказал, что хорошая девочка. Мама и говорит: «Вот она и будет наша невеста в будущем».

Шло время, и однажды придя к Седневым, я увидел во дворе небольшую печку, на которой стоял чугунок, а на нём другой дном кверху. Из верхнего шла трубка в ведро с водой, а из ведра выходила, и из неё что-то капало. Я такое увидел впервые, и меня это заинтересовало. Я зашёл в дом и увидел, что родители Нины что-то переливают. При виде меня дядя Вася говорит: «Вот кстати пришёл, будешь с Ниной нам помогать». Нас с Ниной уложили на стол по разные стороны ногами друг другу. На середину стола положили что-то в марле, а по обе стороны две досточки. Нам сказали: «Нажимайте ножками на досточки», но у нас не получалось. Тогда дядя Вася с тётей Ниной придержали нас за плечи, и всё получилось, жидкость выдавилась из этого свёртка. «Всё хорошо, – сказал дядя Вася, – сейчас будем кушать и снимать пробу». Тётя Нина всё убрала и накрыла на стол. Дядя Вася тем временем сходил во двор и принёс ту баночку с жидкостью, что накапала из трубки. Когда сели кушать, дядя Вася налил нам по глоточку этой жидкости, это вам за работу. За Нину я сказать не могу, но у меня во рту всё обожгло, и я подумал, что это отравка и это конец моей жизни. Я закашлялся. Смотрю, дядя Вася полную рюмку выпил, и живой. Когда пришёл домой и рассказал маме, она сказала, что так гонят самогон (самодельную водку), раньше это запрещалось, и люди прятали в рощах бочки с брагой, а у кого находили, им грозили штраф или тюрьма. «Но детям это пить нельзя, могут умереть. А дяде Васе объявлю выговор за это».

Мои познания расширялись в разных сферах жизни. С Геней мы бегали на речку купаться и в основном находились на общем колхозном дворе. Там всё вызывало интерес. Смотрели, как ремонтируют технику, как подковывают лошадей, как работает кузница, а когда начиналась заготовка силоса, то вся ребятня была там, в этих силосных ямах. Там очень удобно бороться, при падении не ушибёшься. А в хлебоуборку мы были на току, там также было интересно. Веялки были с ручным приводом, и иногда женщины просили покрутить вентилятор, который выдувал мусор из зерна, а при помощи кривошипа была встряска решёт, через которые просеивалось зерно сорняков и некондиция. Зернопогрузчик к тому времени уже был на электроприводе, им грузили чистое зерно на машины и увозили в село Белое на элеватор. На току были горы зерна, зерно было разных культур, не только

Григорий Гаркуша с мамой, 1957 г.

пшеницы. Мы на них и загорали, и бегали по ним. Нам даже на обед не хотелось ходить, наедемся зерна, сходим покупаемся и опять на ток. Иногда посчастливится прокатиться на машине до комбайна и обратно, но такой случай выпадал редко. Зимой катались на санках и колганках (это такой большой тазик, вылеплен из коровьего навоза и заморожен, но довольно тяжёлая штука). Лыж у меня не было до 6-го класса, катались на школьных. Наконец, приехал брат Ваня из Сибири, но с нами он жить не стал, уехал в Мариногорку. Осенью 1952 года я пошёл в школу, которая находилась на руднике «Джумба», и там было три начальных класса. Ходить приходилось далековато, но Виктору Цымбалу и Лиде Раструбе было дальше вдвое. Коля Мамай, наш сверстник, после нескольких дней не стал ходить в Джумбу в 1-й класс и пошёл в 1-й класс в 1953 году в Малороссийке. Мне мама сказала: «Давай, сынок, пойдёшь на следующий год в первый класс в селе, школа рядом». Я не согласился, так как писал, считал до ста и обратно, прочитал всю «Родную речь», и мне вначале и в школе было неинтересно писать разные крючки. Плохо, что раньше не проводили собеседования. Потом познакомился с одноклассниками, и стало интересней проводить время на переменах. На большой перемене бегали кататься на карусели, которая была возле кузницы. Там рядом жил Толик Дубовенко, вот он нам и показал эту карусель.

Наступила зима морозная, а у меня кроме резиновых сапог не было ничего, вот тут и сказалась удалённость от школы. Когда приходил в класс, я не чувствовал ног. Перед окончанием 1-го класса приехал брат Ваня из Мариногорки и сообщил маме, что женится, и пригласил на свадьбу в мае. Летом мы возвратились жить на Больничную улицу. Рядом с нами жили Сергей Иванович Корниенко и его жена тётя Оля (подруга моей мамы). Сергей Иванович работал в колхозе, в то время был бригадиром по животноводству и иногда брал меня с собой при посещении какой-либо фермы. Однажды мы поехали далеко, на овцеферму, которая находилась в Нефтяном. Как сказал дядя Серёжа, Нефтяное потому, что там есть такое место, где жидкая глина не засыхает, а только покрывается коркой. Жидкость маслянистая, вот и думали, что там есть нефть. «Поэтому от фермы не отходи, я освобожусь, потом сам тебе покажу». Но что-то пошло не так, и мы быстро уехали. По дороге он рассказал: «Однажды решили измерить глубину этой жидкости, но сколько бы ни опускали жердей, привязывая друг за другом, а дна достичь не смогли, были случаи, когда в этой яме тонули животные. А ещё, если бы всё было хорошо, то мы с тобой проехали бы дальше по ключу, и за горкой там другая ферма на Зелёной, где у твоего деда была заимка». А почему он поторопился в село, он не сказал.

Через несколько дней мы с мамой оказались в том месте, но только по другую сторону дороги. Там маме выделил лесник деляну для заготовки дров. Мама в то время в колхозе уже не работала, она имела паспорт и могла работать где угодно. Колхозники паспортов не имели, и если нужно поехать куда-либо, то председатель колхоза давал справку, это и был документ. Мама после жизни в Сибири часто болела и поэтому на основной работе, в коллективе, работать не могла. А когда более-менее здоровье улучшалось, шла рубить дрова. В основном делала заготовку дров для школы и сельсовета, и частникам кто попросит. Труд, конечно, невероятно тяжёлый, да ещё жара работать под солнцем, а главное – комары и мошки от жары прячутся в траве, а когда наклоняешься рубить, они облепляют всё лицо. Когда мама приходила отдохнуть и попить воды, кофта на ней была мокрая, а воды она пила очень много, одно ведро до обеда и, когда шли на обед к кринице, набирала опять полное ведро.

В середине лета начинали гнать гурты (это отары овец и крупный рогатый скот). Гнали их из Монголии на Семипалатинский мясокомбинат. Трасса проходила по горам мимо нашего села. Поэтому рядом с трассой находиться было опасно, и нам приходилось уходить на дальние деляны для заготовки дров. Место, куда мы ходили, называлось «за горой». Мама сказала, что это нижняя дорога на село Ключи, а если пройти вот за эту горку, то там будет пасека в Сугановом ключе, она уже принадлежит Ключинскому колхозу.

Наступила осень, и я пошёл во 2-й класс. По воскресеньям ходили в горы за калиной и боярышником. Калина мне не нравилась – горькая и пахнет лекарством. Мне объяснили, что она должна зимой на морозе вымерзнуть и горечь уйдёт, а потом приготовить в печи с тыквой или свёклой. Калины было много в Калиновом ключе, это по правой стороне реки Букони, за речкой Сидоровкой. За смородиной меня не брали, так как нужно ходить по кустам, а вдруг медведь, а ты убежать не сможешь. По рассказам мамы, им приходится в поисках ягод очень много ходить. Не везде бывает урожай, вот и приходится ходить от одного ягодника к другому. За столько лет хождения по горам,

а это в основном мама с сестрой (Олей Седовой) и Ольгой Корниенко, они знали, где что растёт. Если на знакомых им местах неурожай на чёрную смородину, собирали красную и наоборот.

Мама называла такие места, что я понятия не имел, где это. Она говорила: «За Белой горой, а дальше нужно идти на северо-запад, после Майкалгана нужно идти направо, в горы, и, когда пройдёшь Фёдоро-Ивановское, будет гора Кемперка и дальше спуск к речке Джумбе». И если в этих местах не находили ягод, то шли вниз по течению реки до слияния её с рекой Буконь, там почти всегда можно было нарвать смородины. А иногда переходили через реку Джумбу и шли дальше через гору Свистун. Эта гора получила такое название из-за постоянного шума, создаваемого ветром, а ветер там дует постоянно. Но одно хорошо, нет гнуса. Но если и здесь в ложбинках не находим ягод, то идём дальше. Прямо идёт дорога на Джейляу (это место летнего выпаса овец и крупного рогатого скота), а мы уходим вправо и спускаемся к реке Букони. Вдоль берега растёт черёмуха и заросли смородины. Вот так везде понемногу и набираем по ведру смородины, но набрать одно, а её нужно ещё нести более 10 километров до села, а притом ещё и ночь наступала. Поэтому домой приходим к утру, можно и на пасеке переночевать, но утром нужно корову доить и в стадо отгонять. Из маминого рассказа я не мог представить всё расстояние, которое они проходили, но, думаю, не менее 25 километров. И так всё повторялось каждый год, до окончания мной 3-го класса.

Перед тем как уйти на каникулы и попрощаться со школой в руднике «Джумба», нам учительница (Таисия Матвеевна) организовала поход на шахту «Параллельная», которая находилась в 5 километрах от села. В саму шахту мы не спускались, а видели только, как катают вагонетки с рудой из шахты на фабрику. Одну вагонетку катила женщина, как оказалось, это мама нашей соклассницы Карнауховой. Через некоторое время произошёл несчастный случай на шахте, и эта девочка осталась без мамы. В 4-й класс она не пришла, так как они с папой переехали из Джумбы в Преображенку.

Потом мы пошли на обогатительную фабрику, где перемалывали эту руду, и этот песок смывался водой на бутару (такая наклонная панель с перегородками), золото и тяжёлые примеси задерживались перегородками, а всё остальное уносилось водой.

Но шахта просуществовала только до 1956 года по причине экономической неэффективности. После закрытия шахты управление перевели в Боко, и рабочие и шахтёры, кто пожелал переехать на новый рудник, переехали с семьями. Поэтому у нас в 4-м классе стало меньше учеников, с которыми учились три года, но зато прибавились сельские.

В 4-м классе стало интересней учиться. Появились разнообразные кружки, уроки ручного труда проводились зимой в мастерской, а весной и осенью сажали деревья и кустарники на приусадебном участке и около школы. Осенью школьники помогали колхозу на уборке урожая. А когда стали учиться в старших классах, то по просьбе правления колхоза, а потом и совхоза работали на сенокосе и прочих работах, где наша помощь была необходима. Ребята постарше, кто умел ездить на лошадях, пасли скот. Им удалось больше познать родные просторы, но и мы на сенокос ездили за 10–12 километров. Я лично узнал такие названия, как Желтугень. Нас возили на машине вместе с рабочими. Мы доезжали до Зелёновки, а потом налево в горы. Проезжали Котловую и, перевалив через гору, оказывались в долине под названием Желтугень. Рабочие косили и сгребали подсохшее сено, а мы копнили. Завершив там работы, на следующей неделе переехали на Белаши, это дальше Нефтяного. Там меня попросили крутить точильный круг, а рабочий точил на нём косы от сенокосилок.

По завершении сенокоса мы были свободны, и если дома особо делать было нечего, то я с друзьями (Гена Бабак, Витя Цымбал, Толя Братков) ходили в горы, на пасеки. А когда наш сосед, Сергей Иванович Корниенко, ушёл на пенсию и стал работать пчеловодом, то во время роения пчёл он брал меня с собой охранять рои, чтобы вовремя их собрать и поместить в пустой улей. Вот тогда я узнал, где была моего дедушки Бильдея пасека. Это место находится ниже ключа Ильинка и выше Цымбалова-ключа – вторая пасека от Малороссийки на реке Джумбе вверх по течению.

По окончании 8-го класса в 1960 году, у нас в то время осталась восьмилетка, поступил в Самарское ПТУ. По специальности «комбайнёр, тракторист, машинист широкого профиля». По окончании училища я в совхозе некоторое время работал прицепщиком.

Во время весенних полевых работ работал на тракторе ДТ-54. По окончании этих работ мне дали колёсный трактор «Владимировец», он был неисправен, но отремонтировать было некогда, нужно было возить зерно для подготовки его к посеву. Наконец, посевные работы закончились, бригадир дал

добро на ремонт. По завершении ремонта трактора бригадир даёт задание подготовить грабли – и на сенокос. И теперь, где мы работали школьниками с вилами и граблями, на смену пришла техника. Мы с Николаем Макиенко сгребали сено в валки, а Николай Соколов стогометателем подбирал валки и формировал стог. По окончании сенокоса меня с Александром Никулиным послали на станцию Жангиз-Тобе получать трактора «Беларусь». Получили трактора с кабинами, новые. Познакомились с инструкцией – и в путь. Дорога дальняя, поэтому во время перегона и обкатали их. Тот, что пригнал я, дали Николаю Соколову, а второй был предназначен для другого совхоза. Меня пересадили на «Беларусь», так как ребят забрали в армию и произошла ротация.

Наступила зима, и трактористы колёсных тракторов стали на ремонт, а те, кто завершал ремонт трактора, ремонтировали сельхозмашины. Весной Николая Соколова поставили звеньевым, а мы с Анатолием Дубовенко вошли в его звено. Было время правления Н. С. Хрущёва, поэтому мы сеяли кукурузу, затем косили её на силос.

Во время сенокоса мне поручили косить сено, все поля мне были знакомы по прежним моим работам. И вот приходит мне повестка в военкомат и направление на учёбу в ДОСААФ. По окончании шофёрских курсов и сдачи на права, по возвращении в совхоз, мне передал свой самосвал Володя Канталинский. Эта машина давно требовала капремонта, но, видимо, это ей было не нужно, так как через месяц меня забрали в армию, а машину в утиль.

По возвращении в совхоз из армии мне передали грузовую машину ГАЗ-51, её оставили солдаты, которые участвовали в хлебоуборке и временно на ней работал Иван Кузьменко. Вот на ней я поездил и много нового узнал о своей области. В основном зимой возили крупный рогатый скот на мясокомбинат. С грузом ехали через Георгиевку, обратно возвращались по новой дороге, через Самарку. Вместе со мной было пять машин, которыми управляли Владимир Мягков, Михаил Гаркуша, Василий Шестак, Ашкен. С живым грузом по короткой дороге ехать было опасно, так как было много крутых поворотов. Однажды Володя с Василием рискнули и приехали позже нас, несмотря на расстояние в два раза короче. У них на повороте из машины вывалилась свинья, и они не могли её долго поймать, а потом погрузить на машину вдвоём было невозможно. А к тому же мне приходилось ездить и по другим местам. Однажды послали в Бор за лесом, и – о, чудо! – встретил родственника, который работал там на пилораме. Много узнал от него. Это то место, куда забрал в жёны Анну Бильдееву Иван Сливкин. Я написал об этом двоюродной сестре Варе, дочери Анны и Ивана Сливкиных, на что она ответила, что это она всё знает, но не рассказала мне при встрече. У нас было мало времени обо всём поговорить. Я приезжал к ним во время службы и находясь в командировке в Ташкенте. На вопрос сестры Вари «Нравится тебе Ташкент?» – «Да!» – «Вот и приезжай. Работать можешь и у нас в селе или в городе». После долгих раздумий и беседы с мамой я решился. Уволился из совхоза и с сожалением покинул родные края, не зная, что меня ждёт в будущем. Вот такие вкратце воспоминания о малой Родине.

Но эти воспоминания были бы неполными без главного события в моей жизни, а именно, в детстве я увидел девочку, которая вошла в моё сердце. Она была младше меня на три года, и мы начали дружить уже в старших классах. Но по-настоящему любовь друг к другу произошла, когда я вернулся из армии. И эта любовь не растратилась с годами, мы поженились в 1969 году, 8 июля, и вот уже шестой десяток живём в любви и согласии. У нас два сына, три внучки и один внук. Спасибо моей Родине, родителям Надежды Ивановны Гаркуши (Щитченко).

Поэтому вкратце напишу о них. В наше село они приехали позднее первых переселенцев, но всё равно они внесли свой посильный вклад в общее дело.

Итак, о родителях и прародителях моей любимой Надюши.

О семье Александры Михайловны Щитченко – мамы Надюши: дедушка Александры, Воронков Яков Григорьевич, и его семья переселились в Казахстан в 1895 году из Таврической губернии. В 1909 году переселенцы населяли Самарку, там и остановился Яков Григорьевич Воронков с женой Федосьей и пятью детьми. Мама Александры, Марфа Яковлевна Воронкова, родилась в 1892 году. Вышла замуж за Порфирия Давыдовича Кучерявенко в Славянку. Александра родилась 1919 году в июне, а её отец умер в феврале 1919 года. Марфа Яковлевна с Александрой переехала в Александровку, там она вышла замуж за Михаила Семёновича Глинина. Михаил Семёнович Глинин удочерил Александру, и она стала Александрой Михайловной Глининой. Дедушка родного отца Александры, Давид Иванович Кучерявенко, был грамотным, умел писать и читал книги и Библию

Семья Василия Фёдоровича Щитченко и Марфы Глининой

на старославянском языке. А его жена, Зинаида Мартыновна, неграмотная. У них было три сына – Ульянов, Иван и Порфирий, который потом и стал отцом Александры.

Бабушка Зинаида Мартыновна очень любила Александру (видимо, потому что Бог не дал им девочку), и поэтому Александра жила до школы у дедушки с бабушкой. Перед направлением Александры на учёбу родители её забрали в Александровку. Здесь она окончила школу-семилетку и работала в домашнем хозяйстве. В восемнадцать лет она встретила своего суженого – Василия Фёдоровича Щитченко. Он родом из Сибири, родился в 1910 году в селе Полойка Краснозёрского района Новосибирской области. После службы в армии он приехал к брату в Алма-Ату и вместе с братовой семьёй переехал в Восточный Казахстан, на рудник «Кулуджун» Самарского района. В Кулуджуне он и познакомился с Александрой Михайловной. В 1937 году они поженились и через некоторое время уехали в Малороссийку. У них уже был сын, Анатолий Васильевич, 14 октября 1938 года рождения. В 1939 году Василий завербовался на рудник «Чиндагатуй» у монгольской границы, где велись разработки по добыче молибдена. Шёл 1940 год, и время было беспокойное, враг приближался к нашей границе. Александра Михайловна уговорила Василия Фёдоровича вернуться к родителям в Малороссийку: «А то вдруг будет война, тебя заберут, а я здесь одна с маленьким ребёнком, да ещё и в положении». Василий согласился, и осенью 1940 года они переехали в Малороссийку. (На приложенном фото Василий Фёдорович Щитченко, Александра Михайловна Щитченко, их сынок Анатолий, мама Александры Марфа Яковлевна Глинина, справа и слева её дети – Петя и Нина.)

Василий был мобилизован 4 августа 1941 года и направлен на фронт. Его адресом была полевая почта 140, 30-й ГСП, рота ИТР. Последнее письмо от Василия Фёдоровича было получено 22 января 1942 года. Позже пришло извещение, что Василий Фёдорович Щитченко пропал без вести в марте 1942 года. При этом место его пропажи указано не было. По окончании войны много раз подавали в розыск, но безрезультатно. У Александры родилась доченька Зинаида, мама её назвала в честь любимой бабушки, Зинаиды Мартыновны. Вот так и получилось, отцу не довелось порадоваться рождению доченьки, а дочери увидеть отца. Александра Михайловна с родителями растила детей в трудные военные годы. Приходилось работать в военной охране на шахте и в Продснабе. В 1947 году Александра Михайловна встретила Ивана Александровича Вагнера, от которого родила ещё пятерых детей: Надежду и Александра (двойня) – 26 августа 1948 года, Ирину – 21 января 1952 года, Ивана – 9 декабря 1956 года, младшая девочка Люба, к сожалению, умерла. За рождение и воспитание детей Александра Михайловна была удостоена звания Мать-героиня.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Рассказ Геннадия Николаевича Бабакова

Геннадий Николаевич Бабаков

Когда уже пройден большой отрезок жизненного пути, когда за плечами все стадии жизненного процесса, наступает осознание того, что пора собирать камни, пора подводить итоги, пора поделиться и рассказать о своих победах и поражениях, вспомнить о том, что интересно близким, землякам, пробежаться по жизненным историям, которые оставили след в твоём сердце.

Есть такая история: прежде всего, детство и небольшой кусочек юности, которые связаны с малой Родиной, которые навсегда останутся в твоей памяти – это село Малороссийка Восточно-Казахстанской области. Перед глазами целый жизненный пласт, о котором можно говорить бесконечно, как бесконечны чувства к природе, горам, рекам, которые тебя окружали и пьянили разум своей красотой и неповторимостью!

Наша семья Бабаковых сформировалась в окончательном её виде в Малороссийке после Великой Отечественной войны.

Ранее, в начале 20-го века, мой дед, его родители, шестеро братьев и сестра прибыли в Казахстан, в село Воздвиженка Кокпектинского района Семипалатинской области, из Киевской губернии. Фамилия их была Бабак, которая просуществовала лет 50, до паспортизации, когда мы все стали Бабаковыми, хотя Бабак ещё долго в народе оставалась как кличка.

Мой дед, Алексей Иосифович, участник Первой мировой войны, прошагавший пешком от Усть-Каменогорска до Омска где-то в 1914 году. Железной дороги в Усть-Каменогорске ещё не было, и поэтому только из Омска по железной дороге их отправили в пекло Первой мировой.

Вернувшись уже после революции домой, дед создал семью по старым обычаям, когда молодую жену просто привозят и до этого молодые ни разу не видятся, его супруга и по совместительству моя бабушка была из села Белое.

Мой отец, Николай Алексеевич, стал первенцем в этой молодой семье, бабушка родила всего 12 детей, из которых выжило шестеро, впоследствии все жили до какого-то периода в Малороссийке, и у каждого из них своя история.

Дед мой был мастером на все руки – и столяр, и кузнец, и строитель. В селе Воздвиженка во времена НЭПа он построил свою водяную мельницу, обеспечивал мукой всю округу.

В 1933 году его раскулачили, мельницу забрали в собственность государства, и он работал на ней уже как наёмный работник.

Всё шло своим чередом, в 1941 году началась Великая Отечественная война и родилась последняя дочь Надежда, которой сейчас 83 года, и она единственная из этого поколения.

Моего отца в 1941 году призвали в армию и отправили на фронт.

Деда оставили в Воздвиженском колхозе руководить невоеннообязанными. Но осенью 1943 года, как бывало в тех местах, снег выпал раньше времени, и работники, в основном женщины, не успели убрать одно поле пшеницы. Деда – председателя колхоза – посадили в тюрьму на три года.

После войны, где-то в 1947–1948 году, дед со всей большой семьёй переехали в Малороссийку, а мой отец, Николай Алексеевич, после войны работал в военкомате посёлка Терек Кабардино-Балкарской АССР. С фронта он вернулся офицером.

Как получилось, точно не знаю, история весьма занимательная, но он там встретил мою будущую маму, уроженку соседского села Ивановка Кокпектинского района Казахской ССР.

В Терек в 1946 году родился я, Геннадий Николаевич Бабаков, и в 1947–1948 году уже со мной родители вернулись в Малороссийку, где воссоединились с семьёй деда.

Николай Алексеевич Бабаков с женой, детьми и внуками, 1986 г.

Освоившись, дед, имея за плечами опыт строительства мельницы в Воздвиженке, приступил к строительству новой водяной мельницы, пользуясь помощью уже взрослых детей.

Место для строительства было выбрано на пригорке, перед спуском к каскаду проток реки Букони, скалистая щель, куда впадал небольшой арык. Деревянное колесо было размещено в этой щели, а вода арыка, падая с высоты, приводила в движение это колесо. Как помню, рядом было построено здание мельницы, где жернова из белого камня приводились в движение от крутящегося колеса. Из приёмного бункера зерно подавалось в центральное отверстие рабочих камней – жерновов, которые перемалывали зерно в муку.

Мельница славилась на всю округу, на ней мололи не только зерно колхозов, но и жителей, которые получали на свои трудодни зерно. Мололи также и сушёную черёмуху.

Бабушка пекла свой знаменитый вкусный хлеб, огромные булки, которыми мой дядя Василий угощал моих одноклассников и друзей, проходивших мимо мельницы из школы в Джумбе, посёлке на правом берегу реки Букони.

Я был маленьким свидетелем всех этих процессов, которые врезались в память на всю жизнь.

Электричества не было, электростанцию для двух поселений – Джумбы и Малороссийки – построили уже при моей памяти в начале 50-х годов.

Электростанция была построена рядом с мельницей. К ней подвели из русла Букони большой арык, водой которого крутилась турбина. Дед мой участвовал в строительстве этой электростанции, его опыт был необходим, но это уже другая история.

Григорий Раструба

Григорий Раструба

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ МАЛОЙ РОДИНЕ

Малороссийка, родина моя,
Тебя люблю, как прежде, я.
Ты духом жизни плоть мою питала,
Любовь к родной земле
Во мне ты воспитала.
Твоих просторов дивную красу
По жизни в сердце я своим несу.
Букони изумрудные потоки,
С Калбинских гор берущие истоки,
Твоих хрустальных вод прохлада
В жару для жаждущих услада.
Джумба – приток, как ангела слеза,
Как неба отраженья бирюза,
Средь скальных гор к тебе пробила путь,
Чтоб свой поток в тебя вдохнуть.
И мутный Кожайдак вольётся в твои воды,
Как дар волшебницы природы.
Люблю черёмух аромат цветенья,
И соловьёв божественное пенье,
И чистый воздух соединит в гармонию природы
Для сердцем и душою зрячего народа.
Прекрасен мир, когда окрест и там и тут
Орешники, пионы и жарки цветут.
Люблю твоих лугов душистых шелковистость,
Ночных циклоделей мелодичные трели
И звонкие песни весенней капли.
Люблю я твои крутосклонные горы
И тучных джайляу несметных просторы.
Прекрасный Свистун, Актасты, Аюкошкан,
Майкалган и Желтугеня волшебный туман,
Домов азиатские плоские крыши,
Окрестных пещер таинственных ниши
И самобытность особую твою
Так же, как в детстве, безмерно люблю!

Знакомые скалы,
Буконь чиста как слеза,
И солнце лучистое слепит глаза,
Орешник душистый там в мае цветёт,
Там пчёлам дарует акация мёд,
Аромат разнотравья там летом пьянит,
И ягод обилье всех в горы манит.
А вверх по теченью шумит водопад,
Прохладою встретить он путников рад,
Там тучами рыбы стоят у струи,
В черёмухах рясных поют соловьи.
Мальцом босоногим купался я в этой хрустальной воде,
Блаженства такого не испытал никогда и нигде.
Здесь деды мои добывали руду,
Отец приучал в малолетстве к труду,
От этой воды и от этих вот скал
Я силы набрался и возмужал.
Я верю, наступит тот день и тот час,
Когда я в родные края появлюсь
И в пояс земельке родной поклонюсь.

Валентина Майнингер-Балабко:

Я хоть и ребёнком уехала из этих мест. Но богатая природа, со всеми холмами и речками, у меня до сих пор в моей душе. И всем, кто выставляет фото с красивыми пейзажами этих мест, огромное спасибо.

Вера Сычевская (Апенько):

Мой дедушка переехал в Малороссийку в 1906 году из села Роговка Черниговской губернии. В то время оттуда было много переселенцев. Первыми переселенцами были также семьи Капля и Ломовых. Их потомки живут в Шарыпово – Сергей Филатович Капля и его жена Клавдия Северьяновна (по девичьей фамилии Ломова).

Любовь Бондаренко:

Мои предки тоже из Малороссийки. Дед – Фома Андреевич Чаплин, бабушка – Мария Ивановна Киянцева. По словам Олимпиады Порубаевой (Солошенко): Алексей Иванович Киянцев работал на руднике «Джумба», с его сыном Анатолием я училась в одном классе. Он сейчас живёт, кажется, на Украине.

Николай Слабкевич:

Мои предки Жежер были одними из первых переселенцев и участвовали в создании Малороссийки. По линии Матвиенко не знаю, в каком году приехали! А прабабушка моя, в девичестве Жежер, прибыла в Малороссийку в 1906 году. Для меня очень важна любая информация, связанная с Малороссийкой, тем более что власти Казахстана мою малую Родину уже переименовали! Малороссийки как населённого пункта в Казахстане, к сожалению, уже нет!

ПОМНИМ, ГОРДИМСЯ И ЧТИМ
ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ

В Малороссийке группа односельчан во главе с Владимиром Викторовичем Мягковым, выполнявшим в селе обязанности старосты, организовала создание и установку памятника жителям Малороссийки – участникам Великой Отечественной войны. Активными участниками группы были Мария Викторовна Мягкова, Василий Михайлович Сорокин, Людмила Михайловна Сорокина, Валентина Александровна Сорокина.

Благодаря их кропотливой работе были установлены и увековечены в памятнике многие участники ВОВ.

Однако активистам создания памятника удалось добыть сведения далеко не обо всех участниках ВОВ. По информации потомков жителей Малороссийки, на памятнике отсутствуют фамилии многих участников Великой Отечественной войны. (Сайт Одноклассники <https://ok.ru/messages/559027829776>.)

Василий Винник: Мне помнится, в школе был список участников ВОВ в 700 с лишним человек.

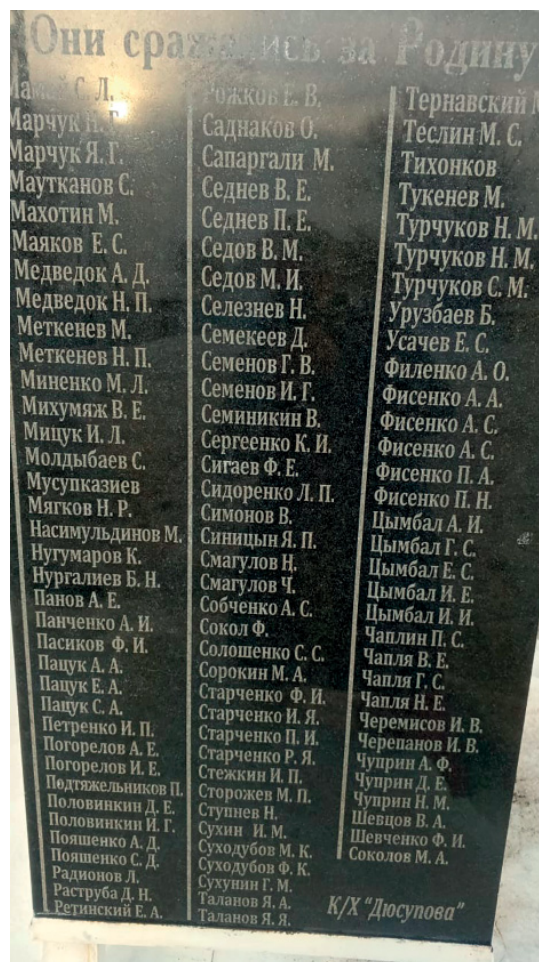
Владимир Мягков с женой Марией

Обелиск участникам ВОВ в Малороссийке

Список обелиска 1

Список обелиска 2

Иван Михайлович Седов и его дочь Любовь Ивановна

Сергей Егорович Седнев

Любовь Белицкая (Седова): В этом списке нет фамилии моего отца. Названы только двое. Из семьи Седовых на фронт уходили трое – Михаил Иванович – отец, и два сына – Василий Михайлович и Иван Михайлович. В те годы они жили в Малороссийке, призывались Самарским военкоматом. Мой папа – Иван Михайлович Седов, родился и вырос в Малороссийке. Перед войной его призвали в армию. В городе Джамбуле он немного поучился в сержантской школе. Будущих младших командиров обучили выполнению уставов, научили прицельно стрелять, разбирать, чистить и собирать автомат, винтовку, командовать отделением. Присвоили звание младшего сержанта и отправили на фронт. Командовал он отделением штрафников (проштрафившихся). По воспоминаниям отца, ему было очень трудно ими управлять. Но в боях они дрались как черти.

Наград штрафникам не давали, они обязаны были смывать свою вину кровью. Папа участвовал в боях по освобождению Харькова, где его тяжело ранило. За проявленный героизм папу наградили медалью «За отвагу». После ранения отец лечился вместе с Иваном Елисеевичем Цымбалом. Потом они из госпиталя вместе ехали домой.

Друзья помогли мне найти архивные данные про всех Седовых, которые были призваны из Малороссийки и воевали. Мой отец пришёл с войны живым. Работал начальником почты. После закрытия шахты и фабрики в Джумбе переехал с мамой в село Большая Буконь. В Большой Букони он вёл общественную работу. Был председателем Совета ветеранов. Прожил 72 года. Помню, люблю и отцом горжусь всегда.

Михаил Иванович Седов (1903 г. р.), уроженец ВКО Самарского района. Погиб 26.03.1943 г. в Старорусском районе Ленинградской обл.

Василий Михайлович Седов (1926 г. р.), уроженец ВКО Самарского района д. Новороссийская. Погиб 10.04.1945 г., не дожил месяц до Победы. Место захоронения Нуссердорф, Австрия.

Нина Краснобородкина (Седнева): Мой родной по линии мамы дядя Сергей Егорович Седнев родился в 1917 году и проживал в Малороссийке. После окончания средней школы работал водителем. В 1937–1940 годах проходил службу в Красной армии, а в августе 1941 года повторно был призван в армию и направлен на фронт.

Отличился во время битвы за Днепр. С 25 сентября по 20 октября 1943 года дядя занимался переправой на пароме советских частей через Днепр в районе города Канева Черкасской области Украинской ССР, совершив под массированным вражеским огнём в общей сложности более трёхсот рейсов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года за «мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра», ефрейтор Сергей Седнев был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 2319. За проявленный героизм в боях был также награждён рядом медалей.

После окончания войны Сергей Седнев был демобилизован, проживал и работал в Киеве. Умер 28 июля 1975 года.

*Трофим Михайлович
Борзилов*

Валентина Любченко-Борзилова:

Моего отца, Трофима Михайловича Борзилова, нет в списке на памятнике. Он родился в 1898 году, родом с Дона, в Казахстан приехал вместе с братом Фёдором Трофимовичем в числе первых переселенцев. Проживали в рабочем посёлке на руднике «Джумба». Отец работал в шахте рудника.

В 1941 году его в возрасте 43 лет призвали на защиту Родины. После окончания войны отец был демобилизован и вернулся в Джумбу. Его сын от первой жены Иван Трофимович в 16 лет с группой ровесников самостоятельно уехал на фронт. На фронте Иван пропал без вести, поиски отцом результатов не дали.

В 1948 году отец умер в возрасте 50 лет, мне было всего 1 год 8 месяцев. Отца знаю только по фото. Мама рассказывала, что отец на фронте возил на передовую продукты, боеприпасы, обмундирование. Другой информации об участии отца в ВОВ у меня, к сожалению, нет.

Емельян Иванович Мамай

Ольга Косьяненко (Гонтарь): Мой дед Емельян Иванович Мамай, я его старшая внучка дочери деда Анны – Галины.

О своём дедушке могу сказать точно, что он прошёл Финскую. Потом был призван на Отечественную. По документам, погиб под Ленинградом, осенью 1942 года пришла похоронка на него. Но он вернулся.

Мамаи приехали в Малороссию из-под Чернигова. Какая правильная фамилия изначально, не знаю. Потому что даже в свидетельстве о рождении у мамы очень много несоответствий и ошибок.

Мама говорила, что дед Емельян старше бабушки Мариички на три года. А она с 1915 года. День и месяц рождения деда и бабушки не знаю, только дни смерти.

Когда у деда умерла мать, в доме остались мужчины, прадед Иван и трое его сыновей – Емельян, Поликарп, имя третьего не знаю. Внучка Поликарпа Ивановича Мамаева сказала, что он погиб и похоронен в Орловской области.

Была ещё у них дочь Ганна, но она уже жила отдельно и была замужем. Моя бабушка Мариичка (девичья фамилия Плужникова) ходила им помогать. Вот их и решили с дедом Емельяном поженить. Бабушке было 16 лет.

В январе 1932 года родилась моя мама Анна. Хотя родители её называли Ганной. Но в метриках почему-то записана Анна. О том, что она не Ганна, стало ясно, когда пошла в школу. Дома её все звали Галей. В 1938 году в семье деда родился сын Алексей.

Когда началась Отечественная война, у деда Емельяна была бронь и его на фронт сразу не взяли. Он несколько раз ездил в военкомат, но безуспешно, потому что он был трактористом, передовиком. Одним словом, не отпускали с колхоза, кому-то надо было хлеб выращивать.

На фронт он попал в 1942 году. Случайно остался жив. В бою был контужен, ранен и лежал в окопе без сознания. Вечером у убитых собрали документы. Документы взяли и у деда. А ночью пошёл дождь и стало заливать окоп водой. Дед пришёл в сознание, но подняться не смог. Хватило силы только заползти на убитого, который лежал рядом. Утром пришла похоронная команда и его обнаружили живым. Отвезли в госпиталь, где ампутировали ногу.

Бабушка получила похоронку, но дед вернулся домой, хотя и стал инвалидом. Работал кладовщиком, имел рядом с домом пасеку. Ему несколько раз отпиливали ногу в Семипалатинске. Несмотря на инвалидность, он и дом построил, огородом занимался, плотничал, сапожничал.

В 1944 году родился Николай, в 1947 году – Василий, а 1953 году – Владимир.

Жена деда, моя бабушка Мариичка, летом 1954 года поранилась, в больницу сразу не обратилась, а когда обратилась, было поздно. Она умерла 03.09.54 г. от столбняка.

Мама – Анна Емельяновна – после 7-го класса поступила в педучилище в Зайсане. Жить устроились с подругой на квартиру. Квартирная хозяйка их напугала, что они не смогут просто так уезжать и приезжать в Зайсан, так как это приграничная зона, въезд и выезд был только по пропускам, которые заказываются заранее. Подруга запаниковала и уехала домой. Мама тоже не захотела оставаться одна и уехала домой в Малороссийку. Снова пошла в школу, окончила 8-й класс и поехала поступать в Усть-Каменогорск. Поступила в кооперативный техникум на бухгалтера.

Бабушка дала маме денег, чтобы она поменяла имя, но маме стало жалко отдавать за это деньги, и она на них купила швейную машинку. Окончила техникум и по распределению попала в село Кокпекты. В июне 1954 года вышла замуж и переехала жить к мужу в село Георгиевку Жарминского района. А в сентябре схоронили бабушку Мариичку.

Старшего из братьев, Алексея, после похорон мама забрала к себе. Младшего – Володю – забрала старшая сестра бабушки Мариички, Матрёна Степановна. Она в тот момент уже разошлась с мужем и жила со своей мамой Надеждой Даниловной Плужниковой недалеко от деда Емельяна.

Дед Емельян несколько раз сходил с женщинами, но ненадолго. В 1958 или в 1959 году дед с сыновьями и очередной женой переехали жить в село Георгиевку. Купили домик в центре села.

В последних числах декабря 1959 года была свадьба Алексея Емельяновича и Раисы Семёновны Редаковой, дочери Марии Архиповны Гаркуши. Алексей взял ссуду и купил домик на окраине села. Впоследствии и дед Емельян, и Алексей построили себе новые дома.

Из Георгиевки в 1964 или в 1965 году дед уехал в село Болдын с младшим сыном Владимиром. Там и умер в 1968 году. А Володю забрал к себе брат Алексей в Георгиевку.

Надежда Волкова: Да, список не полный. В списках нет моего отца, Фёдора Степановича Плужникова. Фёдор Степанович по документам родился 5 июня 1926 года. А баба Надя, мама Фёдора, говорила, что он родился на Троицу в 1927 году. Председатель сельсовета записал дату его рождения раньше, чтобы отправить работать на рудник, но бабушка Надя смогла немного скинуть. В 1943 году его призвали в армию. Сначала был в запасном полку, а с января 1944 года воевал на 3-м Белорусском фронте. Участвовал в освобождении Белоруссии, взятии порта Пиллау и крепости Кёнигсберг. Тогда он был младшим сержантом. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Папа со своим пулемётным расчётом закрепились на кладбище. А когда наши пошли в контратаку, папа со своим расчётом ударили фашистам во фланг, и те отступили. Благодаря действиям пулемётного расчёта папы полк смог значительно продвинуться вперёд, и командир полка представил папу к званию Героя, но документы где-то затерялись.

Фёдор Степанович Плужников

Ольга Косьяненко (Гонтарь): По линии Плужниковых. Как рассказывала мама, прабабушка Надежда Даниловна была из многодетной бедной семьи. В девять лет её отдали в няньки. Вначале нянчила детей в одной семье, а потом в другой. Один из хозяев был церковнослужителем. Со второй семьёй она и переехала из Украины (из-под Белой Церкви) в Казахстан в Малороссийку. Здесь её отдали замуж за Степана Плужникова.

Надежда Даниловна родилась где-то в 1884–1886 году. У неё были дети: Василий, Матрёна (1912 г. р.), Мария (1915 г. р.), Ольга (умерла в младенчестве), Нина (1919 г. р.), Екатерина (1925 г. р.) и Фёдор (1927 г. р.). Но Фёдор добавил себе год и ушёл на фронт.

Нина Степановна вышла замуж за Алексея Афанасьевича Соколова (1920 г. р.). Он тоже из семьи переселенцев и жил в Малороссийке.

А свёкор прабабушки Надежды Даниловны Плужников дожил до 105 лет. Он пешком носил почту из Усть-Каменогорска в Малороссийку и обратно через горы по короткой дороге, которой пользовались старатели.

Любовь Тимофеева (Погорелова): Моего отца, Фёдора Егоровича Погорелова, нет в списке, на монументе две фамилии Погореловых, или опечатка с инициалами? Василий Винник ответил Любове: «Нет, Люба, не опечатка, двое Погореловых. Иван Егорович и Антон Ефремович».

Валентина Мирошникова (Мицкевич): Мой отец, Иван Семёнович Мицкевич, тоже воевал. Начинал с Финской, весь период Отечественной и на Халхин-Голе. Был демобилизован и в августе 1945 года вернулся в Малороссийку. Однако его в списке на памятнике нет.

Кульпари Жайсанбаева: Сколько людей села Малороссийки уходили воевать! Хорошо знала И. Е. Цымбала. Вечная слава нашим отцам-воинам!

Григорий Гаркуша: В списке на памятнике нет Алексея Архиповича Гаркуши, Мифодия Семёновича Гаркуши, моего брата Ивана Яковлевича Гаркуши, а также Василия Фёдоровича Щитченко, пропавшего без вести в марте 1942 года на фронте. Алексей Гаркуша вернулся с фронта инвалидом. В 60-е годы ему как инвалиду выдали автомобиль «Запорожец».

Наталья Кузьменко: Мой дед, папин отец Никита Федосеевич Кузьменко, 1897 года рождения, участник ВОВ, погиб под Курском. Мамин отец, Александр Михеев, также участник ВОВ, пришёл с войны живой. К сожалению, его имени нет на памятнике в Малороссийке. Бабушка, мамина мама, Елизавета Архиповна Сычёва, из Ново-Тимофеевки переехала с семьёй в Малороссийку.

Мой отец, Иван Никитович Кузьменко, родился в 1938 году и жил в Малороссийке. Мама, Мария Александровна Сычёва, родилась в 1937 году в Сарабели. Папа познакомился с мамой и ушёл в армию на три года. Живут они с мамой до сих пор в Малороссийке. Маме 87 лет. А папе будет в мае 87. Работали они всю жизнь в колхозе, а после преобразования – в совхозе.

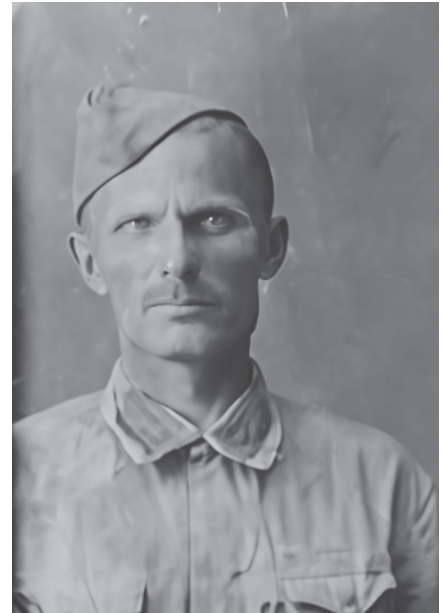
Лидия Павловна и Николай Леоновы, мне кажется, они жили в Малороссийке всю жизнь. Сейчас их уже нет в живых.

Деревня разваливается. Домов мало осталось. Старожилы только Надя Чаплина, ей 93 года. И Мария Сазоновна Гавриленко с дядей Колей. А по годам они, по возрасту, по-моему, такие же, как мои родители.

Людмила Корниенко: На памятнике в селе Малороссийке «Они сражались за Родину» нет фамилии моего дяди – маминого брата, Андрея Прокопьевича Бондик. Есть только фамилия моего брата – Николая Григорьевича Корниенко. Брат Коля хорошо играл на гармошке, и она долго стояла дома, её никому не отдавали, всё думали, что он ещё вернётся.

Людмила Панова (Корниенко): Ануфрий Фёдорович Фисенко (1898–1968) мой дед, отец моей мамы, Нины Ануфриевны Корниенко, участник ВОВ. Его, к сожалению, нет в списке на памятнике в Малороссийке. Ануфрий был мобилизован 05.09.1942 г., прошёл всю войну, был ранен в грудь в апреле 1945 года при взятии Кёнигсберга. Для лечения был перевезён в госпиталь в Польшу, в город Лодзь. В его лёгких застрял осколок величиной с монету, а при операции осколок извлечь врачи не решились из-за опасений за его жизнь. В ходе операции могло остановиться сердце. В госпитале он находился до глубокой осени 1945 года. Осенью 1945 года домой его привёз сопровождающий, так как состояние деда было тяжёлым и самостоятельно он не мог передвигаться.

В Малороссийке знающие жители посоветовали ему для восстановления здоровья ехать жить в горы на пасеку. Весной 1946 года его лежачим отвезли на пасеку в горы, и там он встал на ноги. Благодаря целебным свойствам окружающей природы, пчёлам, мёду, выносливости и большой силе воли он смог не только существовать, но и трудиться. Ануфрий многие годы успешно работал пчеловодом на колхозной, а затем совхозной пасеке. С фашистским осколком в лёгких он дожил до 70 лет.

Ануфрий Фёдорович Фисенко

Владимир Сухоруков:

На памятнике в списке участников Великой Отечественной войны нет моего отца, Макара Денисовича Сухорукова. По профессии он был машинистом. С сентября 1941 года по ноябрь 1942 года воевал стрелком в 36-й мотобригаде. В ноябре 1942 года был тяжело ранен в поясницу и правую руку, его доставили в ближайший к боевым действиям госпиталь, подготовили к транспортировке и перевезли в эвакогоспиталь в город Омск. Там он проходил лечение и восстановление до апреля 1943 года. В апреле 1943 года отец был признан негодным к военной службе и уехал в Малороссийку, где проживал с семьёй до 1978 года, работал пчеловодом.

*Владимир Макарович
Сухоруков*

*Макар Денисович
Сухоруков*

Виктор Цымбал: На памятнике в списке участников ВОВ есть мой отец, его братья и родственники. Отец в своих воспоминаниях указал, что вместе с ним на фронт уезжали Степан Евтифович Корчик и И. Т. Шабалин.

Спасибо всем, кто участвовал в создании этого памятника! Многих участников ВОВ, кто вернулся в Малороссийку, знал и помню!

Я несколько раз обращался в архив района и области с просьбой сообщить информацию о мобилизованных жителях Малороссийки и Джумбы – участниках ВОВ, но мне никакой информации не сообщили.

Как сложно сейчас ощущать и осознавать, насколько было трудно жить нашим родителям во время войны и в послевоенные годы, как было трудно всем. Тысячи детей потеряли своих отцов, тысячи матерей остались без сыновей и мужей, каждая семья ощутила на себе этот неизгладимый болевой удар, удар от событий страшного и беспощадного слова – «война».

Мы обязаны помнить каждого, кто отдал жизнь за победу и защищал в боях нашу Родину.

Мы гордимся героизмом и стойкостью наших солдат-односельчан, которые сражались за нашу Родину 80 лет назад, и имена их всех до единого должны быть высечены в граните на вечную память потомкам.

Уточнённый по информации потомков переселенцев, но, к сожалению, ещё далеко не полный список жителей Малороссийки и Джумбы – участников Великой Отечественной войны:

Акашев Т.	Василенко Н. И.	Климович М. С.
Алёшин И. И.	Василенко Ф. И.	Коваленко В. А.
Амельченко А. Н.	Ветров Г. А.	Козлов З.
Антоненко И. А.	Воронин Е. Ф.	Козлов Л.
Апенько Д. В.	Ворошилов Я.	Колачев Г. И.
Апенько Е. Я.	Выкристюк Г. В.	Кольков В. Г.
Апенько С. П.	Гапоненко М.	Комаров Г. А.
Асосок Г. И.	Гаркуша С. Ф.	Корней Н. С.
Бабаев Ж.	Гаркуша Алексей Архипович	Корниенко Николай Григорьевич
Бабаев К.	Гаркуша Иван Яковлевич	Корчик А. Е.
Бабаев М.	Гаркуша Мефодий Семёнович	Корчик В. Е.
Бабаков Николай Алексеевич	Герасименко Г. М.	Корчик Г. Е.
Бабченко Я.	Герасименко И. М.	Корчик Степан Евтифович
Бажаев Б. М.	Геращенко Д. К.	Кошербаев Д.
Балабко А. И.	Геращенко И. Ф.	Кошербаев З.
Бездольный И.	Глинин П. М.	Кузовихин И.
Безкишко А. Л.	Горюнов Н. И.	Кузьменко Никита Федосеевич
Белоножко И. М.	Дмитриев И.	Кусаинов Н. И.
Белоножко М. С.	Дроношеевич П.	Лаптев А. П.
Белоножко Н. М.	Дубовцев И.	Лебедев Г. Х.
Белоножко Н. Ф.	Думенко Г. М.	Леоненко А. И.
Белоножко О. С.	Еремин	Леоненко А. И.
Беляков Г. Д.	Жанаев К.	Леоненко И. И.
Беляков Е. Д.	Жапаров С.	Лифоновский В. А.
Беляков И. Г.	Жежер И. Н.	Лобок Г. Л.
Беляков Н. Е.	Жигулин К. Ф.	Лобок И. О.
Бехтерев В. А.	Жигулин М. Ф.	Лобок Л. Н.
Близнюк И. С.	Жиленко В. М.	Ломов А. С.
Богубаев М.	Жогов В. З.	Лыгус С. Г.
Боженский Г. Ф.	Жоламанов К.	Лыгус С. Г.
Бойко А. П.	Жоламанов М.	Мазепа М. И.
Бойков М. П.	Закиев К.	Макиенко Д. Н.
Бондик Андрей Прокопьевич	Закиров Х.	Макиенко П. С.
Борзилов Иван Трофимович	Закиров Ч.	Мамай Емельян Иванович
Борзилов Трофим Михайлович	Ибраимов А.	Мамай И. П.
Бравко А. Е.	Ивченко П.	Мамай К. И.
Бравко Е. Е.	Исаев В. Ф.	Мамай К. Л.
Бражников	Искаков Г.	Мамай С. Л.
Братков Д. В.	Кальков Егор Гаврилович	

Мамай Поликарп Иванович	Саднаков О.	Таланов Я. Я.
Марчук Н. Г.	Сапалёв Иван Григорьевич	Тернавский М. Ф.
Марчук Я. Г.	Сапаргали М.	Теслин М. С.
Маутканов С.	Седнев Сергей Егорович	Тихонков
Махотин Михаил Гаврилович	Седнев В. Е.	Тукенев М.
Маяков Е. С.	Седнев П. Е.	Турчуков Н. М.
Медведок А. Д.	Седов Василий Михайлович	Турчуков Н. М.
Медведок Н. П.	Седов Иван Михайлович	Турчуков С. М.
Меткенов М.	Седов Михаил Иванович	Узурбаев Б.
Меткенов Н. П.	Селезнёв Н.	Усачев Е. С.
Миненко М. Л.	Семекеев Д.	Филенко А. О.
Михеев Александр	Семенов Г. В.	Фисенко А. А.
Михумяж В. Е.	Семенов И. Г.	Фисенко А. С.
Мицук И. Л.	Семиникин В.	Фисенко А. С.
Мицкевич Иван Семёнович	Сергеенко К. И.	Фисенко Ануфрий Фёдорович
Молдыбаев С.	Сигаев Ф. Е.	Фисенко П. А.
Мусупказиев	Сидоренко Л. П.	Фисенко П. Н.
Мягков Н. Р.	Симонов В.	Цымбал А. И.
Насимильдинов М.	Синицын Я. П.	Цымбал Г. С.
Нугумаров К.	Смагулов Н.	Цымбал Е. С.
Нурғалиев Б. Н.	Смагулов Ч.	Цымбал Иван Елисеевич
Панов А. Е.	Собченко А. С.	Цымбал И. И.
Панченко А. И.	Сокол Ф.	Цымбал Степан Елисеевич
Пасиков Ф. И.	Соколов М. А.	Цымбал Семён Иванович
Пацук А. А.	Солошенко С. С.	Чаплин П. С.
Пацук Е. А.	Сорокин М. А.	Чапля В. Е.
Пацук С. А.	Старченко Ф. И.	Чапля Г. С.
Петренко И. П.	Старченко И. Я.	Чапля Н. Е.
Плужников Фёдор Степанович	Старченко П. И.	Черемисов И. В.
Погорелов Антон Ефремович	Старченко Р. Я.	Черепанов И. В.
Погорелов Иван Егорович	Стежкин И. П.	Чупрына Алексей Филиппович
Погорелов Фёдор Егорович	Сторожев М. П.	Чупрына Андрей Филиппович
Подтяжельников П.	Ступнев Н.	Чупрына Иван Филиппович
Половинкин Д. Е.	Сухин И. М.	Чуприн А. Ф.
Половинкин И. Г.	Суходубов М. К.	Чуприн Д. Е.
Пояшенко А. Д.	Суходубов Ф. К.	Чуприн Н. М.
Пояшенко С. Д.	Сухунин Г. М.	Шабалин И. Т.
Радионов Л.	Сухоруков Макар Денисович	Шевцов В. А.
Раструба Д. Н.	Сычёв ? Иванович	Шевченко Ф. И.
Ретинский Е. А.	Сычев Фёдор Викторович	Щитченко Василий Фёдорович
Рожков Е. В.	Таланов Я. А.	

Жирным шрифтом указаны дополнительно включённые в список участники ВОВ и известные имена и отчества вместо инициалов. Этот список далеко не полный, поиски продолжаются. Самыми многочисленными участниками ВОВ из семей потомков первых переселенцев являются семьи моего деда Елисея Цымбала и его братьев – 7 человек, Мамай – 6 человек, Фисенко – 6 человек, Белоножко – 5 человек, Гаркуша – 4 человека, Корчик – 4 человека, Беляковых – 4 человека, Старченко – 4 человека.

Я направил обращение в МИД России с просьбой оказать содействие в получении из архивов Казахстана полного списка участников ВОВ, призванных из Малороссии и рабочего посёлка Джумба. Если получу список, то постараюсь опубликовать в электронной версии книги или на сайте Одноклассники.

Владимир Рудометкин поделился со мной информацией неизвестного автора.

ОДА ПОКИНУВШЕЙ НАС СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ – СССР

Она была суровой и совсем неласковой с виду. Не гламурной, не приторно любезной. У неё не было на это времени. Да и желания порой не было. Происхождение тоже подкачало – простой она была. Всю жизнь, сколько помню, она работала. Много работала, очень много... Занималась всем сразу. И прежде всего – нами, оболтусами. Кормила, как могла. Не трюфелями, не лангустами, не пармезаном с моцареллой, а простым сыром, обычной колбасой, завернутой в грубую серую обёрточную бумагу. Учила нас, совала под нос книги, запихивала в кружки и спортивные секции, водила в кино на детские утренники по 10 копеек за билет, в кукольные театры, в ТЮЗ. Позже – в драму, оперу и балет. Учила думать и делать выводы, сомневаться и добиваться. И мы старались, как умели. И капризничали, и воротили носы. При этом выросли, умнели, мудрели, получали степени, ордена и звания. И ничего не понимали, хотя и наивно думали, что понимаем всё. А она снова и снова отправляла нас в институты и университеты, в НИИ, на заводы и на стадионы, в колхозы, в стройотряды, на далёкие стройки и даже в космос. Она всё время куда-то нацеливала нас. Даже против нашей воли. Брала за руку и вела, тихонько подталкивая сзади. Потом махала рукой и уходила дальше, наблюдая за нами со стороны. Издалека. Она не была благодушно-показной и нарочито-щедрой. Она была экономной и бережливой. Не баловала бесконечным разнообразием заморских благ, предпочитая своё, домашнее. Но иногда вдруг нечаянно дарила американские фильмы, французские духи, немецкие ботинки или финские куртки. Нечасто и немного. Зато все они были отменного качества – и кинокартины, и одежда, и косметика, и детские игрушки. Как и положено быть подаркам, сделанным близкими людьми. Мы дрались за ними в очереди. Шумно и совсем по-детски восхищались. А она вздыхала. Молча. Она не могла дать больше, и потому молчала. И снова работала – строила, возводила, запускала, изобретала... И кормила. И учила. Но нам не хватало. И мы роптали. Избалованные дети, ещё не знающие горя, мы ворчали и жаловались. Мы были недовольны. Нам было мало. И однажды мы возмутились. Громко. Всерьёз. Она не удивилась. Она всё понимала. И потому ничего не сказала, а тяжело вздохнула и ушла. Совсем. Навсегда. Она не обиделась. За свою долгую трудную жизнь она ко всему привыкла. Она не была идеальной, и сама это понимала. Она была живой и потому ошибалась. Иногда серьёзно, но чаще трагически. В нашу пользу. Она просто слишком любила нас. Хотя и старалась особенно этого не показывать. Она слишком хорошо думала о нас. Лучше, чем мы были на самом деле. И берегла нас, как могла. От всего дурного. Мы думали, что мы выросли давно. Мы были уверены, что вполне проживём без её заботы и без её присмотра. Мы были уверены в этом. Мы ошибались. А она – нет. Она оказалась права и на этот раз. Как и почти всегда. Но, выслушав наши упрёки, спорить не стала. И ушла... Не выстрелив, не пролив крови, не хлопнув дверью, не оскорбив нас на прощанье... Ушла, оставив нас жить так, как мы хотели тогда. Вот так и живём с тех пор. Зато теперь мы знаем всё. И что такое изобилие, и что такое горе. Вдоволь. Счастливы мы? Не знаю. Но точно знаю, какие слова многие из нас так и не сказали ей тогда. Мы заплатили сполна за своё подростковое нахальство. Теперь мы поняли всё, чего никак не могли осознать незрелым умом в те годы нашего безмятежного избалованного детства. Спасибо тебе! Не поминай нас плохо. И прости! Прости за всё.

Прости, наша Советская Родина!

Список использованных материалов

1. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758, М., 1983. С. 75.
2. *Катанаев Г. Е.* Историческая справка о том, как построен г. Омск. Омск: Квант, 1996. С. 10.
3. *Черных С. Е.* Начало положила крепость. Сборник статей, очерков. Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Государственный архив Восточно-Казахстанской области / сост. Л. П. Рифель. Усть-Каменогорск, 2004. 67 с., с портр.
4. *Дурново И. В.* Государственный архив Восточно-Казахстанской области. Из истории образования Восточно-Казахстанской области.
5. Литературная газета. 1945. № 11.
6. <https://gufo.me/dict/dal/%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%B0?ysclid=m6xnynxhtq821024505>.
7. <https://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-mestorozhdeniya-zolota-kazahstana-spravochnik.pdf>, ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Боны_\(финансы\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Боны_(финансы))).
8. Города и сёла Восточного Казахстана: Рек. указ. лит. Усть-Каменогорск: Б. и., 1995. С. 14–17.
9. <https://www.kray.pushkinlibrary.kz/ru/hist-chronika/istoriya-sjol-vko/92-kraevedcheskie-meropriyatiya/3347-istoriya-sela-malorossijka-zhumba.html>.
10. <https://olketanu.pushkinlibrary.kz/index.php/ru/2012/3347-istoriya-sela-malorossijka-nyne-zhumba.html>
11. https://rapsinews.ru/historical_memory_news/20231127/309416503.html
12. [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%BD_\(%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%83%D0%BD_(%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%)
13. https://nikulins.ucoz.ru/Shems/087_kollektivizacija.pdf
14. <https://dic.academic.ru/synonyms/буконя>
15. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Урюм-река_\(роман\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Урюм-река_(роман))
16. https://satellites.pro/Google_plan/Malorossiyka_map.Qostanay.Kazakhstan#53.183304,62.448649,15
17. <https://satellites.pro/>
18. <http://foto-planeta.com/np/61513/malorossiyka.html>
19. https://satellites.pro/Google/Malorossiyka_map.East_Kazakhstan.Kazakhstan
20. Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года [https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Казахстана_\(2009\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Перепись_населения_Казахстана_(2009)).
21. <https://ok.ru/messages/559027829776>
22. Реки Казахстана <http://ceb-uk.kz/ru/article/39>
23. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Жумба>
24. *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. ст. советник Тург. обл. правл. И. И. Крафт. Оренбург: скл. изд. у авт, 1898. С. 42–44.
25. *Кекилбаев А.* Елен-Алан, 1994. С. 287.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.